

ISSN 2658-3321

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2025, том 8, № 1

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

2025, volume 8, No. 1

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2025, том 8, № 1

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» – международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

5.8. Педагогика*

- 1) 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 2) 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 3) 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

5.9. Филология*

- 1) 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации
- 2) 5.9.2. Литературы народов мира
- 3) 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский, китайский языки)
- 4) 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском языках*. Журнал приглашает к публикации авторов исследовательских и обзорных статей по проблемам русской и зарубежной лингвистики, литературоведения и педагогики. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяют обеспечить широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей в области языкознания, литературоведения, теории и методики обучения, воспитания, профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвященных разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых ученых и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. **Свидетельство о регистрации:** ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018.

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, номер ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна, Хабибуллина Эльмира Камиловна.

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»

ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес: 420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 10/15

Редакция: 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Сайт: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Телефон: +7 (843) 221-34-79

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Индекс 64986

ГК «Урал-Пресс»

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по учебно-методической работе, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Гревцева Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Закирьянов Альфат Массумзянович – доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Ионова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры общего и русского языкознания, г. Москва, Россия

Калимуллина Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Миннуллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мурашов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором прикладного языкознания, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Россия

Сабирова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, декан Высшей школы иностранных языков и перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Сторожук Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Яроцкая Людмила Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Яхин Фарит Закизянович – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом текстологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2025, volume 8, No. 1

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

5.8. Pedagogy*

- 1) 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 2) 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 3) 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

5.9. Philology*

- 1) 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
- 2) 5.9.2. Literature of the peoples of the world
- 3) 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (English, Chinese)
- 4) 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of “Kazan linguistic journal” sees **the main goal** of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following **tasks**:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: ИИ № FS 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018

The shape of the distribution: print media (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Registered in the Russian Federation ISSN National Agency, ISSN registration number: ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna, Khabibullina Elmira Kamilevna.

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420111

Editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Website: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Index 64986

Phone: +7 (843) 221-34-79

“Ural-Press”

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Published 4 times a year

Head editor

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of theory and practice of translation, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Editorial Board

Adelgeym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Researcher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Avrutina Apollinaria Sergeevna – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Deputy director for education, Kursk State University (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of English studies and crosscultural communication, Moscow City University (Moscow, Russia)

Bushkanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of foreign languages in international relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Professor, Vice President, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Zakirzyanov Alfat Magsumzyanovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Ionova Svetlana Valentinovna – Doctor of Philology, Professor, State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkina, Professor of the Department of General and Russian Linguistics (Moscow, Russia)

Kalimullina Olga Anatolevna – Doctor of Pedagogics, Professor, N.G. Zhiganov Kazan State Conservatory (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Minnullin Kim Mugallimovich – Doctor of Philology, Professor, Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of linguodidactics and translation studies, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of German and French philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Academic Supervisor of Faculty of Humanities, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of Theory and Practice of Translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Riabtseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the sector of Applied linguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Higher school of foreign languages and translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of foreign languages, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English language and translation theory and practice, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia)

Storozhuk Aleksandr Georgievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Fatullina Fluza Gabdullinova – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and comparative philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yakhin Farit Zakirzyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yarotskaya Ludmila Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

• Педагогика. Общая педагогика, история педагогики и образования	
Мамадалиева Г.А. Влияние семьи на развитие личности ребенка	7
• Филология. Русская литература и литература народов Российской Федерации	
Павельева Ю.Е. «Испанский Толстой»: Венецианский доклад С. де Мадариаги	15
Полтавец Е.Ю. Новозаветный реминисцентный фон «Войны и мира» Л.Н. Толстого	28
• Филология. Литературы народов мира	
Забирова О.Р. Гонзо текст как особый вид медиа текста на английском языке (на примере медиа текстов Х.С. Томпсона)	47
Кондакова А.С., Алташина В.Д. Музыка как приют и как неистовая сила в романе Паскаля Киньяра «Вилла Амалия»	57
• Филология. Языки народов зарубежных стран	
Дедюхина А.С. Особенности членения абстрактных понятий.	68
Магомедова С.М. Когнитивно-пропозиционная структура концепта WAR в англоязычном художественном дискурсе	78
Рагимханова Т.И. Лингвистические особенности эбоникса (на материале американского рэпа)	88
• Филология. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика	
Киришинова О.В. Палитра положительных эмоций и ее выражение в звучащей речи	100
Рахимбирдиева И.М., Стерляева Е.А. Сарказм в сериале “Friends” и его перевод на русский и немецкий языки	111
Сакаева Л.Р., Базарова Л.В., Тахтарова С.С. Особенности метафорических терминов сферы нозологии в современном английском языке	123
Хорошева Е.А., Савина Е.В. Передача экспрессивности современных литературных сказок Б. Клавеля на русский язык: синтаксический и фонетический аспекты	133

CONTENT

<ul style="list-style-type: none"> • Pedagogy. General pedagogy, history of pedagogy and education 	
Mamadalieva G.A. The Influence of Family on the Development of a Child's Personality	7
<ul style="list-style-type: none"> • Philology. Russian literature and literature of the Peoples of the Russian Federation 	
Pavelieva Y.E. “Spanish Tolstoy”: the Venice Report of S. de Madariaga	15
Poltavets E.Yu. New Testament Reminiscence Background of L.N. Tolstoy’s “War and Peace”	28
<ul style="list-style-type: none"> • Philological studies. Literature of the peoples of the world 	
Zabirova O.R. Gonzo Text as a Specific Type of an English Media Text (on the Example of H.S. Thompson’s Media Texts)	47
Kondakova A.S., Altashina V.D. Music as a Shelter and as a Violent Force in Pascal Quignard's Novel “Villa Amalia”	57
<ul style="list-style-type: none"> • Philology. Languages of peoples of foreign countries 	
Dediukhina A.S. Features of Abstract Concepts Dismembering	68
Magomedova S.M. The Cognitive-propositional Structure of the Concept of WAR in English-language Artistic Discourse	78
Ragimkhanova T.I. Linguistic Features of Ebonics (based on the Material of American Rap)	88
<ul style="list-style-type: none"> • Philological studies. Theoretical, applied and comparative linguistics 	
Kirshinova O.V. The Palette of Positive Emotions and its Expression in Oral Speech	100
Rakhimbirdieva I.M., Sterlyadeva E.A. Sarcasm in the TV-series “Friends” and its translation into Russian and German	111
Sakaeva L.R., Bazarova L.V., Tahtarova S.S. Metaphorical Terms in English in the Language of Nosology.	123
Khorosheva E.A., Savina E.V. Representation of Expressiveness of Bernard Clavel’s Modern Literary Fairy Tales in Russian Language: Syntactic and Phonetic Aspects	133

**ПЕДАГОГИКА. ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ
ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
PEDAGOGY. GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY
AND EDUCATION**

Научная статья
УДК 37.01

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.7-14>

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

Г.А. Мамадалиева

*Худжандский государственный университет имени академика Бободжана Гафурова,
Худжанд, Таджикистан*

saida.badalova.n@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6459-9006>

Аннотация. В статье рассматривается, что такое семья и какое влияние она оказывает на развитие личности и психики ребенка. Семья понимается как социальная группа, в которой осуществляется воспитание и обучение детей, передача культурных норм и ценностей. Отмечается, что поддерживающая, любящая и стабильная семейная среда может способствовать позитивному развитию ребенка, его самооценке, адаптации к обществу и созданию здоровых отношений в будущем. Кроме того, акцентируется внимание на том, что негативные аспекты семейных взаимоотношений, такие как конфликтность, отсутствие эмоциональной поддержки и нестабильность, могут вызвать трудности в психическом развитии ребенка, что подчеркивает важность создания гармоничной атмосферы в семье для формирования полноценной личности. Изучена ключевая роль семьи в обучении и стимулировании ребенка. В исследовании использовались методы системного анализа и литературного обзора, что позволило объединить теоретические подходы различных авторов.

Ключевые слова: эмоциональная поддержка; образцы поведения; образование и стимуляция; социализация; безопасность и защита

Для цитирования: Мамадалиева Г.А. Влияние семьи на развитие личности ребенка. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 7–14. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.7-14>

Original article

Pedagogy studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.7-14>

**THE INFLUENCE OF FAMILY ON THE DEVELOPMENT OF
A CHILD'S PERSONALITY**

G.A. Mamadalieva

*Khujand State University named after Academician Bobojan Gafurov, Khujand, Tajikistan
saida.badalova.n@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6459-9006>*

Abstract. The article examines what a family is and what impact it has on the development of a child's personality and psyche. The family is understood as a social group in which the upbringing and education of children, the transmission of cultural norms and values is carried out. It is noted that a supportive, loving and stable family environment can contribute to a child's positive development, self-esteem, adaptation to society and the creation of healthy relationships in the future. In addition, attention is focused on the fact that negative aspects of family relationships, such as conflict, lack of emotional support and instability, can cause difficulties in the mental development of a child, which emphasizes the importance of creating a harmonious atmosphere in the family for

the formation of a full-fledged personality. The key role of the family in the child's learning and stimulation is explored. The study used the methods of system analysis and literature review, which made it possible to combine the theoretical approaches of various authors.

Keywords: emotional support; patterns of behavior; education and stimulation; socialization; safety and protection

For citation: Mamadalieva G.A. The Influence of Family on the Development of a Child's Personality. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(1): 7–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.7-14>

В последние десятилетия вопрос о влиянии семьи на развитие личности и психики ребенка становится все более **актуальным**. Современные социальные изменения, связанные с глобализацией, растущей мобильностью населения и изменениями в структурах семейных отношений, требуют глубокого анализа роли семьи как главного института социального образования. Семья не только оказывает эмоциональную поддержку, но и формирует ценностные ориентиры, модели поведения и способности к социализации, что делает ее ключевым элементом в процессе формирования личности ребенка.

Целью данного исследования является анализ влияния семейной среды на развитие личности и психики ребенка.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**: рассмотреть значение эмоциональной поддержки в семейном воспитании и ее влияние на психическое здоровье ребенка, выявить роль семейных образцов поведения и их воздействие на социальные навыки ребенка, анализировать значение образовательной стимуляции в семье для успешного обучения и развития, определить аспекты безопасности и защиты в контексте семейного воспитания, оценить вклад отечественных и зарубежных ученых в изучение данной тематики.

В исследовании использовались **методы** системного анализа и литературного обзора, что позволило объединить теоретические подходы различных авторов. Основными источниками информации стали научные статьи, монографии, результаты эмпирических исследований и статистические данные, касающиеся влияния семьи на развитие ребенка. Обращение к классическим ра-

ботам и современным исследованиям позволило выявить тенденции и закономерности, относящиеся к семейной динамике и ее роли в воспитании.

Семья – это социальная группа, в которой осуществляется воспитание и обучение детей, передача культурных норм и ценностей [1]. Семья выполняет множество функций, таких как эмоциональная поддержка, удовлетворение биологических и психологических потребностей, социализация, образование и обучение [2]. Семья – это первое место, где ребенок знакомится с окружающим миром, учится общаться с другими людьми и формирует свое представление о жизни [3].

В разных культурах и странах структура семьи и ее функции могут различаться. Однако такие функции, как [4]: обеспечение физического существования и достоинства, социализация: введение в социальные нормы, традиции и ценности, эмоциональная: обеспечение эмоциональной поддержки и безопасности, образование: обучение, воспитание и развитие интеллектуальных и нравственных качеств.

Семья влияет на развитие психики и личности ребенка через формы и методы воспитания, модели поведения, эмоциональную поддержку и отношения. Характеристики этих взаимодействий могут значительно различаться и по-разному влиять на формирование личности.

Эмоциональная поддержка – это важный аспект семейной жизни, который создает безопасную среду для развития [5]. Дети, которые получают эмоциональную поддержку, чувствуют себя более уверенно и имеют высокую самооценку. Исследования показывают, что такие дети легче адаптируются к внешнему миру, благополучно устанавливают контакты со сверстниками и взрослыми [6].

Авторы, рассматривающие эмоциональную поддержку, включая Н.И. Новикова, отмечают, что семья, предоставляющая эмоциональную поддержку, формирует у детей положительный имидж себя и окружающего мира [6]. Это подчеркивают и другие исследователи, такие как А.И. Герцен и К.Д. Ушин-

ский, которые акцентируют важность семьи как эмоциональной опоры для ребенка [5].

Важно понимать, что семья является основным источником моделей поведения для ребенка. Дети учатся не только через слова родителей, но и через их действия. Становясь свидетелями взаимодействий взрослых, они усваивают социальные нормы, этические ориентиры и способы решения конфликтов.

Исследования в области образцов поведения показывают, что позитивные семейные образцы, обсуждаемые, например, Ю.П. Азаровым, оказывают значительное влияние на успешное социальное функционирование детей [1]. В то же время Д.Н. Добрович акцентирует внимание на том, что негативные образцы могут приводить к серьезным проблемам в социальной адаптации, что подчеркивает необходимость осознанного подхода к воспитанию в семье [3].

Семья также играет ключевую роль в обучении и стимулировании ребенка. Дети, которые растут в интеллектуально активной среде, имеют больше шансов на успешное обучение и развитие [7]. Этот аспект подчеркивает важность домашних условий для формирования интереса к обучению и способности изучать новые знания. Одним из исследователей, изучавших роль образования в семье, является С.В. Ковалев, который указывает на необходимость активного участия родителей в образовательном процессе своего ребенка. Он утверждает, что родительская поддержка и участие в учебной деятельности способствуют не только академической успеваемости ребенка, но и его когнитивному развитию [8].

А.С. Спиваковская исследует, как домашняя ситуация влияет на желание ребенка учиться и его последующие академические успехи. Спиваковская подчеркивает, что дети, окруженные стимулирующей и поддерживающей образовательной средой, обычно проявляют большую инициативу в овладении знаниями, что, в свою очередь, повышает их самооценку и уверенность в себе. Позитивные условия обучения в семье также способствуют развитию навыков кри-

тического мышления и творчества, которые являются неотъемлемой частью успешного обучения [5].

Социальные навыки, которые дети развивают в семье, прямым образом влияют на их способность налаживать контакты и взаимодействовать с окружающими. Социализация включает в себя адаптацию к требованиям общества, формирование системы ценностей и норм. Т.Ф. Лесгафт подчеркивает важность семейной среды для формирования социальных навыков, утверждая, что именно в семье ребенок учится основам коммуникаций и взаимодействия с другими людьми [4]. Семья помогает детям освоить правила общения, разрешения конфликтов и установки здоровых межличностных отношений.

Ю. Гиппенрейтер подчеркивает, что социализация в семье подразумевает не только усвоение норм, но и развитие эмоционального интеллекта. Эмоциональный интеллект позволяет детям понимать и регулировать свои эмоции, а также распознавать и уважать эмоциональные состояния других [8]. Таким образом, семья становится первой школой социализации, в которой дети учатся не только общению, но и важным аспектам эмоционального взаимодействия.

Безопасная Семейная среда позволяет ребенку свободно исследовать мир, общаться с другими детьми и взрослыми, проявлять инициативу и творческий подход. Безопасность включает в себя как физическое, так и эмоциональное благополучие, что имеет решающее значение для гармоничного развития человека. Н.В. Бондаренко отмечает, что отсутствие семейной безопасности может привести к заниженной самооценке и проблемам в будущем, таким как беспокойство и страх перед неизвестным [9]. Когда дети чувствуют себя в безопасности, они более открыты для нового опыта и экспериментов.

Э.Г. Эйдемиллер подчеркивает, что защитные механизмы в семье формируют представление ребенка о том, что мир безопасен и доступен для исследования. Создание благоприятной и безопасной атмосферы позволяет детям развивать уверенность в себе и исследовать свои интересы, не опасаясь возмож-

ных неудач [7]. Это, в свою очередь, подтверждает необходимость заботиться об эмоциональном и физическом благополучии детей в семейной среде.

В России тема семьи и семейного воспитания имеет богатую традицию научных исследований. На протяжении многих лет исследования были сосредоточены на вопросах не только индивидуального развития ребенка, но и влияния семейного контекста на его социальные и эмоциональные результаты [8]. Классические исследования таких ученых, как Н.И. Пирогов, уделяли особое внимание важности воспитания и воспитания в семье. Пирогов считает семью важнейшим институтом, формирующим не только личность ребенка, но и его способности к обучению и социализации [4].

Н.А. Добролюбов исследовал конфликты в семье и их влияние на личностное развитие детей. В своих работах он подчеркивает, как дисфункциональная семейная динамика может негативно повлиять на эмоциональное состояние ребенка и его социальную адаптацию. Важно понимать, что конфликты, если их не разрешить конструктивно, могут привести к глубоким психологическим проблемам в будущем [10].

Современные исследователи, такие как А.Я. Варга и М.Буянов, анализируют современные подходы к воспитанию и семейным отношениям, уделяя особое внимание текущим социальным изменениям. Они подчеркивают, что современные реалии требуют от родителей гибкости и готовности адаптироваться к новым вызовам, которые общество ставит перед ними. Исследования показывают, что открытое общение между членами семьи, совместное принятие решений и эмоциональная поддержка являются ключом к успешному воспитанию детей в сегодняшней среде [8].

Западные психологи также внесли значительный вклад в изучение закономерностей и особенностей развития личности в контексте семьи. Их работы позволяют глубже понять, как различные аспекты семейного воспитания влияют на формирование психики ребенка [9]. Ж. Пиаже занимался вопросами когнитивного развития, подчеркивая значимость взаимодействия с окружающей

средой. Пиаже утверждает, что процессы обучения и развития детей не могут происходить изолированно от их социальной среды, что выделяет важность семьи как первоисточника знаний и опыта [7].

Э. Эриксон разработал теорию психосоциальных стадий развития, акцентируя внимание на том, что семья играет ключевую роль в формировании идентичности. Эриксон подчеркивает, что в процессе социализации в семье ребенок осваивает важные социальные роли и научается взаимодействовать с окружающим миром, что является основополагающим для его общего развития и психического здоровья [1].

Таким образом, исследования, как в России, так и на Западе подтверждают, что семья - это важнейший институт, влияющий на образование, социализацию, безопасность и общую жизнедеятельность ребенка. Все эти аспекты взаимодействуют, создавая уникальную среду для личностного развития и адаптации ребенка к жизни в обществе.

Семья – это основа, на которой строится социальное, эмоциональное и психическое благополучие ребенка. Эмоциональная поддержка, модели поведения, образовательная среда и безопасность все эти аспекты влияют на формирование личностных качеств и способность адаптироваться к социальному миру. Научные исследования отечественных и западных авторов подчеркивают важность создания позитивной семейной среды, которая обеспечивала бы защиту и возможность для развития. Результаты этих исследований подтверждают необходимость подчеркивать семейные отношения и их роль в развитии будущих поколений.

Список литературы

1. Имж А. *Воспитание – это не только контроль: Книга о любви детей и родителей*. Санкт-Петербург: Питер; 2019.
2. Баранов С.П. и др. *Педагогика: Учеб. пособие для пед. уч-щ*. М.: Просвещение; 1987.
3. Макаренко А.С. *О воспитании*. М.: Политическая литература; 1988.
4. *Социология семьи* под ред. А.И. Антонова. М.: Наука; 2005.
5. Ковалёв С.В. *Психология современной семьи*. М.: Просвещение; 1988.
6. Герасимова И.А. *Структура семьи*. М.: Знание; 1974.

7. Шнейдер Л.Б. *Семья: оглядываясь вперёд*. Санкт-Петербург [и др.]: Питер; 2013.
8. Корчак Я. *Любовь к ребёнку*. Санкт-Петербург [и др.]: Питер; 2019.
9. Буянов М.И. *Ребёнок из неблагополучной семьи*. М.: Просвещение; 1988.
10. Макаренко А.С. *Лекции о воспитании детей*: Пед. соч. в 8 т. М.: Педагогика; 1984.

References

1. Imj A. *Parenting is not only control: A book about the love of children and parents*. St. Petersburg: Peter; 2019. (In Russ.)
2. Baranov S.P. et al. *Pedagogy: Textbook for pedagogical schools*. Moscow: Prosveshchenie; 1987. (In Russ.)
3. Makarenko A.S. *On Education*. M.: Political Literature; 1988. (In Russ.)
4. *Sociology of the Family*, ed. by A.I. Antonov. M.: Nauka; 2005. (In Russ.)
5. Kovalyov S.V. *Psychology of the modern family*. M.: Prosveshchenie; 1988. (In Russ.)
6. Gerasimova I.A. *Family Structure*. Moscow: Znanie; 1974. (In Russ.)
7. Shneider L.B. *Families: Looking Forward*. St. Petersburg [et al.]: Piter; 2013. (In Russ.)
8. Korczak Ya. *Love for the child*. Saint Petersburg [et al.]: Piter; 2019. (In Russ.)
9. Buyanov M.I. *A child from a dysfunctional family*. Moscow: Prosveshchenie; 1988. (In Russ.)
10. Makarenko A.S. *Lectures on the education of children*: Ped. op. cit. in 8 vol. Moscow: Pedagogy; 1984. (In Russ.)

Автор публикации

Мамадалиева Гулнора Абдусатторовна –
доцент
Худжандский государственный университет
имени академика Бободжана Гафурова
Худжанд, Таджикистан
Email: saida.badalova.n@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-6459-9006>

Author of the publication

Mamadaliyeva Gulnora Abdusattorovna –
associate professor
Khujand State University named after Academician
Bobojan Gafurov
Khujand, Tajikistan
Email: saida.badalova.n@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-6459-9006>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 19.01.2025
Одобрена после рецензирования: 10.02.2025
Принята к публикации: 25.02.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 19.01.2025
Approved after peer reviewing: 10.02.2025
Accepted for publication: 2.02.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**PHILOLOGY. RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE
PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Научная статья
УДК 82.0, 821.161.1

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.15-27>

**«ИСПАНСКИЙ ТОЛСТОЙ»:
ВЕНЕЦИАНСКИЙ ДОКЛАД С. ДЕ МАДАРИАГИ**
Ю.Е. Павельева

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, г. Москва, Россия
up1469@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5231-2706>

Аннотация. Одной из важнейших проблем человечества на протяжении всей его истории была проблема соотношения общего и особенного. Осознание важности сосуществования универсального и уникального не утратило актуальности и по сей день. Одной из сторон данной проблемы является осмысление национальных традиций в общемировом контексте. К данному вопросу обратился С. де Мадариага в своем венецианском докладе, приуроченном к юбилею Л.Н. Толстого. Перевод доклада Мадариаги на русский язык, сделанный К.В. Фотиевым, был представлен журналом «Грани» в 1960 г. с названием «Завет Толстого», а спустя полвека вышел перевод К.С. Корконосенко, озаглавленный «Весть Толстого». Оба названия основаны на евангельских аллюзиях. Литературная деятельность Толстого определяется испанским исследователем как отправная точка изучения духовной жизни России. Рассматривая отличие русского мировоззрения от европейского, Мадариага ищет в нем то общее, что объединяет русский и испанский взгляд на мир. Основные точки соприкосновения автор доклада находит прежде всего в сфере нравственности, а также в социальной жизни. Различные аспекты творчества Толстого Мадариага считает общеевропейской культурной ценностью. Важность этой ценности определяется тем, что она способна открыть человечеству путь к духовному спасению.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; С. де Мадариага; Россия; Испания; Европа; духовный мир; социальные аспекты

Для цитирования: Павельева Ю.Е. «Испанский Толстой»: Венецианский доклад С. де Мадариаги. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 15–27.
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.15-27>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.15-27>

“SPANISH TOLSTOY”: THE VENICE REPORT BY S. DE MADARIAGA
Y.E. Pavelieva

Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russia
up1469@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5231-2706>

Abstract. One of the most important problems of mankind throughout its history has been the problem of correlation between the common and the particular. The realisation of the importance of the coexistence of the universal and the unique has not lost its relevance to this day. One of the sides of this problem is the comprehension of national traditions in the global context. This issue was addressed by S. de Madariaga in his Venice report on the anniversary of Leo Tolstoy. The translation of Madariaga's report into Russian by K.V. Fotiev was presented by the journal “Grani” in 1960 with the title “Tolstoy's Testament”, and half a century later a translation by

K.S. Korkonosenko entitled “Tolstoy's message” was published. Both titles are based on gospel allusions. Tolstoy's literary activity is defined by the Spanish researcher as the starting point for the study of the spiritual life of Russia. Considering the difference between the Russian worldview and the European one, Madariaga searches for the commonality that unites the Russian and Spanish view of the world. The author of the report finds the main points of contact primarily in the sphere of morality, as well as in social life. Tolstoy's work in its various aspects appears to Madariaga as a pan-European cultural value that can open the way to the spiritual salvation of mankind.

Keywords: L.N. Tolstoy; S. de Madariaga; Russia; Spain; Europe; spiritual world; social aspects

For citation: Pavelieva Y.E. “Spanish Tolstoy”: the Venice Report of S. de Madariaga. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(1): 15–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.15-27>

Сальвадор де Мадариага – знаменитый европейский писатель, входивший в круг испанских интеллектуалов, журналист, исследователь, дипломат – тот, кого принято называть «гражданином мира». Одна из его самых популярных книг «Англичане, французы и испанцы», изданная впервые в 1928 г. в Лондоне, широкую известность в литературном мире России получила лишь в начале нынешнего века [см.: 1]. Выросшая из цикла лекций, прочитанных в Женевской школе международных исследований, книга была посвящена вопросам осмысления национальных характеров. А.В. Говорунов, переводчик книги Мадариаги, отмечает поднятую автором проблему межнационального диалога и объясняет ее центральную политическую идею как острую необходимость взаимодействия между нациями. При этом, в качестве основополагающего, А.В. Говорунов выделяет такой аспект, как стабильность политического сосуществования. Для сохранения устойчивости в политическом мире необходимо изучать и внимательно относиться к особенностям национального характера¹, который проявляется «в самых различных сферах жизни народа» [4].

Концептуальные рассуждения о соотношении общего и особенного, единстве человечества в его национальном разнообразии, неизбежном возникновении взаимного непонимания и путях его преодоления – одна из

¹ Различные аспекты национальной культуры народов мира рассматриваются во многих статьях, широко представленных в «Казанском лингвистическом журнале». Из всего разнообразия материалов, отметим статьи, касающиеся культуры Испании. Многовекторность исследований убедительно демонстрируют статьи, посвященные как лингвокультурологии [см.: 2, с. 80–89], так и истории культуры и литературы [см.: 3, с. 44–49].

ярких характеристик деятельности Мадариаги, которая отразилась и в его «Венецианском докладе»: доклад был представлен на посвященном 50-летию со дня смерти Л.Н. Толстого конгрессе 1960 г., проходившем в Венецианской лагуне.

Перевод доклада Мадариаги, сделанный К.С. Корконосенко, исследователем связей русской и зарубежных литератур, вошел в сборник «Русская идея» [см.: 5, с. 635–643]. В разделе «Публикации» также были представлены пояснения переводчика – предисловие, озаглавленное «Весть Толстого: в Европу через Испанию» [6, с. 632–635]. К.С. Корконосенко ссылается на Фонд Инкомиссии Союза советских писателей, который содержится в Российском государственном архиве литературы и искусства (фонд 631)². Эксперт в области культурных взаимосвязей России с Испанией пишет о хранящихся материалах семинара «Tolstoy 50th Death Anniversary»³. Материалы имеют помету «For Private Circulation Only»⁴ и представляют собой машинописный сборник статей зарубежных исследователей о жизни и творчестве Толстого. К.С. Корконосенко пишет об особом интересе к статье Мадариаги «Весть Толстого». В указанном фонде Инкомиссии есть два варианта статьи – на английском и французском языках [6, с. 632]. Отмечая отсутствие данных о публикации статьи, а также отсутствии статьи в библиографическом списке не только научных, но и литературных трудов Мадариаги⁵, составленном, по предположению переводчика, «явно при участии самого писателя» [6, с. 632], К.С. Корконосенко допускает вероятность, что «речь идет о первой публикации „Вести Толстого“ – в переводе на русский язык» [6, с. 632].

² Архивная ссылка, представленная К.С. Корконосенко: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. № 91. Л. 37–47; № 94. Л. 1–11.

³ «50-летие со дня смерти Толстого», название дано на английском языке.

⁴ «Только для частного обращения», помета также на английском языке.

⁵ К.С. Корконосенко указывает следующую публикацию: Biographical Note. *Liber amicorum: Salvador de Madariaga*. Bruges, 1966. P. 383–389.

Однако при изучении журнала «Грани» – одного из самых известных и авторитетных периодических изданий русского зарубежья эпохи «второй» и «третьей» волн русской эмиграции – перевод доклада Мадариаги был обнаружен в 47-м номере журнала за 1960-й год. Следует отметить, что в «граневской» публикации в фамилии автора вместо «иа» значилось сочетание букв «ья»: не Мадариага, а Мадарьяга [7, с. 162–169]. Существует отличие и в переводе заглавия доклада: в журнале он вышел под заголовком не «Весть Толстого», а «Завет Толстого». Журнальная публикация сопровождалась следующей сноской: «Доклад, прочитанный на Венецианском конгрессе. Публикуется с разрешения автора»⁶.

В том же, 47-м, номере журнала «Грани» размещен достаточно объемный мемуарный раздел, озаглавленный: «Лев Толстой. К пятидесятилетию со дня смерти». В разделе, наряду с другими материалами, опубликована информационно-аналитическая заметка Н.И. Раевского⁷ «Впечатления от Венецианского конгресса», из которой можно узнать, что многие доклады поступили на конгресс в печатном виде. Не скрывая своего разочарования, Н.И. Раевский пишет об отсутствии прений по большинству докладов, поскольку материалы часто раздавались «или в последнюю минуту, или даже после заседания» [8, с. 149], и участники конгресса не успевали подготовить вопросы и организовать дискуссии.

В журнале «Грани» опубликован перевод доклада Мадариаги с французского языка, сделанный К.В. Фотиевым (1928–1990) – известным русским зарубежным церковным и общественным деятелем, протоиереем Православной Церкви в Америке (священнический сан принят в 1962 г.), создателем Русского Исследовательского Фонда, членом НТС, сотрудником издательства «Посев» (одним из известнейших детищ «Посева» как раз и был журнал «Грани»).

⁶ Примечание редакции к статье С. де Мадьяги «Завет Толстого» [6, с. 162].

⁷ Н.И. Раевский — внук И.И. Раевского, близкого друга Л.Н. Толстого. В 1891 г. Н.И. Раевский стал организатором помощи голодающим крестьянам и привлек Л.Н. Толстого к этой благотворительной деятельности.

Таким образом, можно подтвердить одно из предположений современного исследователя, сделавшего новый перевод доклада Мадариаги: выбирая из двух вариантов текста статьи, К.С. Корконосенко в качестве начального назвал французскую версию, руководствуясь творческой биографией знаменитого испанца, «гражданина мира», который много времени провел в англоговорящем и франкоговорящем мире и «отличался способностью писать – и думать – на любом из трех языков» [9, с. 308–309]. Сравнивая английскую и французскую версии, К.С. Корконосенко говорит об автопереводе, поскольку обнаруживает лишь небольшие смысловые и стилистические отличия. А в качестве причины определения французского варианта как основного, т.е. оригинального, переводчик ссылается на стилистические показатели: «В целом, французский текст показался мне чуть более эмоциональным, а английский – стилистически более нейтральным и сглаженным...» [6, с. 633]. Именно с французского языка в 1960 г. переводил К.В. Фотиев Венецианский доклад Мадариаги.

Доклад Мадариаги выполнял в 47-м номере «Граней» свою определенную задачу. Редакция журнала опубликовала пояснительную статью, которая открывала занявший в этом номере «Граней» центральное место мемориальный раздел, посвященный печальному толстовскому юбилею: полвека со дня смерти классика русской литературы – это, по мнению редакции достаточный срок, чтобы *«мир смог приступить к переоценке жизни и творчества человека, зафиксированных его современниками»* [10, с. 116] (здесь и далее курсив авторов журнальной статьи. – Ю. П). В статье излагаются основные принципы публикации материалов данного раздела – демонстрация множества мнений, изложенных представителями дореволюционной и зарубежной России, отдельно СССР или, как определила это редакция – России коммунистической. Кроме того, журнальные страницы были предоставлены и мнению, изложенному от лица иностранного мира. Объяснялся такой подход редакционной надеждой, что *«в этом многообразии мнений полнее раскроется*

подлинный образ великого человека-писателя» [10, с. 116]. Выступить выразителем мнения иностранцев-интеллектуалов редакция «Граней» доверила Мадариаге, ссылаясь на его доклад, подготовленный к Венецианскому конгрессу. По мнению редакторов и издателей журнала Мадариага отразил *«не только отношение элиты Западного мира к Толстому, но и ко всей духовной жизни России „Золотого века“»* [10, с. 116].

Как совершенно справедливо заметил К.С. Корконосенко, целью своего доклада, посвященного Толстому, Мадариага определяет не желание представить анализ творчества признанного классика (литературоведческий или идеологический), а стремление объяснить причины интереса европейского читателя к отдельному писателю и вообще к «золотому веку», т.е. веку XIX-му, русской литературы. При этом принципиальным моментом является отличие «русского мировосприятия от европейского» [6, с. 633]. Именно в этих отличиях русского от европейца Мадариага ищет то, что объединяет русского с испанцем.

Доклад Мадариаги на Венецианском конгрессе начинается с признания авторитета русской литературы, а вместе с ней и русской музыки XIX в., в котором автор доклада видит такую же ценность, какую имели «эпоха Возрождения, Елизаветинская эра, столетие Людовика XIV и Золотой век – для Италии, Англии, Франции и Испании» [7, с. 162]. Среди «звезд первой величины», отмеченных всемирной славой, Мадариага называет А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Но «гражданин мира» не ограничивается «литературным» списком, а дополняет его списком «музыкальным», отмечая «целое созвездие гениальных композиторов», способствовавших развитию мировой культуры: М.И. Глинку, М.П. Мусоргского, А.П. Бородина, Н.А. Римского-Корсакова и П.И. Чайковского. По мнению Мадариаги, в Европе формируется осознание, что в XIX в. Россия явила миру поток «таинственной творческой силы»,

вырвавшемся из глубочайших недр России...», поражающей европейца своей мощью [7, с. 162].

К.С. Корконосенко говорит о том, что названные Мадариагой «эти великие русские» имеют принципиальное отличие от европейцев [6, с. 634]. Представляется бесспорным вывод современного исследователя, что Мадариага именно на этом контрасте строит свою работу, пытаясь определить сходство российского менталитета с испанским.

Подчиненность европейской литературе сознанию и интеллекту приводит, по мнению Мадариаги к тому, что «реализм этой литературы приходится расценивать как нарочитый, почти что агрессивный» [7, с. 163]. А для характеристики реализма русского искусства находится своя формула – естественность, непосредственность и неизбежность. Мадариага пишет, что русский реализм «больше занят своим объектом, чем внешним выражением, он больше интересуется природой, чем искусством». Простота, естественность и непосредственность, по мнению Мадариаги, сближает русских с испанцами. Отмечая близость двух народов «к земле» и приверженность братству, автор Венецианского доклада при этом видит двойственность такой характеристики и, обращаясь к библейским образам, выделяет два вида братства: братство Авеля и братство Каина [7, с. 164].

Несмотря на то, что между двумя народами существует разница, т.е. их ментальное сближение Мадариага не характеризует как абсолютное, он всё же сосредотачивается на тех моментах, которые, по его мнению, подчеркивают сходство Испании и России, и с этой целью приводит сложную формулу из области этики, используя символическое значение понятия «невинность», при этом отмечает, что «мы заимствуем это слово-символ у Ромона Сандера⁸», и дает следующее объяснение, уводящее вглубь истории человечества: «Эта невинность основана на том, что русские (как и испанцы) действуют таким

⁸ В переводе К.С. Корконосенко имя и фамилия даны в более привычном для современного написания варианте — Рамон Сендер.

образом, что их действие нельзя назвать ни моральным, ни аморальным: оно – до-морально» [7, с. 164].

Неоднозначность понимания западноевропейскими критиками этической сферы у русских и испанцев Мадариага объясняет неправильной установкой. Он приводит сравнение народов разных западноевропейских стран и России и отмечает отсутствия у последнего «...интеллектуальной отрешенности француза... отвлеченной оторванности немца... сознательной сдержанности англичанина... разочарованного скептицизма итальянца» [7, с. 164]. Найденная разница подчеркивает близость народов России и Испании.

Высказывая удивление о достижении русским народом способности различать эстетику от этики и этику от религии, Мадариага выдвигает предположение о ментальных чертах народов России, у которых «нравственные выводы... не содержатся внутри людей, они сами являются структурой их художественных созданий» [7, с. 164], а это еще один показатель сходства России и Испании. Обе страны являют пример отношения к этическим проблемам, более направленное «на индивидуальное, чем на социальное» [7, с. 164].

Исходя из приведенных высказываний, Мадариага формулирует центральную идею своего Венецианского доклада. В переводе К.В. Фотиева она представлена так: «Читая великих русских писателей, чувствуешь, что главная цель жизни – в спасении, и что главная опасность – в духовной гибели и осуждении» [7, с. 164]; в переводе К.С. Корконосенко: «Читая великих русских писателей, всегда чувствуешь, что главная цель человеческой жизни – это Искупление, а главная опасность – это Проклятие...» [5, с. 638].

В этой точке для Мадариаги сходятся и Толстой, и Достоевский в их противопоставлении с народами Западной Европы. «Спасение / Искупление» в их противостоянии с духовной «Гибелью и осуждением» / духовным «Проклятием» определяют глубину человеческой души, как это представляли великие писатели, которые, по мнению Мадариаги, чувствовали, что «западные

люди жили недостаточно глубоко, не так глубоко, как они могли бы жить, если бы того захотели» [7, с. 166].

Проблема в понимании значения *нравственного* и *нравственности* сближает испанцев и русских. Обращаясь к толкованию понятий, Мадариага отмечает разнонаправленность взглядов, с одной стороны, народов «центра Европы», а с другой – русских и испанцев. Для первых важнее – «что человек делает», для вторых – «что человек есть» [7, с. 166].

С этих позиций рассматривается литературная, философская и богословская деятельность Толстого, названного Мадариагой *основателем* [7, с. 168] (курсив автора. – Ю П.) «гандизма» (в версии К.С. Корконосенко – «основоположником» [5, с. 642]). Этот вывод основан на «Пяти заповедях Христа», сформулированных Толстым.

Первая – изначальная – заповедь предписывает: «Будь в мире со всеми людьми... Служение Богу есть разрушение всякой вражды» [7, с. 167]. Чтобы выполнить эту заповедь, необходимо укрепить ее борьбой с соблазнами, и это сформулировано в следующих заповедях: борьба «с вожделением плоти» (вторая заповедь); а также с различными соблазнами, как то: «произносить клятвы» (третья заповедь); мстить из желания установить «человеческую справедливость» (четвертая заповедь); и, наконец, враждовать «расам и царствам» – соблазн, который основывается на различии между национальностями (пятая заповедь) [7, с. 167].

Вслед за этими выводами Мадариага задается вопросом, как Толстой «нашел в Евангелии от Матфея стройную систему недоверия к государству»? Автор Венецианского доклада тут же указывает на Ж.-Ж. Руссо, «антисоциальные инстинкты» (именно такая формулировка представлена в обоих переводах) которого, как интеллектуальные связи (в переводе К.В. Фотиева – «сложное сплетение... нитей и воззрений» [7, с. 168], в переводе К.С. Корконосенко: «разветвленная сеть дорог и перспектив» [Мадариага, с. 642]) могут привести и к диктатуре, и к анархии, при чем для обеих ситуаций

характерна степень всеобщности, абсолюта: диктатура – «тоталитарная», анархия – «полная» [7, с. 167]. Тоталитаризм представляется автору выводом, к которому неизбежно придет пессимист, анархизм – выводом, которым завершатся размышления оптимиста. О Толстом Мадариага думает как об оптимисте, основываясь на положении об абсолютной неприемлемости принуждения для Толстого, исключение он оставляет лишь для одной ситуации – «необходимости силой защитить ребенка от опасности» [7, с. 168].

Размышляя о «религиозном и богословском», а отнюдь не политическом «анархизме» Толстого как о национальной черте российского менталитета, Мадариага видит в этом близость русских с испанцев, указывая, что и «испанский анархизм» – это, по сути, «народная вера» [7, с. 168], причины которой он находит не в низком уровне жизни рабочего класса в Испании, а в народной психологии.

«Личный», индивидуальный оптимизм Толстого, по мнению Мадариаги, подтверждается тем, что великий писатель открыл анархизм в учении Христа. Анархизм Мадариага определяет как способ «защиты для мира от бюрократии и технократии» [7, с. 168], и в этом он видит большую ценность. При этом он успокаивает общество, отмечая, что «жизнь имеет характер оркестра», а анархия «никогда не станет тем единственным инструментом, на котором будут играть» [7, с. 168–169]. Более того, указывает испанский писатель и дипломат, в современную эпоху «явственно довлеет пессимист» [7, с. 169], и поэтому достижение свободы может произойти, если будет учтен опыт таких оптимистов, достигшим освобождения «от цепей государства» [7, с. 169], каким был Толстой.

Участникам Венецианского конгресса Мадариага запомнился прежде всего речью о свободе, которую отметил Н.И. Раевский. В добавление к своему докладу испанский интеллектуал призвал отказываться от границ и устранять препятствия с тем, чтобы наступила эра всеобщей свободы. Этот призыв, по воспоминаниям Н.И. Раевского, Мадариага назвал «толстовским» и уверил, что

ликующая атмосфера освобождения от ненужных ограничений будет способствовать сохранению памяти о писателе: «Свежий воздух проникнет среди сосен, осин и берез, и радостно вздрогнет одинокая могила Толстого» [8, с. 151].

В отрицании ценности любого сдерживания Мадариага видит сближение России с Испанией и, по мнению К.С. Корконосенко, «представляет европейцам не своего, а, скорее испанского Толстого, испанских „великих русских“» [6, с. 635]. Современный исследователь взаимодействия культурных связей России и Европы утверждает, что «„Весть Толстого“, преломившись в зеркалах нескольких культурных традиций, возвращается в Россию» [6, с. 635].

Однако можно сказать, что на родине великого писателя эта *весть* не была чем-то забытым или вновь открываемым. *Завет* Толстого сохранялся (и охранялся) в традициях русского менталитета, он был актуален в шестидесятые годы прошлого века, как остается актуальным и теперь. И в этом случае Мадариага, названный К.С. Корконосенко тем, кто всю жизнь выполнял задачу «translatio culturae», т.е. человеком, который занимается передачей культуры, выполняет и еще одну чрезвычайно важную функцию – функцию хранителя культуры, преодолевающего не только географические, но и ментальные границы.

Список литературы

1. Мадариага С де. *Англичане. Французы. Испанцы*, пер. с англ. А.В. Говорунова. Санкт-Петербург: Наука; 2003. 241 с.
2. Калинина А.Г., Сакаева Л.Р., Тахтарова С.С. Семантическое поле “Alimento” как отражение испанской национальной культуры. *Казанский лингвистический журнал*. 2023; 6 (1): 80–89. URL: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.80-89>
3. Антонова Н.В. Испанское ренессансоведение: через тернии к звездам. *Казанский лингвистический журнал*. 2018; 2 (1): 44–49. URL: <http://kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/177/158> [дата обращения 25.07.2024].
4. Говорунов А.В. *Предисловие к книге Сальвадора Мадариага «Англичане, французы, испанцы»*. Anthropology.ru. Web-кафедра философской антропологии. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/govorunov-av/predislovie-k-knige-salvadora-madariaga-anglichane-francuzu-ispanscy> [дата обращения 01.06.2021].
5. Мадариага де С. Весть Толстого, вступ. заметка, перевод с фр. К.С. Корконосенко. *К истории идей на Западе: «Русская идея»*, под ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликовой. Санкт-Петербург: Издательство Пушкинского Дома, Издательский дом «Петрополис»; 2010. С. 635–643.

6. Корконосенко К.С. Весть Толстого: в Европу через Испанию. *К истории идей на Западе: «Русская идея»*, под ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликовой. Санкт-Петербург: Издательство Пушкинского Дома, Издательский дом «Петрополис»; 2010. С. 632–635.
7. Мадарьяга де С. Завет Толстого, пер. с фр. К. Фотиева. *Грани*. 1960;47:162–169.
8. Раевский Н. Впечатления от Венецианского конгресса. *Грани*. 1960;47:148–151.
9. Корконосенко К.С. Сальвадор де Мадариага как европеец. *«Вожжи умов и моды»*: Чужое имя как наследуемая модель жизни. Санкт-Петербург: Наука; 2003. С. 308–311.
10. Б.а. Лев Толстой. К пятидесятилетию со дня смерти. *Грани*. 1960;47:116.

References

1. Madariaga de S. *The English, the French, the Spaniards*], transl. from English by A.V. Govorunov. St. Petersburg: Nauka Publ.; 2003. 241 p. (In Russ.)
2. Kalinina A.G., Sakaeva L.R., Takhtarova S.S. The Semantic Field “Alimento” as a Reflection of the Spanish National Culture. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1):80–89. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.80-89> (In Russ.)
3. Antonova N.V. Spanish renaissance studies: per aspera ad astra. *Kazan Linguistic Journal*. 2018;2 (1):44–49. Available from: <http://kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/177/158> [accessed: 25.07.2024] (In Russ.)
4. Govorunov A.V. *Preface to the book by Salvador Madariaga “The English, the French, the Spaniards”*. Anthropology.ru. Web-kafedra filosofskoj antropologi. Available from: <http://anthropology.ru/ru/text/govorunov-av/predislovie-k-knige-salvadora-madariaga-anglichane-francuzy-ispancy> [accessed: 01.06.2021]. (In Russ.)
5. Madariaga de S. Tolstoy’s Message, transl. from French by K.S. Korkonosenko. *On the History of Ideas in the West: “The Russian Idea”*, ed. by V.E. Bagno i M.Je. Malikovoij. St. Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Izdatel'skij dom «Petropolis» Publ.; 2010. P. 635–643. (In Russ.)
6. Korkonosenko K.S. *Tolstoy's message: to Europe through Spain. On the History of Ideas in the West: “The Russian Idea”*, ed. by V.E. Bagno i M.Je. Malikovoij. St. Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Izdatel'skij dom «Petropolis» Publ.; 2010. Pp. 632–635. (In Russ.)
7. Madar'jaga de S. Tolstoy's Testament, transl. from French by K. Fotiev. *Grani*. 1960; 47:162–169. (In Russ.)
8. Raevskij N. Impressions from the Venice Congress. *Grani*. 1960;47:148–151. (In Russ.)
9. Korkonosenko K.S. Salvador de Madariaga as a European. “*Leaders of minds and fashion*”: *Someone else's name as an inherited model of life*. St. Petersburg: Nauka Publ.; 2003. P. 308–311. (In Russ.)
10. Bez avtora. Leo Tolstoy. To the fiftieth anniversary of his death. *Grani*. 1960;47: 116. (In Russ.)

Автор публикации

Павельева Юлия Евгеньевна —
кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына
Москва, Россия
Email: up1469@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5231-2706>

Author of the publication

Yulia Evgenievna Pavelieva —
PhD (Philology)
Leading Scientific Researcher
Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad
Moscow, Russia
Email: up1469@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5231-2706>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.02.2025

Одобрена после рецензирования: 25.02.2025

Принята к публикации: 28.02.2025

*Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.*

Информация о рецензировании

*«Казанский лингвистический журнал» благода-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.*

Article info

Submitted: 02.02.2025

Approved after peer reviewing: 25.02.2025

Accepted for publication: 28.02.2025

*The author has read and approved the final
manuscript.*

Peer review info

*Kazan Linguistic Journal thanks the anon-
ymous reviewer(s) for their contribution to the
peer review of this work.*

**ФИЛОЛОГИЯ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**PHILOLOGY. RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE
PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Научная статья
УДК 821.161.1.09

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.28-46>

**НОВОЗАВЕТНЫЙ РЕМИНИСЦЕНТНЫЙ ФОН
«ВОЙНЫ И МИРА» Л.Н.ТОЛСТОГО**

Е.Ю. Полтавец

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

nedzvetsky@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8915-8044>

Аннотация. Статья посвящена сюжетно-образным параллелям «Войны и мира» Л.Н. Толстого и Нового Завета. Новозаветные реминисценции в произведении рассматриваются в качестве приемов моделирования сотериологического жанрового содержания, а также в качестве своеобразной художественной экзегезы. Так, рассмотрены корреляции эпизода с дубом с «чудом о смоковнице», «Эпилога» – с Гефсиманским молением и другие проявления новозаветного образного кода.

Вместе с тем рассмотрена антропонимическая система «Войны и мира» в ее соотносительности с евангельской ономастикой. «Князь Андрей», «Пьер» – это измененные имена апостолов, имя княжны Марьи – отсылка к имени Девы Марии. Числовая символика произведения также напоминает о сакральном тексте: возраст князя Андрея в 1812 г. – 33 года, он возвращается в свое имение через 4 месяца после сражения при Аустерлице (отсылка к Лазарю четверодневному). Евангельская тема Отца и Сына звучит в «Эпилоге» «Войны и мира». Показано, что апеллятив «книга», соотношенный с Евангелием, соответствует особенностям сакральных текстов. Рассмотрена также роль цитирования евангельских стихов героями произведения.

Ключевые слова: Л. Толстой; Новый Завет; «Война и мир»; смоковница; Гефсимания; экзегетика; сотериология

Для цитирования: Полтавец Е.Ю. Новозаветный реминисцентный фон «Войны и мира» Л.Н. Толстого. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 28–46. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.28-46>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.28-46>

**NEW TESTAMENT REMINISCENCE BACKGROUND
OF L.N. TOLSTOY'S "WAR AND PEACE"**

E.Yu. Poltavets

Moscow City University, Moscow, Russia

nedzvetsky@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8915-8044>

Abstract. The article is devoted to the plot and image parallels between L.N. Tolstoy's "War and Peace" and the New Testament. New Testament reminiscences in the work are considered as methods of modeling the soteriological genre content, as well as a kind of artistic exegesis. Thus, the correlations of the episode with the oak tree with the "miracle of the fig tree", the "Epilogue" with the Gethsemane prayer and other manifestations of the New Testament figurative code are considered.

At the same time, the anthroponymic system of "War and Peace" is considered in its correlation with the Gospel onomastics. "Prince Andrei" and "Pierre" are altered names of the apostles, the name of Princess Marya is a reference to the name of the Virgin Mary. The numerical symbolism of the work also reminds us of the sacred text: the age of Prince Andrei in 1812 is 33 years old, he returns to his estate four months after the battle of Austerlitz (a reference to Lazarus, resurrected on the fourth day). The gospel theme of Father and Son resounds in the "Epilogue" of "War and Peace." It is shown that the appellative "book", correlated with the Gospel, corresponds to the peculiarities of sacred texts. The role of quoting the Gospel lines by the characters of the work is also considered.

Keywords: L. Tolstoy; New Testament; "War and Peace"; fig tree; Gethsemane; exegesis; soteriology

For citation: Poltavets E.Yu. New Testament Reminiscence Background of L.N. Tolstoy's "War and Peace". *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(1): 28–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.28-46>

Мастер исторического жанра Лион Фейхтвангер еще в 1935 г. высказывал такую мысль: «Авторы Ветхого завета, если им нужно добиться от своих современников новых, революционных мер, побуждают их к этому, углубляясь в историю, то есть создавая исторические романы, и извлекают нужные им аргументы из тщательно препарированного прошлого. Авторы четырех Евангелий безусловно считали себя провозвестниками новой сокрушительной правды. Для обоснования этой своей истины они обращались к событиям, происходившим, как они утверждали, лет за шестьдесят или за девяносто до их дней» [1, с. 668]. Пример такой авторской стратегии Фейхтвангер видит в литературной позиции автора «Войны и мира»: «Толстой, который написал "Войну и мир", несомненно, хотел написать не историю наполеоновских походов, а выразить собственные (вполне современные) идеи о войне и мире» [1, с. 668].

В этом утверждении знаменитого исторического романиста подчеркнем скрытый инверсированный смысл: если авторы Ветхого и Нового завета создавали исторические романы, то не правомерно ли предположить, что создатель «Войны и мира» ориентировался на библейские книги? И даже жанровое определение «книга», которое, как известно, дал Толстой своему произведению в статье «Несколько слов по поводу книги "Война и мир"», сакрализуется, вос-

принимаясь как «Библия», – по принципу онимизации апеллятивов, характерному для мифологических текстов (см., например: [2, с. 256–262]).

Онимизация апеллятивов (Отец – Бог, Книга – Библия, Светлейший – Ку-тузов) и наоборот, превращение собственных имен в нарицательные по типу антономасии «Мы все глядим в Наполеоны» (например, в молитве, которую слышит в церкви Наташа Ростова: о победе Давида над Голиафом и т.д., где Голиаф – нашествие французов) – есть результат стирания границ между именем собственным и нарицательным. Это стилистическая характеристика, отсылающая к сакральным текстам. Толстой к тому же, задолго до М.А. Булгакова, автора «Мастера и Маргариты», у которого евангельская ономастика модифицировалась («Ершалаим», «Иешуа»), использует апокрифические варианты сакральной ономастики: князь Андрей вместо Андрей, Пьер вместо Петр. Антропонимическая система «Войны и мира» аналогична евангельской: Андрей, Петр, Мария («княжна Марья»). Название имения Болконских – Лысые Горы – соотносится не с нечистой силой и плясками ведьм, а с Голгофой, т.к. по-древнееврейски *Gulgoleth* есть 'череп', 'лобное место', «похожая на череп гора, где был распят Иисус» [3, с. 93], и входит, таким образом, в систему апокрифической ономастики «Войны и мира».

Князь Андрей называет «книгой» Евангелие, придя в себя после семидневного беспмятства (в Мытищах). Это странное наименование отсылает к понятию «книги жизни» (Отк.: 17, 8; 20, 12), при всем отрицательном отношении Толстого к Апокалипсису, а также напоминает о «книгах мертвых» египетской и буддийской традиций. Однако более всего эти слова о «книге» (книгах Евангелия) как части Библии служат своеобразным текстовым сигналом, сближающим все произведение Толстого с «Книгами», т.е. Библией, а предсмертные размышления князя Андрея – с Евангелием. Широко известные жанровые дефиниции, которые сам автор давал «Войне и миру» («книга», «писание»), в последнее время вполне заслуженно рассматриваются толстоведением не как поэтические синекдохи, а как обоснованные протожанровые отсылки, и в этом

смысле следует также обратить внимание на слова Болконского о Евангелии как «книге».

Борясь с мучительным бредом, князь Андрей размышляет о евангельской любви и о том, «как же бог предписал этот закон» [4, т.6, с. 398]. Он задавал себе главный для себя и для автора вопрос – о миссии Спасителя и о сыновстве его Богу («Почему сын?» [4, т.6, с. 398]), но состояние прозрения не удавалось поддержать даже сверхчеловеческими усилиями, «и бред втягивал его в свою область» [4, т.6, с. 400]. (Евангельский мотив Отца и Сына продолжен в «Эпilogue».) В Ярославле князь Андрей говорит себе: «Любовь есть жизнь ... Любовь есть бог» [4, т.7, с. 69], мысленно перефразируя новозаветные стихи: «Бог есть любовь» (1 Ин.: 4, 8, 16). Следующий стих Послания может быть ответом на вопрос, «как же бог предписал этот закон»: «Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него» (1 Ин.: 4, 9).

Перед смертью князь Андрей мысленно пересказывает евангельский стих о питании птиц небесных: «Птицы небесные ни сеют, ни жнут, но Отец ваш питает их» [4, т.7, с. 65]. Повторяемая Болконским фраза о птицах совпадает с церковнославянским стихом из Евангелия от Матфея за вычетом нескольких слов («и-акѡ», «ни собирають въ житницы», «небесный») и с переменой союза «и» на «но». (В современном переводе: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их» (Мф.: 6, 26).)

«Библейские авторы неоднократно ссылаются на веру птиц в получение хлеба насущного от Провидения как на пример смирения» [5, с. 951]. Если птица – метафора души, то пища истинной «птицы небесной», т.е. души – благодать, посылаемая Отцом небесным, и исполнение его воли. «Моя пища есть творить волю пославшего Меня и совершить дело Его», – говорит Иисус (Ин.: 4, 34). Болконскому открывается смысл питания души как исполнения божественной воли и приобщения к Богу, «к общему и вечному источнику» [4, т.7,

с. 65]. Именно в этих предсмертных размышлениях героя Толстой развивает свое учение о жизни как любви и о смерти как великом причащении. С агнографической танатологией во многом соотносится изображение т.н. «смерти-ухода», как показано в статье Н.Г. Махиной и Л.Х. Насрутдиновой (см. [6]) на примере современной литературы. Однако нет сомнения, что изображение смерти князя Андрея в «Войне и мире» – одно из первых в мировой литературе подробных изображений «смерти-ухода» как христианской вольной жертвы.

В работе «Искусство чтения. Как понимать книги» профессор Мичиганского университета Т. Фостер предельно прямолинейно перечисляет аспекты соотнесения персонажа художественного произведения с Христом: «Персонаж может быть аналогом Христа, если:

- ему 33 года;
- он одинок, желательно практикует воздержание;
- имеет раны или отметины <...>;
- жертвует собой ради других <...>;
- попадает в пустыню или другую глушь, где подвергается искушению, сводит знакомство с дьяволом...» [7, с.128].

При всей своей прямолинейности список заслуживает внимания и может быть дополнен. «Претворение воды в вино» и другие чудеса, «раздача хлеба и рыбы на пять тысяч персон, проповеди, взаврадашнее распятие, полное повторение всех его шагов – это уж лишнее», – пишет Фостер [7, с.128]. Но добавим, что почти незаметные штрихи могут создавать концептуальный реминисцентный фон гораздо убедительнее, выступая в системе и заменяя слишком прямые аналогии, художественности противоречащие. Так, мотив разбойника и праведника (в духе этого мотива названа сама книга Толстого: «Война и Мир» – это тоже «Разбойник и Праведник»), разумеется, гораздо более древний, чем соответствующий эпизод Евангелия, тоже может служить маркером христологического смысла.

К евангельской теме сораспятого с Христом разбойника, которому Христос дает прощение, восходит эпизод встречи князя Андрея и Анатоля Курагина на перевязочном пункте. «В палатке было три стола» [4, т. 6, с.265], – в госпитальном эпизоде создается аллюзия на голгофский локус с тремя распятиями. Вне этой соотнесенности невозможно представить смысл изображения Анатоля в госпитале рядом с Болконским (В.В. Ермилов даже поторопился для объяснения этого объявить Курагину «моральное оправдание», а весь эпизод охарактеризовать как изображение «воинского братства» [8, с. 284]).

Никакими сюжетно-фабульными моделями авантюрного или семейного романа (одновременная смерть двух врагов и соперников в любви) эпизод встречи князя Андрея и Анатоля Курагина не исчерпывается. Исследователи обычно подчеркивают мотив пришедшей к князю Андрею христианской любви, «агапической любви» в этом эпизоде, но смысл сораспятия Христа с разбойником ускользает от внимания.

Еще Иван Аксаков настолько потрясен был этой сценой «Войны и мира», что приписал и Анатолю христианские чувства, объявив о «взаимном прощении двух смертельно раненных соперников и чувстве христианской любви, внезапно их осенившем», а Толстого назвал выразителем «самых неуловимых, тончайших, самых возвышенных, именно христианских движений души», «художником внутренне просветленным, для которого освятилось искусство» (1881, газ. «Русь») [9, с.281. Подчеркнуто мною. – Е.П.]. Современный исследователь Джон Гивенс видит в эпизоде «обращение в христианскую любовь» (конечно, только князя Андрея), использует термин «любовь-агапе» [10, с.135], но не указывает на сюжетно-образные параллели с Евангелием. Хотя при рассмотрении романа Толстого «Воскресение» Гивенс уделяет подобным параллелям с Евангелием пристальное внимание, находя даже, что роман «может быть прочитан как расширенная трактовка евангельской притчи о богатом юноше (Мк.: 10, 17–31 и Мф.: 19, 16–30) – притчи, которая парадоксальным образом ни разу в романе не упоминается» [10, с.167]. (Ответ Христа богатому юноше на

вопрос, как сделаться «совершенным» (Мф.: 19, 21), собственно, притчей не является, но Гивенс справедливо указывает, что на путь, обозначенный Христом, вступает Нехлюдов.) В то же время сюжет «Воскресения» может рассматриваться и как раскрытие метаситуации ухода, характерной и для буддийского жития. Конечно, мифологема ухода и буддийские аллюзии играют сюжетообразующую роль и в «Войне и мире». Мифопоэтические ассоциации вызывает, например, даже такая фраза автора: «Пьер считал князя Андрея образцом всех совершенств» [4, т. 4, с. 40] (имя Будды Гаутамы – Сиддхартха – переводилось в 19 в. как «совершенный во всех вещах» (в изданиях биографической серии Ф.Ф. Павленкова), тот же эпитет в трактате И.А. Бунина «Освобождение Толстого»; перевод в современных исследованиях: «полностью достигший цели» [11, с. 19; 12, с. 33 и др.]).

Тема прощения разбойника звучит и в словах Кутузова о французах: («Пока они были сильны, мы себя не жалели, а теперь их и пожалеть можно. Тоже и они люди» [4, т. 7, с. 199–200]), и в эпизоде встречи замерзших и голодных Рамбаля и Мореля с ротой русских солдат. Те же Рамбаль и Морель, въезжающие с солдатами во двор московского дома Баздеева, воспринимаются чуть ли не как апокалиптические всадники. Французов встречает «пронзительный женский крик»: «Они! Батюшки родимые!.. Ей-богу, они. Четверо, конные!...» [4, т. 6, с. 374].

Христос никогда не смеялся, об Андрее Болконском автор говорит: «Он редко смеялся» [4, т. 5, с. 238]. Болконский умирает в 34 или 33 года (в 1809 году ему исполнился или шел 31 год). (Интересно, что сына князя Андрея, Николеньку, Толстой последовательно делает на год старше настоящего возраста: Николенька родился в 1806 году; автор указывает, что в 1812 году ему «семь лет», а в 1820, как сообщается в «Эпilogе», Николенька был «пятнадцатилетний худой, с вьющимися русыми волосами и прекрасными глазами, болезненный, умный мальчик...» [4, т. 7, с. 286].)

Среди системных сюжетных соответствий может быть названо также возвращение Андрея Болконского в Лысые Горы ровно через 4 месяца после Аустерлицкого сражения (сражение происходит 20 ноября 1805 года, князь Андрей возвращается домой в ночь на 20 марта 1806). Это может быть аллюзией на евангельского «Лазаря четверодневного», воскрешенного Христом (Ин.: 11). «За четыре дня перед смертью» [4, т. 7, с. 185], как это воспринимает Наташа, Болконский видит роковой сон и начинается для него «пробуждение от жизни» [4, т. 7, с. 71]. Описание ухода князя Андрея из жизни восходит и к буддийскому «пробуждению», и к евангельскому контексту.

Умиравший князь Андрей в Мытищах укрыт шинелью, то же сказано о больном Платоне Каратаеве: «Сидел Платон, укрывшись, как ризой, с головой шинелью» [4, т. 7, с. 165]. В Евангелии «ризой» (Ин.: 19, 24) воины, распявшие Христа, называют «не сшитый, а весь тканый сверху» хитон (Ин.: 19, 23), «риза» – также обозначение одежды Давида в Псалтири (Псал.: 21, 19).

В Троице Болконский укрыт розовым одеялом, и в этом обстоятельстве Наташа и Соня усматривают особый знак, вспомнив, что при гадании на святках Соня сказала, что якобы видела князя Андрея лежащим и «что-то синее и красное» [4, т. 5, с. 301]. В «Войне и мире» использован традиционный балладный мотив – увиденный при гадании мертвый жених; Соня, однако, поспешила утешить Наташу, что видела его веселым. Теперь, в Троице, девушки понимают это как надежду на то, что князь Андрей выживет. Если шинель Каратаева открыто сравнивается с ризой, то «что-то синее и красное» (манифестирующее пурпур) может быть эвфемизмом багряницы. Во всяком случае, вестиментарный код в эпизодах умирания Каратаева и князя Андрея отсылает к Евангелию.

«Раны или отметины», о которых говорит Фостер, Толстой щедро дарит своему Болконскому, причем болезни из-за открывшейся раны приводят к катастрофе: лечение затягивается, а Наташа в разлуке с князем Андреем успевает увлечься Курагиным.

В «Войне и мире» сохраняется и евангельская семантика двери, вбирающая в себя символизм границы и связь с идеей искупительной жертвы. (Христос говорит: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется» – Ин: 10, 9). Эпизод в Мытищах, когда князь Андрей просит достать «книгу», подчеркивает соответствие «книга-дверь» (открытая книга и открытая дверь изофункциональны: они предвосхищают «новую область интересов и поисков», как пишет К.Г. Юнг, анализируя собственный сон, в котором он открывает незнакомые тайные комнаты и находит там новую, не известную ему старинную книгу [13, с. 50]). Сон князя Андрея может быть сопоставлен с записью Толстого в записной книжке 11 апреля 1858 года: «Я видел во сне, что в моей темной комнате вдруг страшно отворилась дверь и потом снова неслышно закрылась. Мне было страшно, но я старался верить, что это ветер. Кто-то сказал мне: поди, притвори, я пошел и хотел притворить сначала, кто-то упорно держал сзади. Я хотел бежать, но ноги не шли, и меня обуял неописанный ужас. Я проснулся, я был счастлив пробуждением. Чем же я был счастлив? Я получил сознание и потерял то, которое было во сне. Не может ли так же быть счастлив человек, умирая?» [14, т.48, с. 75]. Позже в описаниях «арзамасского ужаса» Толстой зафиксировал свои переживания после смерти князя Андрея и вообще не раз в дневниках, поздних произведениях и «Круге чтения» почти дословно повторял описания бреда князя Андрея в Мытищах и его размышлений в Ярославле.

Но предсмертный сон князя Андрея о закрывании двери, который он видит в новом для него доме, в Ярославле, имеет не только танатологическую семантику, означая смерть героя. Мотив двери, связанный в «Войне и мире» с образом князя Андрея, проецируется и на сотериологический евангельский смысл, и на архаический ритуал закрывания дверей при окончании войны. Новозаветный контекст сна (размышления князя Андрея «Любовь есть бог» [4, т.7, с. 69]) связывает толстовскую сотериологию с прекращением войны и вообще любой вражды, т.е. с проблематикой «Войны и мира» как проекта всеобщего мира. Та-

ким образом, новозаветная символика спасения и языческое понимание двери как границы жизни и смерти, мира и войны переплетаются в сне князя Андрея.

Еще один мотив – мотив крещения – манифестируется в нескольких случаях как погружение в воду (баптистерий) и как водяные капли. Это дважды использованное Толстым сравнение: князь Андрей потерял сознание, «как человек, окунувшийся в воду» [4, т. 6, с. 400]; Пьер, засыпая, «опустился куда-то в воду» [4, т. 7, с. 170]. Над Бородинским полем накрапывает дождь, как бы утихомиряя обе сражающиеся стороны; в ночь перед смертью засыпает под шум дождя Петя Ростов, прислушивавшийся сквозь сон к своей космической музыке.

«Чудо о дубе» в эпизодах отраденской поездки князя Андрея может быть сопоставлено с евангельским чудом о бесплодной смоковнице. В Евангелиях находим два относительно развернутых сюжета, связанных с смоковницей, деревом весьма полезным, распространенным, культивируемым. Смоковница (инжир) – удивительно прилежное дерево в смысле плодovitости, три раза в год приносит плоды, однако в притче о неплодной смоковнице и в сюжете о встрече Иисуса с деревом, не имевшим плодов, смоковница именно бесплодна.

С притчей о неплодной смоковнице (вставной сюжет в Евангелии от Луки (Лк.: 13, 6–9)) все ясно: Сын-спаситель просит Отца не истреблять неразумный народ, который, может быть, еще одумается под влиянием его спасительной проповеди. Смоковницу садовник обещает окопать, подкормить, словом, просит хозяина дать ей отсрочку для плодоношения. Другая же евангельская история неплодной смоковницы в своем иносказательном смысле так сложна, что в библейской экзегетике не находит однозначного толкования. Именно она интересует нас как возможный реминисцентный фон эпизодов с дубом в «Войне и мире». Заметим, что в Евангелии от Марка эта история рассказана в двух эпизодах, как и встречи князя Андрея с дубом у Толстого. Описаны две встречи Христа со смоковницей (Мк.: 11, 12–14 и 20–25), вторая – уже с засохшим деревом. (Вся сюжетная линия князя Андрея построена по принципу евангельско-

го удвоения эпизодов и смыслов. Два катастрофических сражения, два смертельных (сказочно-мифологическая семантика) ранения, два опустошительных душевных кризиса, две встречи с дубом. Эпическое удвоение эпизодов, за счет которого обычно относят эти повторы (см.: [15, с. 314]), не отменяет и евангельского принципа.) В Евангелии от Матфея встреча Христа с неплодной смоковницей происходит однажды, причем говорится, что после слов Христа «смоковница тотчас засохла» (Мф.: 21, 19).

А.Ф. Лосев в эпизодах с дубом не видел абсолютно никакой мифологии и в своих работах по теории символа рассматривал дуб князя Андрея в качестве символа его жизни, т.е. засохший дуб – как символ душевного кризиса толстовского героя, зазеленевший – как символ возрождения. Как символ трактуется сюжет о бесплодной смоковнице в богословии: проклятие бесплодной смоковницы – это предостережение Спасителя тем, кто не воспримет слово Божие.

В.Б. Торгунов предполагает, что, помимо всех символических значений, яркая парадоксальность эпизода со смоковницей указывает на какой-то более близкий Христу, более непосредственный и роковой для него смысл. Действительно, довольно странно звучат слова Евангелия от Марка, что Иисус «взл-кал» (Мк.: 11, 12) и хотел поискать плоды на придорожной смоковнице, но не нашел, ибо «еще не время было собирания смокв» (Мк.: 11, 13). После этого Иисус говорит смоковнице: «Отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек» (Мк.: 11, 14). По мысли Торгунова, никакие съедобные плоды не были нужны Иисусу; он пожелал, чтобы появились смоквы, исключительно для того, чтобы проверить, не утратил ли он перед Голгофой способность творить чудеса. Смоковница, не взрастившая смоквы, показала ему, что утратил и что Голгофа близка. «Иисус с какого-то часа своей жизни лишился некой защиты, некой брони, до того часа во все время Служения защищавшей его Тело <...> Иисус, Сын Божий, знал, что некогда (и уже скоро) настанет срок, когда Божественная сила, Его защищавшая и дававшая Ему творить чудеса, оставит Его, и тогда Его ждут великие страдания <...>. Смоковница при дороге дала Ему повод и воз-

можность испытать, в силе ли Он... Чуда не произошло <...> Он получил знание: день пришел, и час приближается» [16, с. 42].

С Иисусом был апостол Петр, обративший его внимание на то, что смоковница засохла (Мк.: 11, 21). Во время поездки по весеннему лесу с князем Андреем делится своими впечатлениями камердинер – Петр, свой прошлогодний разговор с Пьером Болконский вспоминает, увидев зазеленевший дуб. Чудо о зазеленевшем сухом дубе в «Войне и мире», возможно, проецируется на историю засохшей смоковницы. Т.е. семантика эпизодов с дубом представляет собой инверсированные евангельские смыслы. Если засохшая смоковница послужила подтверждением, что конец земной проповеди Иисуса близок, то оживший дуб предсказывает Болконскому предстоящий ему путь сотериологического поиска. «Надо, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы на всех она отражалась и чтобы все они жили со мною вместе!» [4, т. 5, с. 165] – это решение князя Андрея, принятое, когда он увидел зазеленевший дуб, выражает не просто желание видеть рядом своих друзей и близких и принимать участие в их жизни. Ведь Толстой поручает своему герою поиски человеческого единения, вечного мира, поиски той нравственной победы над войной, которую Болконский и его полк одерживают на Бородинском поле. Князю Андрею предстоит простить и полюбить даже Анатоля (сравним обещание Иисуса разбойнику: «И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк.: 23, 43)), потому что именно комплекс Спасителя выражается в стремлении, которое высказывает герой Толстого: «Чтобы все они жили со мною вместе!»

Толстой в своей экзегетике никак не комментирует чудо о неплодной смоковнице, замечая только в предисловии к «Краткому изложению Евангелия», что не излагает «чудеса Иисуса в Кане и Капернауме, изгнание бесов, хождение по морю, иссушение смоковницы, исцеление больных, воскрешение мертвых, воскресение самого Христа» [14, т. 24, с. 803–804] потому, что чудеса эти неубедительны, а для человека, «не сомневающегося в божественности Иисуса по самому учению его, стихи эти отпадают сами собой по своей ненуж-

ности» [14, т. 24, с. 804]. Однако это не значит, что сюжет о смоковнице, весьма примечательный по своей кажущейся противоречивости (даже при сравнении с парадоксальностью евангельских притч) нельзя считать реминисцентным фоном эпизода с дубом в «Войне и мире». Каково бы ни было отношение Толстого к евангельским чудесам, сама непроясненность нелогичного поведения Христа и странное участие жалкого придорожного деревца (не воскрешение мертвого человека, не передвижение горы, не разрушение храма) в последнем из евангельских чудес, которое, казалось бы, должно превзойти по грандиозности все остальные, останавливает внимание своей таинственностью. Дерево и в Евангелии, и в «Войне и мире» выступает знамением: в Евангелии Христос получает от смоковницы сигнал о конце своего земного пути, в «Войне и мире» оживший дуб открывает князю Андрею возможность вступления на путь поиска истинной общей «настоящей жизни», учение о которой Толстой стремился положить в основу задуманной им «практической религии».

Если следовать Фостеру, отметившему среди евангельских аллюзий пребывание в пустыне или в глуши и «знакомство с дьяволом», то соответствие также может быть найдено в судьбе Андрея Болконского: плен в Аустерлицком сражении, отсутствие вестей о местонахождении; знакомство же с дьяволом (Наполеоном, выступающим в книге Толстого персонификацией зла) относительно, т.к. Болконский не назвал свое имя в ответ на вопрос Наполеона и вообще отказался от предложенного им диалога. В сюжетной линии князя Андрея можно найти и парафраз ситуации искушения – это мечты о наполеоновской славе. Сам Наполеон на первой же странице получает наименование «cet Anti-christ» («этот Антихрист») [4, т. 4, с. 7], хотя и в устах Анны Павловны Шерер, не имеющей привилегии транслировать позицию автора, но прибегающей к модной патриотической риторике.

Концепт «слава» в «Войне и мире» связан с мотивом облака, и это говорит о высокой рецептивности библейских образов у Толстого. «Славу» и мечты Болконского о ней следует понимать на фоне сложной семантики этого концеп-

та в Библии, где облако – знак иерофании. «Являемая людям слава – образ Божьей трансцендентности... При встрече Моисея со славой Божьей на горе Синай ее видимым проявлением были облако, покрывшее гору, и сияние...» [5, с. 1088]. В Новом завете Моисей и Илия являются Иисусу «во славе» (Лк.: 9, 31), а далее сообщается, что «явилось облако и осенило их» (Лк.: 9, 34), из облака же послышался глас Бога. «Слава» в библейском и геральдическом понимании – один из самых таинственных и многозначных образов, ни в коем случае не сводящийся к обозначению громкой известности. На иконах изображается как облако. Созерцание облаков и заставило князя Андрея ощутить то же самое, о чем говорится в Евангелии от Луки по отношению к апостолам: «устрашились, когда вошли в облако» (Лк.: 9, 34). «Образ Божьей трансцендентности» – это то, ради чего создан в «Войне и мире» эпизод с облаками, подготовленный многозначностью «славы» в предыдущем тексте. После созерцания облаков Болконский думает о Боге: «Сила – неопределенная, непостижимая, к которой я не только не могу обращаться, но которой не могу выразить словами, – великое все или ничего» [4, т. 4, с. 370].

Слава, похожая на нити паутины, снится Николеньке Болконскому («Эпилог»), т.е. это визуализация новой религии – связи всего человечества и Бога. Мотив Отца и Сына, которого Отец посылает на жертву ради спасения человечества, приходит в мечтания Николеньки из Евангелия. Сон же Николеньки Болконского в «Эпилоге» и последовавшее пробуждение-просветление моделируют ситуацию Гефсиманского моления, осознания необходимости жертвовать собой, подчинившись воле отца и Отца. Мысленное троекратное обращение Николеньки к отцу, которого сын никогда не представлял себе «в человеческом образе» [4, т. 7, с. 308], сближается с троекратной молитвой Иисуса и обращением его к Отцу в Гефсимании, о чем наиболее подробно рассказывается в Евангелии от Матфея (Мф.: 26, 39–44). Апостолы, которых Иисус просил бодрствовать, заснули (в лысогорском доме все спят; Николенька видит спящего Десаля, своего учителя). Иисус страдал и молился, обещал Отцу: «Да

будет воля Твоя» (Мф.: 26, 42). Николенька плачет, обещает исполнить то, чем бы Отец был доволен, предчувствует предстоящее самопожертвование. Мотив самопожертвования поддерживается плутарховскими реминисценциями. Что же касается слов Николеньки о славе и любви («Все узнают, все полюбят меня, все восхитятся мною» [4, т. 7, с. 308]), в которых современное толстоведение, загипнотизированное античными, плутарховскими отсылками эпизода, предпочитает видеть унаследованные Николенькой от отца мечты о славе, то это тоже реминисценция из Евангелия: «Отче праведный! И мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали (апостолы. – Е.П.), что Ты послал Меня. И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них» (Ин.: 17, 25–26). Ведь божеская любовь должна стать достоянием не только апостолов, но всего мира.

Курсив местоимения «он», отнесенного к отцу Николеньки, соответствует прописной букве местоимений, отнесенных к Отцу в Новом Завете. Перед смертью князь Андрей думает о законе всеобщей любви и о том, что Бог послал в мир своего сына на жертву ради этой любви. «Почему сын?» спрашивает он себя. Образ Николеньки Болконского, для которого «Отец» – это и его отец, князь Андрей, и Бог, продолжает эту тему, превращая последнюю сцену первой части «Эпилога» в открытый финал всей *книги*.

Проанализировав соотношение (особенно в «Эпилоге») образов Андрея Болконского и его сына Николеньки, Б.И. Берман приходит к выводу: «И если раньше мы могли говорить о князе Андрее только как об образе обожения, то теперь, быть может, мы имеем основания говорить о нем как об образе самоустановления Толстого, образе, несущем в себе направляющую и воплощающую силу» [17, с. 190]. В сноске на той же странице исследователь уточняет: «“Образ” в том смысле, который мы имеем в виду, говоря “образа”, а не образы». Образ князя Андрея – это созданная Толстым вербальная икона, явление, сопоставимое с «романными иконами» в произведениях Ф.М. Достоевского (см.: [18]), с той, однако, разницей, что у Достоевского «романная икона» пред-

стает имплицитным религиозным экфрасисом и отсылает к определенному типу иконописных сюжетов, типу православных икон. Толстой же сознательно уходит не только от какого бы то ни было иконописного сюжета, но и от намеков на визуализацию («Николенька никогда не воображал князя Андрея в человеческом образе», «отец не имел образа и формы» [4, т. 7, с. 308]); автору «Войны и мира» не столь важна христианская аксиология, сколь экзегеза сакрального текста («Почему сын?») и уяснение структуры евангельской сюжетной модели: Евангелие, *Книга*, выступает как образец построения нового религиозно-дидактического и сотериологического текста.

Однако экзегетическая и сотериологическая задача соединяется с мощью толстовской художественной пластики, не умалив, а многократно усилив ее. Вот пример эстетического воздействия «Войны и мира» и в аксиологическом, и в структурном отношении: «Я помню также моего друга, князя Андрея; он словно стоит перед глазами – обаятельный и печальный, а лицо его – как у Иисуса Христа!» (из статьи о Толстом румынского писателя М. Садовяну) [19, с. 113].

В «Эпилоге» находим отсылку к одной из парадоксальных евангельских притч (о талантах) в словах Наташи Безуховой: «Имущему дастся, а у неимущего отнимется» [4, т.7, с. 271]. Фраза Наташи близка к русскому переводу: «Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф.: 25, 29). В церковнославянском Евангелии: «Имоущемоу бо вездѣ дано боудеть и преизбоудеть: ѿ неимоущаго же, и еже мнитсѧ имѣѧ, взато боудеть ѿ него». Действие первой части «Эпилога» отнесено к 1820 году, героини Толстого уже могли читать в русском переводе Четвероевангелия (издан Библейским обществом в 1818 г.) притчу о талантах, содержащуюся в Евангелии от Матфея, тогда как до этого времени образованные русские чаще знакомились с Библией на французском языке. Синодальный же перевод Нового Завета, корректировавший издание (в частности, перевод Евангелия от Матфея, выполненный в 1816 – 1818 гг. о. Г.П. Павским), выполнялся и издавался с

1858 по 1861 год, т.е. незадолго до начала работы Толстого над «Войной и миром». В «Эпilogе» также упоминается о «Библейском обществе» и князе А.Н. Голицыне, по инициативе которых книги Нового Завета и часть книг Ветхого переводились в то время на русский язык.

Обсуждая с мужем его спор с Пьером о будущем России, Марья Ростова вспоминает, что не хлебом единым жив человек (обращение к Евангелию от Матфея: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф.: 4, 4)). Предметом спора Пьера и Николая было все-таки земное устройство дел человеческих, тогда как Марья Ростова и Наташа Безухова напоминают своим мужьям о детях. Именно графиня Марья связывает заботу о будущем с детьми и их воспитанием, с душами людей, а не государственным и экономическим устройством, какие бы усовершенствования в них ни предлагались.

Подводя итоги, подчеркнем отличие толстовского религиозно-дидактического эпоса от исторического романа. Толстой изображает гармоническую личность уже не только как стоящую над распрями эпохи или примиряющую два исторических лагеря, но и как героя вольной жертвы, т.е. героя, следующего не социальной или политической, пусть и прогрессивной, а религиозной сотериологической модели. Широкий новозаветный контекст «Войны и мира» подчеркивает ориентацию Толстого на создание *книги, писания*, обладающего свойствами сакрального текста и соединяющего черты художественной проповеди и историософского дискурса.

Список литературы

1. Фейхтвангер Л. *Собр. соч. в 12 т. Т. 12*. М.: Худож. лит.; 1968.
2. Топоров В.Н. Имена. *Топоров В.Н. Мифология. В 2 т. Т.1*. М.: Языки славянской культуры; 2014. С. 256–282.
3. Мак-Ким Д.К. *Вестминстерский словарь теологических терминов*. М.: Республика; 2004.
4. Толстой Л.Н. *Собр. соч. в 22 т.* М.: Худож. лит.; 1978–1985.
5. *Словарь библейских образов*, под общ. ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана III. СПб.: Библия для всех; 2005.
6. Махинина Н.Г., Насрутдинова Л.Х. Смерть-уход в зеркале русской литературы XI–XXI веков. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(1):36–46.

7. Фостер Т. *Искусство чтения. Как понимать книги*. М.: Манн, Иванов и Фарбер; 2015.
8. Ермилов В.В. *Толстой-романист*. М.: Худож. лит.; 1965.
9. Аксаков К.С., Аксаков И.С. *Литературная критика*. М.: Современник; 1982.
10. Гивенс Д. *Образ Христа в русской литературе: Достоевский, Толстой, Булгаков, Пастернак*. СПб.: Academic Studies Press; 2021.
11. Альбедиль М.Ф. *Буддизм*. СПб.: Питер; 2006.
12. Кеонун Д. *Буддизм*. М.: Весь мир; 2001.
13. Юнг К.Г. *Архетип и символ*. М.: Renaissance; 1991.
14. Толстой Л.Н. *Полн. собр. соч. в 90 т.* М.: ГИХЛ; 1928–1958.
15. Тамарченко Н.Д. Структура сюжета в большой эпической форме. «Литературоведение как литература». Сб. в честь С.Г. Бочарова. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция; 2004. С. 313–320.
16. Торгунов В.Б. «От смоковницы... знает». *Наука и религия*. 1992;(8):40–42.
17. Берман Б.И., Мардов И.Б. Откровения князя Андрея. *Берман Б.И. Сокровенный Толстой*. М.: Гендальф; 1992. С. 81–193.
18. Касаткина Т.А. *Характерология Достоевского*. М.: Наследие; 1996.
19. Садовяну М. Толстой. *Литературное наследство. Т. 75. Кн. 1. Толстой и зарубежный мир*. М.: Наука; 1965. с. 112–116.

References

1. Fejhtvanger L. *Collected works in 12 vol. Vol.12*. М.: Hudozh. Lit.; 1968. (In Russ.)
2. Toporov V.N. The Names. *Toporov V.N. Mythology. In 2 vol. Vol.1*. М.: YAzyki slavyanskoj kul'tury; 2014. p. 256–282. (In Russ.)
3. McKim D.K. *Westminster Dictionary of Theological Terms*. М.: Respublica; 2004. (In Russ.)
4. Tolstoy L.N. *Collected Works in 22 vol*. М.: Hudozh. Lit.; 1978–1985. (In Russ.)
5. *Dictionary of Biblical Imagery*. Ch. Ed. L. Ryken, J. Wilhoit, T. Longman III. S. Peterburg: Bibliya dlya vseh; 2005. (In Russ.)
6. Makhinina N.G., Nasrutdinova L.H. Death-departure in the Mirror of Russian Literature of the XI–XXI centuries. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1): 36–46. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.36-46>. (In Russ.)
7. Foster T. *The Art of Reading. How to understand books*. М.: Mann, Ivanov i Farber; 2015. (In Russ.)
8. Ermilov V.V. *Tolstoy, novelist*. М.: Hudozh. Lit.; 1965. (In Russ.)
9. Aksakov K.S., Aksakov I.S. *Literary criticism*. М.: Sovremennik; 1982. (In Russ.)
10. Givens D. *The image of Christ in Russian literature: Dostoevsky, Tolstoy, Bulgakov, Pasternak*. S. Peterburg: Academic Studies Press; 2021. (In Russ.)
11. Al'bedil' M.F. *Buddhism*. S. Peterburg: Piter; 2006. (In Russ.)
12. Keoun D. *Buddhism*. М.: Ves' mir; 2001. (In Russ.)
13. Jung C. G. *Archetype and symbol*. М.: Renaissance; 1991. (In Russ.)
14. Tolstoy L.N. *Complete Collected Works in 90 vol*. М.: GIHL; 1928–1958. (In Russ.)
15. Tamarchenko N.D. The structure of the plot in a large epic form. "Literary studies as literature". *Sat. in honor of S.G. Bocharov*. М.: YAzyki slavyanskoj kul'tury; Progress-tradiciya; 2004. p. 313–320. (In Russ.)
16. Torgunov V.B. "From the fig tree... you know". *Science and Religion*. 1992;(8):40–42.
17. Berman B.I., Mardov I.B. Revelations of Prince Andrei. *Berman B.I. Profound Tolstoy*. М.: Gendal'f; 1992. p. 81–193. (In Russ.)
18. Kasatkina T.A. *Characterology of Dostoevsky*. М.: Nasledie; 1996. (In Russ.)
19. Sadovyanu M. Tolstoy. *Literary Heritage. Vol. 75. Part 1. Tolstoy and the foreign world*. М.: Nauka; 1965. p. 112–116. (In Russ.)

Автор публикации

Полтавец Елена Юрьевна –
кандидат филологических наук, доцент
доцент Департамента филологии
Института гуманитарных наук
Московского городского педагогического
университета
Москва, Россия
Email: nedzvetsky@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8915-8044>

Author of the publication

Poltavets Elena Yurevna –
PhD in Philological Sciences, Associate Professor
Associate Professor of the
Department of Philology of the
Institute of Humanities
Moscow City University
Moscow, Russia
Email: nedzvetsky@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8915-8044>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.02.2025
Одобрена после рецензирования: 25.02.2025
Принята к публикации: 28.02.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.

Article info

Submitted: 02.02.2025
Approved after peer reviewing: 25.02.2025
Accepted for publication: 28.02.2025

The author has read and approved the final
manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благода-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anon-
ymous reviewer(s) for their contribution to the
peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА
PHILOLOGY. LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

Научная статья
УДК 1751

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.47-56>

**ГОНЗО ТЕКСТ КАК ОСОБЫЙ ВИД МЕДИА ТЕКСТА НА
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИА ТЕКСТОВ
Х.С. ТОМПСОНА)**

О.Р. Забирова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан,
Россия*

olgafazyullina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1312-8260>

Аннотация. Актуальная тема, связанная с вопросами постправды, носящая междисциплинарный характер, затрагивается в данной исследовательской работе. Парадоксальный авторский стиль письма, заключающийся в том, чтобы через субъективный взгляд одного журналиста показать объективную картину действительности. В век дезинформации и фейковых новостей происходит размывание границ между правдой и вымыслом, что препятствует адекватному восприятию текущей ситуации действительности. Анализируя представленный в данной статье медиа материал позволит читателям в какой-то мере разобраться в той игре, которую ведут те, кто работает в современных СМИ особенно в общественно-политической области.

Цель – выявить особенности гонзо текстов, написанных американским публицистом, писателем, журналистом и активистом Х.С. Томпсоном.

Материалом исследования послужили произведения Х.С. Томпсона «Лучше, чем секс. Откровения политического джанки», «Наших бьют! Американская доктрина, кровавый спорт и водоворот тупости». Эмпирическая база исследования формировалась с помощью приема сплошной выборки. В исследовании используется приём интерпретации, предполагающий опору на контексты.

В ходе исследования гонзо текстов Х. Томпсона мы приходим к выводу, что данный вид медиа текста необходимо изучать и учитывать его специфические черты при анализе и интерпретации медиа текстов политической направленности.

Обновлена проблематика, связанная с медиа коммуникацией и политической лингвистикой.

Ключевые слова: гонзо текст; медиа текст; постправда; политическая тематика; субъективность; игра

Для цитирования: Забирова О.Р. Гонзо текст как особый вид медиа текста на английском языке (на примере медиа текстов Х.С. Томпсона). *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 47–56. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.47-56>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.47-56>

GONZO TEXT AS A SPECIFIC TYPE OF AN ENGLISH MEDIA TEXT (ON THE EXAMPLE OF H.S. THOMPSON'S MEDIA TEXTS)

O.R. Zabirowa

Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

olgafazyullina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1312-8260>

Abstract. A relevant topic related to post-truth issues, which is of an interdisciplinary nature, is touched upon in this research work. The author's paradoxical style of writing, which consists in showing an objective picture of reality through the subjective view of one journalist. In the age of disinformation and fake news, the boundaries between truth and fiction are blurring, which prevents an adequate perception of the current situation of reality. Analyzing the media material presented in this article will allow readers to understand to some extent the play conducted by those who work in modern media, especially in the socio-political sphere.

The goal is to identify the features of gonzo texts written by the American publicist, writer, journalist and activist H.S. Thompson.

The material of the study was the works of H.S. Thompson “Better than sex. Confessions of a political junkie”, “Hey Rube! Blood Sport, the Bush Doctrine, and the Downward Spiral of Dumbness”. The empirical base of the study was formed using a continuous sampling method. The study uses an interpretation technique that involves reliance on contexts.

In the course of the study of H. Thompson's gonzo texts, we come to the conclusion that this type of a media text must be studied and specific features in the analysis and combination of political media texts should be taken into account.

Issues related to media communication and political linguistics have been updated.

Keywords: gonzo text; media text; post-truth; political topic; subjectivity; play

For citation: Zabirowa O.R. Gonzo Text as a Specific Type of an English Media Text (on the Example of H.S. Thompson's Media Texts). *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(1): 47–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.47-56>

В эпоху постправды медиа тексты требуют тщательного анализа и проверки. Граница между «правдой» и «вымыслом» всегда была предметом споров. В настоящее время во многих областях знаний, особенно в тех, которые связаны с медиа коммуникацией, вопрос стоит достаточно остро. Одним из самых ярких примеров экспериментов в этой сфере в СМИ США являются произведения Х. Томпсона. Он – известный американский гонзо журналист и публицист, основоположник гонзо журнализма, феномена, который можно интерпретировать по-разному, поэтому его сущность достаточно противоречива. Согласно Оксфордскому американскому словарю, Гонзо журнализм — репортажи в газетах, которые пытаются шокировать или взволновать читателей, а не давать правдивую информацию [1] (Перевод наш – Ф.О.). Мы считаем, что дан-

ное определение очень ограничено и носит крайне обобщенный характер. Хотя передаёт то впечатление, которое складывается при первом знакомстве с гонзо текстом. Гонзо текст остается малоизученным лингвистическим феноменом, заслуживающим внимания как оригинальный стиль письма. Первым и единственным автором гонзо текста является Хантер Стоктон Томпсон. Гонзо видение связано с проблемой постправды, явлением на данный момент крайне неоднозначным, вызывающим бурные научные обсуждения в научных кругах. Гонзо текст относится во многом к контркультурной прозе. В качестве тематической доминанты выступает политика. Гонзо текст – это экстраординарный медиа язык со своими правилами и исключениями, богатой эмотивной лексикой, в котором повествование строится в крайне субъективной манере. Интенции автора базируются на игре в жанры, игре слов, игре со структурой и формой подачи материала.

Мы рассмотрели анализ феномена гонзо, проведенный доктором М. Херстом, который детально описывает явление Гонзо журнализма, подчеркивая наличие оригинальных фикшн элементов и их эпатажную подачу [2].

У. Маккин конкретизирует и перечисляет важные элементы гонзо текста: а) текст без редактуры; б) центральная роль автора текста; в) документальный материал [3].

Целью данной работы – выявить специфические характеристики гонзо текстов.

Многие медиатексты Х. Томпсона посвящены теме «Политика». Материалом исследования послужили произведения Х.С. Томпсона «Лучше, чем секс. Откровения политического джанки», «Наших бьют! Американская доктрина, кровавый спорт и водоворот тупости». Эмпирическая база исследования формировалась с помощью приема сплошной выборки. В исследовании используется приём интерпретации, предполагающий опору на контексты с целью выявления специфики гонзо текста на английском языке.

Судя по определению концепта Гонзо журнализма, целью такого гонзо сообщения (репортажа, эссе, аналитической статьи) является представление идеи в крайне субъективном ключе.

Мы хотели бы выделить основные принципы и особенности Гонзо журнализма, а именно: подчеркнутая, гиперболизированная субъективность; использование художественных приемов для усиления эффекта; призыв к критическому мышлению адресата; ключевое тематическое поле – общественно-политическая и социальная повестка дня. Анализируя роль автора, мы видим, что он является центром повествования, фиксируя реальные события, явления без дальнейшего редактирования, провоцируя, манипулируя и шокируя адресата. Гонзо реальность конструируется в процессе субъективной адаптации на основе личного опыта и экспериментов журналиста. Адресант всегда находится в тесной связи с адресатом. Стратегии, используемые данным журналистом, остаются актуальными и эффективными и в настоящее время, когда информация является главным инструментом воздействия на умы аудитории, даже если мы говорим только о медиа тексте с точки зрения использования в нем художественно-выразительных средств [4, с. 543].

Интерпретируя гонзо тексты автора, мы можем найти множество примеров, демонстрирующих его открытое отношение к политике и его эпатажную реакцию на некоторые политические события: «НЕ ВСЕМ нравится идея о том, что политика – это пагубная привычка. Так и есть. Они подсели, и они виновны, и они действительно лгут и мошенничают, и воруют – как все наркоманы» [5] (Перевод наш – З.О.). Анализируя только эти три предложения, мы можем понять, насколько эмоционально насыщены его идеи. Если говорить о визуальности текста, то можно заметить использование графического приема – один из наиболее частых приемов, который применяет Х. Томпсон. Мы видим два слова в начале предложения, написанные заглавными буквами, чтобы сделать логический акцент в высказывании. Вспомогательные глаголы (is, are, do) выделены курсивом, чтобы еще больше подчеркнуть значимость основного посыла.

Автор называет себя политическим джанки, а тех, кто занимается политикой – наркоманами. Еще один стилистический прием, который мы можем здесь заметить, – это сравнение. Он сравнивает политиков и журналистов с наркоманами и джанки. Часто в своих гонзо текстах журналист использует сленговые выражения, играя со стилями, стараясь создать свой оригинальный текст, привлекающий внимание, и зачастую даже шокирующий читателей [5, с. 269]. Параллельные конструкции создают напряжение, а градация подчеркивает эмоциональный накал. Повторение неопределенного местоимения «они» используется для обобщения. И в случае неопределенности писатель берет на себя меньшую ответственность за свои слова. Рассмотрим еще один пример использования местоимений: «Они – лосось, и они должны метать икру. Они зависимы, как и я. Рыба слышит свою музыку, а я свою» [5] (Перевод наш – З.О.). Сравнивая политиков с журналистами, называя их джанки, он противопоставляет себя им. Используя личные местоимения «они» и «я», притяжательные местоимения «их» и «мое», автор подчеркивает различие между ними, прибегая при этом к такому приему как парадокс. Автор использует своего рода «грамматическую игру» для создания определенного впечатления, и антитезу для усиления эффекта. Язык становится основным инструментом в руках журналиста.

«Политика похожа на Гвинейского Червя. Он проникает в ваше тело и растет подобно пузырю изнутри, пока не становится таким большим и сильным, что прорывается прямо через кожу – жуткий красный червь. У него есть голова, и он похож на крошечную кобру. Червь хватает глоток воздуха и пытается дышать. Правда! Такие картинки есть в Энциклопедии Британика» (Перевод – Скобин А.) [6]. Это сложное сравнение создает эмоционально яркий образ, оставляющий у читателей неизгладимое впечатление. В этом описании мы можем найти черты натурализма. Творчество и сама личность Э. Хемингуэя оказала большое влияние на Х. Томпсона. Журналист последовал его примеру, поскольку Э. Хемингуэй часто эксплуатировал принципы натурализма в своих великих произведениях. Х. Томпсон даже не пытался избежать неприятных по-

дробностей в своем тексте, наоборот, подчеркнул, что это не просто преувеличение, а настоящая болезнь. Метафорически концепция политики представлена шокирующим и негативным образом. Вывод, к которому приходит автор, еще более неприятный и становится весьма неожиданным. Червь представляет концепцию политики. Параллель, которую создает Х. Томпсон, очень детально и точно описывая существующую болезнь, вызывает отвращение и страх у читателей. Эта метафора становится настолько реальной и настолько пугающе впечатляющей, что читатель начинает верить в то, что заниматься политикой опасно, а последствия, как правило, непредсказуемы в плохом смысле этого слова.

У. Стефенсон говорит о специфике гонзо языка. В своих работах Х. Томпсон всегда выражал протест против правящей элиты и истеблишмента. Неоднократно мы заявляли о особой роли контркультуры в творчестве публициста, так называемая контркультурная проза, которую создавал Х. Томпсон, зачастую определявшая общий настрой и посыл его работ. Контркультурная направленность оказывает большое влияние на манеру письма, на конструирование гонзо текстов. «Гонзо письмо рождено из спонтанного возмущения, вызванного химическими веществами, и нашло своё отражение в децентрализованной разрозненной прозе с вольной грамматикой и неорганизованной беспорядочным синтаксисом с эллипсисами, резкими тематическими переходами и временными скачками. Это позволило Х. Томпсону искать свободу выражения не только в том, что он пишет, но и как он пишет. Гонзо письмо Х. Томпсона предложило форму противостояния, вариацию «Лингвистики хаоса», которая базируется на эстетике пограничья между хаосом и порядком, грань, область «катастрофы», где разлом системы может приравняться к просветлению. Даже когда фрагментарные структуры текстов Х. Томпсона освещают казалось бы неполитические темы, они способны показать, как традиционная политика поведения (нормы, правила, устои) служат на благо власти» [7]. Мы поддерживаем идею данного ученого, но хотелось бы предположить, что сделано это было намеренно, в этом и заключается специфика подобного рода медиа текста, точ-

нее его подвида – гонзо текста: создание нарочито запутанного сложного мозаичного повествования с целью не то, чтобы запутать читателя, а как это парадоксально бы не звучало, не быть «истиной в последней инстанции».

Х. Томпсона часто обвиняли в крайней субъективности, и это одна из основных черт его гонзо текстов, с помощью сниженной обценной лексики, сленга он прописывал образы главных героев своих медиа текстов. Однако это и позволило журналисту быть более объективным как бы парадоксально это не было. Х. Томпсон создает некролог Р. Никсона: «НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ скажут, что слова типа мразь и гниль нельзя использовать в Объективной Журналистике – что соответствует истине, но они не принимают во внимание один важный момент. Именно слепые пятна, специально встроенные в Объективных законах и догмах, позволили Никсону проскользнуть в кресло президента. В газетах он выглядел таким хорошим, что вы были почти готовы голосовать за его невидимый образ. ... Требовалось стать Субъективным, чтобы увидеть настоящего Никсона, и часто увиденное вызывало болезненное потрясение» [8, с. 273].

«Индивидуальная стилевая манера повествования писателя-публициста, известная как «Гонзо журнализм», призвана задокументировать происходящее. Представление событий в тексте нон-фикшн реализуется с помощью создания некоего эпатирующего художественно-документального «перформанса» для читателя. В качестве примера следования принципам «Гонзо журнализма», можно привести типичную ситуацию, происходящую «здесь и сейчас» в буквальном смысле слова: “Okay, okay, Yes, here it is. Send it. That what I am saying to Anita, right now. She is getting aggressive about this deadline” [9, pp. 217–218]. ‘– Хорошо, хорошо. Да, вот. Посылай. Вот что я прямо сейчас говорю Аните. Она становится агрессивной из-за этого дедлайна’ (Перевод наш – З. О.) [10].

Игра в объективность, к которой должен стремиться журналист, превращается в «двойную» игру в реальность, в «новую» реальность; даже в мире политики он создавал абсурдную «реальность», которая разочаровывала читателя. Используя технику обманутого ожидания, он показал, что объективный журна-

лист не может дать вам полной информации ни о чем. Иллюзия, что можно получить актуальные данные прямо сейчас, опираясь на объективную журналистику, искажается. Вы должны быть субъективными, чтобы понять всю правду. С одной стороны, это эффективный прием для снятия ответственности с журналиста. С другой стороны, такой журналист призывает к критическому мышлению, перекладывая ответственность на адресата.

Х. Томпсон предвосхищает ту деятельность в рамках цифрового дискурса США, которая реализуется на современном этапе развития цифровой дипломатии в целом, принимая во внимание специфические особенности жанровых направлений современного медиа дискурса как такого [11, с. 121–123].

Если рассматривать гонзо текст как политический текст, для которого характерны ирония, сарказм, преувеличение, используемые автором при оценки происходящих событий. Абсолютно парадоксальная природа текстов Х. Томпсона заключается в том, что нужно быть субъективным, чтобы увидеть и предоставить читателю объективную картину мира. Журналист часто прибегает к использованию таких стилистических приемов как сравнение (часто встречаются анималистические образы, природные явления), противопоставление (антитеза), парадокс, эпитеты («сильные» прилагательные). Стиль написания данного подвида медиа текстов заключается в том, что зачастую преобладает неформальный стиль написания, проявляются характерные черты разговорной речи, что сближает читателя и автора, выстраивает более доверительные отношения. На наш взгляд, это и является основной авторской интенцией: субъективная манера настраивает на восприятие информации как надежного источника, что становится особенно актуально во времена постправды.

Список литературы

1. Oxford Advanced American Dictionary online. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/gonzo-journalism?q=gonzo (дата обращения: 05.06.2023)
2. Fayzullina O.R. Gonzo journalism: fictional elements in H. Thompson's nonfiction. *Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict*. 2016;20:274–277. EID: 2-s2.0-85041791118

3. McKeen W. *Outlaw journalist: The life and times of Hunter S. Thompson*. N. Y.: W.W. Norton & Co.; 2008. 428 p.
4. Уткина О.Л. Заголовок как сильная позиция публицистического текста. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(4):533–544 <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.533-544>
5. Thompson H.S. *Better than sex: Confessions of a political junkie*. London: Picador; 2010. 248 p.
6. Томпсон Х.С. *Лучше, чем секс*. пер. с англ. А. Скобина. М.: АСТ: Астрель; 2011. 288 с.
7. Файзуллина О.Р. Текстуальная перформативность в тексте нон-фикшн. *Филология и культура*. 2016;4(46):61–64.
8. Файзуллина О.Р. Президентская кампания США 1992 года глазами «нового журналиста» («Лучше, чем секс» Х.С. Томпсона). *Филология и культура*. 2014;3(37):269–273.
9. Thompson H.S. *Hey Rube. Blood Sport, the Bush Doctrine and the Downward Spiral of Dumbness. Modern History from the ESPN.com Sports Desk*. NY: Simon & Schuster Paperbacks.; 2005. 246 p.
10. Файзуллина О.Р. Особенности реализации авторских интенций в медиатекстах Х. Томпсона. *Актуальные проблемы стилистики*. 2021;7:171–177.
11. Тахтарова С.С., Сиваева И.И. Жанровые характеристики цифрового дипломатического дискурса США. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(1):116–126 <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.116-126>

References

1. Oxford Advanced American Dictionary online. Available from: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/gonzo-journalism?q=gonzo (accessed: 05.06.2023)
2. Fayzullina O.R. Gonzo journalism: fictional elements in H. Thompson's nonfiction. *Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict*. 2016;20:274–277. EID: 2-s2.0-85041791118
3. McKeen W. *Outlaw journalist: The life and times of Hunter S. Thompson*. N. Y.: W.W. Norton & Co.; 2008. 428 p.
4. Utkina O.L. A Headline as a Strong Position of a Publicistic Text. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(4):533–544. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.533-544>
5. Thompson H.S. *Better than sex: Confessions of a political junkie*. London: Picador; 2010. 248 p.
6. Fayzullina O.R. US presidential campaign in 1992 through the eyes of a “new journalist” (“Better than sex” by H.S. Thompson). *Philology and culture*. 2016;4(46):61–64. (In Russ.)
7. Thompson H.S. Better than sex. translated from English. A. Skobina. M.: AST: Astrel; 2011. 288 p. (In Russ.)
8. Fayzullina O.R. Textual performativity in a non-fiction text. *PHILOLOGY AND CULTURE*. 2016;4(46):61–64. (In Russ.)
9. Fayzullina O.R. Peculiarities of an author intentions realization in H. Thompson's media texts. *Relevant problems of stylistics*. 2021;7:171–177. (In Russ.)
10. Thompson H.S. *Hey Rube. Blood Sport, the Bush Doctrine and the Downward Spiral of Dumbness. Modern History from the ESPN.com Sports Desk*. NY: Simon & Schuster Paperbacks.; 2005. 246 p.
11. Tahtarova S.S., Sivaeva I.I. Genre peculiarities of American Digital Diplomacy. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(1):116–126. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.116-126>

Автор публикации

Author of the publication

Забирова Ольга Робертовна –

Доцент

Казанский федеральный университет

Казань, Республика Татарстан, Россия

Email: olgafazyullina@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-1312-8260>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Информация о статье

Поступила в редакцию: 07.05.2024

Одобрена после рецензирования: 8.09.2024

Принята к публикации: 30.10.2024

*Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.*

Информация о рецензировании

*«Казанский лингвистический журнал» благода-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.*

Zabirova Olga Robertovna –

Associate Professor

Kazan Federal University

Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

Email: olgafazyullina@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-1312-8260>

Conflicts of Interest Disclosure

*The author declares that there is no conflict of inter-
est.*

Article info

Submitted: 07.05.2024

Approved after peer reviewing: 8.09.2024

Accepted for publication: 30.10.2024

*The author has read and approved the final
manuscript.*

Peer review info

*Kazan Linguistic Journal thanks the anon-
ymous reviewer(s) for their contribution to the
peer review of this work.*

Научная статья
УДК 82.091

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.57-67>

МУЗЫКА КАК ПРИЮТ И КАК НЕИСТОВАЯ СИЛА В РОМАНЕ
ПАСКАЛЯ КИНЬЯРА «ВИЛЛА АМАЛИЯ»

А.С. Кондакова¹, В.Д. Алташина²

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹Arina_kondakova@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5429-249X>

²v.altashina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8134-3923>

Аннотация. Тема музыки и образ музыканта пронизывают большую часть романного творчества Паскаля Киньяра, современного французского писателя. Цель данной статьи – детально проанализировать образный ряд, связанный с музыкой и образом музыканта в романе Паскаля Киньяра «Вилла Амалия». Музыкальный экфрасис – то есть описание музыки средствами литературы – анализируется сквозь призму философско-эстетических воззрений самого писателя. В ходе работы были выявлены конкретные образы, эксплицирующие тему музыки в романе. Образный ряд предстает амбивалентным: с одной стороны, музыка в романе ассоциируется с приютом, с другой стороны, она связана с губительной и разрушительной силой. Образный ряд, связанный с музыкой, можно поделить на две группы: к первой группе условно отнесем образ детства, лавра, эмбриона, виллы на острове – то есть всё то, что эксплицирует тему приюта, убежища, утешения. Ко второй группе образов относятся гроза, молния – они раскрывают представления Киньяра о музыке как о губительной и разрушительной силе. Помимо этого, в ходе работы выявляется первоисточник связанного с темой музыки образа приюта: психоаналитические идеи о травме рождения. Главная героиня непрестанно чувствует желание вернуться в материнское лоно, и даже плавание героини в море соотносится с нахождением в околоплодных водах. Тема музыки напрямую связана с мотивом утешения.

Ключевые слова: Киньяр; французская литература; музыкальный экфрасис; интермедальность; современная проза

Для цитирования: Кондакова А.С., Алташина В.Д. Музыка как приют и как неистовая сила в романе Паскаля Киньяра «Вилла Амалия». *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 57–67. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.57-67>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.57-67>

MUSIC AS A SHELTER AND AS A VIOLENT FORCE IN PASCAL
QUIGNARD'S NOVEL "VILLA AMALIA"

A.S. Kondakova¹, V.D. Altashina²

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹Arina_kondakova@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5429-249X>

²v.altashina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8134-3923>

Abstract. The theme of music and the image of a musician permeate most of the novels of Pascal Quignard, a modern French writer. The purpose of this article is to analyze in detail the imagery associated with music and the image of a musician in Pascal Quignard's novel «Villa Amalia». Musical ekphrasis – that is, the description of music by means of literature – is analyzed

through the prism of the philosophical and aesthetic views of the writer himself. In the course of the work, specific images were identified that explicate the theme of music in the novel. The imagery appears ambivalent: on the one hand, music in the novel is associated with shelter, on the other hand, it is associated with a destructive and devastating force. The imagery associated with music can be divided into two groups: the first group includes the image of childhood, laurel, embryo, villa on an island – that is, everything that explicates the theme of shelter, refuge, consolation. The second group of images includes a thunderstorm, lightning – they reveal Quignard's ideas about music as a destructive and devastating force. In addition, the work reveals the primary source of the image of the shelter associated with the theme of music: psychoanalytic ideas about the trauma of birth. The main character constantly feels the desire to return to the mother's womb, and even the heroine's swimming in the sea is associated with being in amniotic fluid. The theme of music is directly related to the motif of consolation.

Keywords: Quignard; French literature; musical ecphrasis; intermediality modern prose

For citation: Kondakova A.S., Altashina V.D. Music as a Shelter and as a Violent Force in Pascal Quignard's Novel "Villa Amalia". *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(1): 57–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.57-67>

В романе Киньяра «Все утра мира» (1991) пьеса главного героя, господина де Сент-Коломба, так и не утешившегося после смерти своей жены, называется «Приют горестных сожалений». Высший смысл музыки вербализован в финале данного романа — музыка нужна, «чтобы те, кто навеки утратил речь, могли омочить губы» [1, с. 101]. Итак, музыка призвана утешать — как умерших, так и живых: на страницах романов Киньяра многократно видим французский глагол *consoler* — 'утешать'. Философская экспликация слова «*consoler*» приведена в эссе «Ненависть к музыке»: Киньяр видит необъяснимую связь между ужасом и музыкой; он повествует о жизни заключённого в темницу неоплатоника Аниция Манлия Торквата Северина Бозция, разлученного со своей супругой и написавшего труд «*De consolatione philosophiae*». Киньяр, анализируя данную философскую работу, утверждает, что не было ничего для *philosophia* важнее, чем утешение души [2, с. 64] (здесь и далее переводы цитат Паскаля Киньяра представлены авторством И.Я.Волевич). Узника обезглавили, однако перед смертью ему грезилась супруга. И мы видим, как происходит некое мерцание смыслов, когда Киньяр сопрягает в одном семантическом ряду слова «консерватория» и «консолатория» [2, с. 64].

В данной работе будет проанализирован образный ряд, связанный с музыкой и образом музыканта (главной героини – Анны Хидден), в более позднем романе Киньяра – «Вилла Амалия» (2006). Мысль о музыке как утешении воплотилась и в нём — причём, сразу на нескольких уровнях. По сюжету романа Анна Хидден, музыкант, композитор, решает резко оборвать связи со всем миром – прежним домом, работой в студии, почти со всеми знакомыми. Формальным поводом тому стала измена супруга, однако жажда одиночества была в героине с самого рождения. Даже выбор автором фамилии героини предстаёт очень символичным – “hidden” (англ. 'спрятанный'). Помимо этого, героиня меняет и имя, как бы скрываясь за псевдонимом Анна, ведь настоящее имя героини, данное ей при рождении, – Элиана. В этом также прослеживается семантика укрытия. Более того, в имени Элиана словно бы «скрыто» имя Анна.

Жажда одиночества Анны нашла отражение и в характере прослушиваемой ею музыки. Так, на протяжении долгого периода в своей жизни Анна слушала музыку Генри Перселла – к музыкальной композиции "O solitude" («О, одиночество») на слова английской поэтессы XVII века Кэтрин Филипс. Тема одиночества, пронизывающая элегию и музыкальную композицию, становится неотъемлемой частью внутреннего мира Анны: она непрерывно напевает данную мелодию, возвращаясь и возвращаясь к рефрену “Oh, how I, // O, solitude adore!” [3, с. 73], и даже шагает в ритме напеваемой мелодии. Данный эпизод примечателен тем, что Киньяр создает интертекстуальную отсылку – отсылку не просто литературную, а интермедиальную, к музыкальному произведению. На актуальность изучения поликодовых произведений в современном мире указывают А.С. Фёдорова и Е.Г. Воскресенская [4, с. 94].

При создании же собственной музыки Анна также практически не ориентировалась на других людей – так что следует утверждать, что уединение было присуще не только внешнему пространству вокруг Анны, но и пространству внутри ее души: так, создав то или иное музыкальное творение, Анна не доверяла ни критикам, ни музыковедам, не читала биографии других композиторов,

переписки, некрологи [3, с. 74]. Более того – не только общение с людьми, по мнению Анны, уводило творимую музыку от главного, но даже сам музыкальный инструмент во многом препятствовал и мешал выражению сути: «Даже человеческий голос, в качестве инструмента для исполнения арий, лишает музыку смысла, уводит от неё» [3, с. 165]. Анна, таким образом, искала почти абсолютного отшельничества. Она сознательно отказывается от любого посредничества в отношении музыки, даже от посредника в виде музыкального инструмента – музыка для нее истинно создается только усилиями собственного тела и духа: «Музыка образуется во мне без помощи инструмента, <...> она звучит в замкнутой пустоте рта, во всем пространстве верхней половины тела» [3, с. 165].

Подобные слова Анны Хидден во многом согласуются с воззрениями Гегеля относительно музыкального искусства. Гегель говорит о том, что архитектура является низшим видом искусства, а поэзия и музыка – высшим: это связано с тем, что музыка – искусство нематериальное, невещественное, соответственно, музыка, оперирующая своей специфической системой образов, лучше всего отражает субъективные переживания человека [5, с. 238].

Для того, чтобы творить музыку, героиня продает свое имущество и приобретает виллу на острове Искья. Мы видим, что Киньяр во многом уподобляет жизнь Анны Хидден жизни австрийского композитора Франца Йозефа Гайдна: он проводит свою жизнь и сочиняет музыку, уединившись в большом доме в Гумпендорфе. Анна также не раз называет виллу «своим приютом, своим Гумпендорфом» [3, с. 21]. Анна стала затворницей, ведущей жизнь «в окружении трех своих фортепиано, *под защитой* трех своих фортепиано» [3, с. 18].

Однако поиск Анной приюта, поиск одиночества более глубинный, нежели просто уединение в собственной вилле. Приют предстает пространством душевным и духовным. Как пишет Даниэла Григореску, «после ухода из супружеского дома Анна Хидден втягивается в своего рода призрачное возвращение в детство» (перевод наш – А.К.) [6, с. 183]. Действительно, жизнь Анны становится вечным возвращением в детство, в чем конкретно это проявляется,

скажем далее. На наш взгляд, истоком данного желания Анны является травма рождения, лежащая в основе творчества: об этом рассуждает Отто Ранк – ученый полагает, что суть травмы рождения – это изгнание ребенка из утробы матери. В основе творчества – желание индивида вернуться в материнское лоно [7, с. 34]. Так, например, встречаясь с Жоржем Роленже спустя много лет, она просит у него тартинок с бретонским маслом (оба персонажа провели свое детство в Бретани).

Итак, встреча Анны с Жоржем Роленже является показательной: Жорж – одноклассник Анны с начальной школы; важным является то, что у них было общее детство в маленьком бретонском городе. Все их общение – это бесконечное лелеяние общих ранних лет жизни, жажда возвращения к этим истокам, бег от смерти: ведь детство – это противоположность смерти, антоним ей, нечто бесконечно далекое от нее. В древности время, по представлениям, было циклическим, соответственно, при таком воззрении на время смерть отрицалась. При этом образ детства следует понимать не только в буквальном смысле – как ранний этап человеческой жизни – но и в эпохальном: как детство самого человечества, цивилизации. Это проявляется в том, что Анна практически не сочиняла музыку заново – она создавала импровизации на тему старинных санскритских мелодий, объясняя это так: «Вот и я, в свою очередь, люблю дарить людям давно забытое» [3, с. 164]. Сама Анна сравнивает себя с пчелами, которые сначала строят восковые соты, а затем, до самой смерти, добывают мёд: «Я тоже превратилась в добытчицу мёда» [3, с. 164]. Итак, героиня Анны Хидден любила возвращать слушателей в детство цивилизации посредством своей музыки. Помимо этого, она говорила, что импровизации всегда были прибежищем и для неё самой [3, с. 57], (что тоже соотносится с приютом). В какой-то степени можно также утверждать, что музыка была пространством общения Анны с её предшественниками из прошлого. Она отказывалась от общения с людьми в настоящем, но с композиторами прошлого у неё была тесная связь: иногда она играла Крауса в той же манере, в какой, по её представлению, сам Краус играл

Глюка, играла Шоберта, как Моцарт играл Шоберта [3, с. 163]. Музыка, таким образом, становится способной преодолевать границы между разными временами, становится приютом, в котором Анна обретает единство с другими.

Общение Анны и Жоржа тоже становится своеобразным приютом для неё. Немаловажно, что болезнь Жоржа не позволяет ему быть полноценным мужчиной, поэтому и любовь их носит особый характер: они любили друг друга как «двое шестилетних детей» [3, с. 71]. Чувства Жоржа и Анны – это совместное спасение от экзистенциального ужаса жизни, от неминуемой смерти: «Любить – значит спасать от смерти» [3, с. 71], ведь их «бросили в этом гиблом, жутком мире почти одновременно» [3, с. 71]. После продажи Анной прежнего ее дома они разговаривают с Жоржем, он детально вспоминает их школьные годы и говорит Анне: «И тогда мы останемся в нашем детстве <...>» [3, с. 29].

Обратимся к другому символическому в романе образу – образу лавра. Так, наблюдение Анной за сценой измены супруга соотносится с болезненным человеческим рождением: она смотрит на общение Томаса с другой женщиной в Шуази-ле-Руа, уткнувшись лицом в листву лавра. Образ лавра повторяется многократно, а именно то, что лавр мешал ей видеть происходящее. «Нижние ветви лавра заслоняли ей обзор. А она непременно хотела как следует разглядеть лицо той женщины» [3, с. 8]. Анне было сложно разглядеть что-то сквозь листву лавра, в темноте [3, с. 8].

Лавр (как символ творчества, неизменный атрибут поэта) становится, таким образом, единственным укрытием Анны от боли и ужаса увиденного, защитной стеной, своеобразным материнским чревом, защитой от бесконечного движения в сторону смерти. Лавр, по античным повериям, спасал от удара молнии (так, например, римский император Тибериус во время раскатов грома надевал лавровый венок) [8, с. 223].

Итак, мы видим, что лавр в романе выполняет функцию укрытия, соотносимого с материнским лоном. Гай Розолато считает, что материнский голос, «первая модель слухового удовольствия», лежит в основе явлений, возникаю-

щих при прослушивании музыки. Пещера (как утроба матери, укрытие) является архетипическим воплощением «первоначальной атмосферы, которую можно назвать звуковой матрицей, шуршащим домом» [9, с. 22], поэтому даже вилла, где живет Анна, расположена в скале за стеной листвы.

Симптоматично, что и вилла Амалия, ассоциирующаяся у Анны почти что с материнским укрытием, – «надежно укрытая в скале», вилла находится у подножия горы [3, с. 37]. Помимо этого, дом был укрыт «зеленой кроной зонтичной сосны». Потребность Анны в этом доме, её особая любовь к нему – это следствие её нужды в материнском лоне. «Достаточно было защитить свое тело панцирем или стать незрячей. Найти жилище без двери, норку, чтобы затаиться» [3, с. 71].

В эссе «Ненависть к музыке» Киньяр рассуждает о материнской утробе, которая перед рождением отделяет человека от внешнего мира и служит некоей «перегородкой». И даже одежда, по его словам, служит некоей перегородкой, в том смысле, что она скрывает секс от «любопытства других» [2, с. 26].

Другим ключевым символом, выражающим стремление Анны к поиску приюта, становится эмбриональное положение героини. В тексте показано, что позднее, переживая горе и осознавая произошедшую измену, Анна не единожды сворачивается клубком – словно принимает позу эмбриона, предшествующую этому рождению: «свернулась клубочком под простынёй, молилась, как бывало в детстве» [3, с. 4], «всё воскресенье проводит, свернувшись клубочком под периной, ничего не ест» [3, с. 5].

Анне также нравилось плавать в море, напоминавшем ей о Бретани, где она выросла. Сцена её плавания в море напоминает нахождение эмбриона в околоплодных водах: «море, голубое или зеленое, скользило по ее плечам, скользило по затылку, скользило между ног, обволакивало своими течениями, увлекало своей мощью» [3, с. 87].

Важную роль в произведении играет героиня Магдалены Радницки, маленькой дочери доктора Леонарда, с которым Анна несколько месяцев живет на

вилле. Магдалена – единственный человек, ради которого Анна готова пожертвовать своим одиночеством. В какой-то степени их судьбы зеркальны: Анну начала тяготеть к музыке в том же возрасте, в котором пребывала Магдалена. И даже спустя годы после того, как Магдалена внезапно гибнет, Анна, запершись в маленькой комнате, сочиняет музыку, когда её вспоминает, и образ девочки явственно предстаёт перед нею [3, с. 163]. Музыка становится пространством, где отрицается смерть.

Как утверждает Титова Н.П., «главная героиня, по замыслу автора, – собирательный образ Творца, матери, отшельника, человека, живущего чувствами и эмоциями» [10, с. 212]. Однако, на наш взгляд, в отношении трехлетней Магдалены Радницки у неё преобладают не столько материнские чувства, сколько чувства родственного и духовного единения. Магдалена, впервые послушав исполняемую Анной музыку, испытывает тот же ужас и восторг, что испытывала Анна в детстве, слушая музыку, исполняемую её отцом и его друзьями. Между Анной и маленькой Магдаленой возникает настоящее духовное родство, поэтому после встречи с ней у Анны происходит словно второе рождение.

Однако музыка в романе прочно сопряжена не только с темой приюта и утешения, но и, на другом полюсе, – с неистовой силой сочиняемых произведений. Впервые Анна слышит музыку в детстве, её отец был музыкантом. Будучи ребёнком и услышав музыку, Анна испытала «чувство панического головокружения» [3, с. 102]. Музыка, которую слышала Анна, была всепоглощающей и головокружительной, вместе с тем она ассоциируется с ужасом: «Это походило на приступ ужаса. Когда чудится, будто вы вовлечены в бешеный водоворот эмоций, который грозит гибелью» [3, с. 102]. Чувства Анны Хидден парадоксальны. Она стремится к одиночеству, вся её жизнь представляет собой это стремление; она цитирует Кэтрин Филипс (“Oh, solitude, my sweetest choice”), но одновременно первозданный страх Анны связан с ужасом одиночества – первоначальным страхом отделения от матери, которая с самого детства была холодна к Анне и бесконечно далека от неё душевно. Музыка имеет губитель-

ную силу: «А я искренне считаю, что музыка, в первую очередь, так действует на всех маленьких детей из-за того, что они слышат еще в утробе матери, еще до своего появления на свет, – действует и губит» [3, 103]. Во взрослом возрасте создаваемая Анной музыка была «голосом боли» [3, с. 164].

Одним из существенных образов в романе является гроза. Характер сочиняемой Анной музыки, как и характер ее жизни, сам по себе напоминает грозу: исключительно импровизационный и стихийный. Так, однажды героиню внезапно одолел порыв отправиться в Милан, в дом к своему бывшему учителю, совратившего ее в детстве; героиня приезжает к нему и садится за рояль. Мастер не мог понять играемую ею музыку со всей присущей ей стихийностью: «Он ее не понимает. Не понимает, что она играет. Не понимает, что она ему говорит. И, когда рука учителя ложится ей на плечо, она вскакивает и убегает. Ибо жизнь между мужчинами и женщинами – это вечная гроза» [3, с. 73].

Анна бежит от «грозы жизни», одновременно ищет его: для обложек своих музыкальных дисков Анна выбирала фото грозовых небес; маленькая Магдалена тоже обожала грозу и считала грозу своим божеством, сама про себя Анна говорила: «Я прямо вся наэлектризована. Как шаровая молния». С грозами «с их внезапными налетами и прочими необъяснимыми сюрпризами» [3, с. 108] ассоциируется музыка Анны – исключительно импровизационная, с резкими и внезапными остановками. Внезапные остановки исполняемой Анной музыки подчас удивляли публику. Но характер ее музыки философичен: так, на острове, во время райского и идиллического пребывания там компании Анны стоит сильная жара, а внезапная смерть Магдалены предстает как гроза – жизнь и смерть сливаются, таким образом, воедино.

Итак, мы проанализировали образно-метафорический ряд, связанный с темой музыки и образом музыканта в романе «Вилла Амалия». Анна выбирает эту виллу для того, чтобы творить на ней музыку. Упомянутая нами психоаналитическая идея Отто Ранка о травме рождения также наложила отпечаток на роман Киньяра – на одном полюсе музыка становится для Анны приютом: ме-

стом одиночества, местом, соотносимым с материнской утробой. Образы, сопряжённые с музыкой-приютом, следующие: лавр, эмбрион, детство. На другом полюсе – гибельный, ужасающий характер музыки: подобно импровизациям с их резкими паузами и остановками, столь же резко герои романа встречаются со смертью и трагическими утратами. Это выражено через образы грозы, молнии.

Список литературы

1. Киньяр П. *Все утра мира*. Санкт-Петербург: Азбука-классика; 2007.
2. Киньяр П. *Ненависть к музыке: короткие трактаты*. Москва: Текст; 2021.
3. Киньяр П. *Вилла Амалия*. Москва: Текст; 2021.
4. Федорова А.С., Воскресенская Е.Г. Источники интерконтекстуальных включений в поликодовом тексте (на материале кинокомиксов). *Казанский лингвистический журнал*. 2020;2(3):93–104.
5. Гегель Г.В.Ф. *Лекции по эстетике*. Санкт-Петербург: Наука; 2007.
6. Григореску Д. Музыка как предчувствие в некоторых романах Паскаля Киньяра. Париж: *Университет Западный Париж*. 2015;3(2):183–189. (На фр.яз.)
7. Ранк О. *Травма рождения и её значение для психоанализа*. Москва: Когито-Центр; 2009.
8. Кузищин В.И. *Словарь античности*. Москва: Прогресс; 1989.
9. Розолато Г. *Отношения неизвестных*. Париж: Галлимар; 1989. (На фр.яз.)
10. Титова Н.П. Образ музыканта и музыкальный экфрасис в романе П. Киньяра «Все утра мира». *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2017;373:163–171.

References

1. Quignard P. *All the Mornings of the World*. Saint Petersburg: Azbuka-classic; 2007. (In Russ.)
2. Quignard P. *Hatred of Music: Short Treatises*. Moscow: Text; 2021. (In Russ.)
3. Quignard P. *Villa Amalia*. Moscow: Text; 2021. (In Russ.)
4. Fedorova A.S., Voskresenskaya E.G. Sources of Intercontextual Inclusions in a Polycode Text (Based on Film Comics). *Kazan Linguistic Journal*. 2020;2(3):93–104. (In Russ.)
5. Hegel G.V.F. *Lectures on Aesthetics*. Saint Petersburg: Nauka; 2007. (In Russ.)
6. Grigorescu D. Music as a Premonition in Some Novels by Pascal Quignard. Paris: *Université Paris Ouest*. 2015;3(2):183–189. (In French.)
7. Rank O. *The Trauma of Birth and Its Importance for Psychoanalysis*. Moscow: Cogito-Center; 2009. (In Russ.)
8. Kuzishchin V.I. *Dictionary of Antiquity*. Moscow: Progress; 1989. (In Russ.)
9. Rosolato G. *Relationships of the Unknown*. Paris: Gallimard; 1989. (In French.)
10. Titova N.P. The Image of a Musician and Musical Ekphrasis in P. Quignard's Novel "All the Mornings of the World". *Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin*. 2017; 373:163–171.

Авторы публикации

Кондакова Арина Сергеевна –

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Email: arina_kondakova@bk.ru

<https://orcid.org/0009-0000-5429-249X>

Алташина Вероника Дмитриевна –

профессор кафедры истории зарубежных литератур

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Email: v.altashina@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8134-3923>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 19.01.2025

Одобрена после рецензирования: 30.01.2025

Принята к публикации: 10.02.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Kondakova Arina Sergeevna–

PhD student

Saint Petersburg state university

Saint Petersburg, Russia

Email: arina_kondakova@bk.ru

<https://orcid.org/0009-0000-5429-249X>

Altashina Veronika Dmitrievna –

Professor of the Department of History of Foreign Literatures

Saint Petersburg state university

Saint Petersburg, Russia

Email: v.altashina@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8134-3923>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 19.01.2025

Approved after peer reviewing: 30.01.2025

Accepted for publication: 10.02.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН PHILOLOGY. LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Научная статья
УДК 811.1/9

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.68-77>

ОСОБЕННОСТИ ЧЛЕНЕНИЯ АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ

А.С. Дедюхина

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
a.s.dediukhina@urfu.ru <https://orcid.org/0000-0003-0353-377X>

Аннотация. Наш восприятие мира – это обработка мультимодальных сенсорных потоков. В статье рассматриваются критерии выделения целого на фоне, критерии деления целого на части, расположение частей внутри целого, состав целого и взаимодействие функций с внешним видом целого. Изучаются различные конфигурации целого. Целое делится на части перцептивно и функционально. Каждая часть имеет собственную конфигурацию и служит для выполнения определённой функции. Утверждается, что целостность и узнаваемость частей важна для распознавания объектов. В качестве целого изучается опыт и различные виды деятельности человека. Показано, что сегментация нашего опыта связана с нашими видами деятельности и событиями. Событие – это изменение интенсивности физической активности с течением времени. События характеризуются как достижения или свершения, они связаны и с результатами, и с процессами. Предполагается, что распознавание сцены происходит через объекты, которые участвуют в сцене, а отделение одного события от другого происходит через смену объектов, необходимых для выполнения того или иного вида деятельности. В ходе осмысления и вербализации сенсорного опыта выявлено, что для выполнения всех видов деятельности необходимо целеполагание, движение тела человека и объекты взаимодействия.

Ключевые слова: часть-целое; сенсорный опыт; членение; перцепция

Для цитирования: Дедюхина А.С. Особенности членения абстрактных понятий. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 68–77. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.68-77>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.68-77>

FEATURES OF ABSTRACT CONCEPTS DISMEMBERING

A.S. Dediukhina

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
a.s.dediukhina@urfu.ru <https://orcid.org/0000-0003-0353-377X>

Abstract. Our perception of the world is the processing of multimodal sensory streams. The article considers the criteria for distinguishing the whole from its background, the criteria for dividing the whole into parts, the arrangement of parts within the whole, the composition of the whole and the interaction of functions with the appearance of the whole. Different configurations of the whole are explored. The whole is divided into parts perceptually and functionally. Each part has its own configuration and serves to fulfil a particular function. It is argued that the integrity and recognisability of parts is important for recognising objects. Experience and various human activities are studied as the whole. It is shown that the segmentation of our experiences is related to our activities and events. An event is a change in the intensity of physical activity over time. Events are characterised as accomplishments. They are associated with both outcomes and processes. The

segmentation of our experiences has been shown to be related to our types of activities and events. It is assumed that scene recognition occurs through the objects that participate in the scene. Moreover, the events separation occurs through the change of objects required to perform a particular type of activity. Experience and various types of human activities are studied. In the course of comprehension and verbalisation of sensory experience it is revealed that all activities require goal-setting, human body movements and objects of interaction.

Keywords: part-whole; sensory experience; membership; perception

For citation: Dediukhina A.S. Features of Abstract Concepts Dismembering. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(1): 68–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.68-77>

Один из способов изучать тело человека – это рассматривать его как набор активных сенсоров, непрерывно реагирующих на свет, звук, запах, прикосновение, тепло и другие раздражители из окружающего мира. Ещё больше «датчиков» находится внутри тела, которые улавливают информацию от собственных внутренних движений и процессов. Осмысление повседневных действий и впечатлений требует обрабатывания этой информации и придания ей смысла. Несмотря на постоянный поток новой информации, поступающий в наши органы чувств, наш мир всегда стабильный. На основе обработанной информации воспринимаются не просто отдельные структуры, а конкретные объекты и организмы, каждый из которых имеет свою форму, размер и составные части. Ощущения непрерывны и изменчивы, а впечатления дискретны и постоянны. «Человеческий язык является эффективным средством противостояния сенсорному хаосу, который постоянно атакует нас; именно язык обеспечивает номинацию ментальных репрезентаций сенсорного опыта и, таким образом, «объективизирует» индивидуальные впечатления, обеспечивая описание мира и коммуникацию» [1, с. 78].

Почему разум раскладывает всё на части – это вопрос, ответ на который можно частично найти на когнитивном уровне. «Познавая мир и сталкиваясь с разнообразием вещей, событий и их возможных характеристик, человек группирует их по сходству друг с другом и по их отличиям от других объектов в определенные категории» [2, с. 197]. Такие категории полезны не только для понимания происходящего, но и для предсказания дальнейших действий. Этот аргумент был убедительно доказан в отношении объектов [3; 4]. Как мы уви-

дим, такие базовые объекты, как столы, собаки и скрипки, легко определить по их форме, поведению и функциях. Это соответствие между внешним видом вещей и их поведением или функциями даёт людям возможность усвоить информацию, необходимую для организации и выстраивания собственного поведения. В конечном счёте связь между воспринимаемыми и обрабатываемыми характеристиками и функциями или поведением делает мир более понятным и предсказуемым. Один из вопросов, на который необходимо ответить – как наш мозг членит наш опыт.

Для того, чтобы осознать, как наше сознание членит наш опыт сформулируем на пять вопросов:

1. Целое: как целые различимы на фоне?
2. Части: согласно каким критериям, целое делится на части?
3. Конфигурация целого: как расположены части внутри целого?
4. Состав: каждое ли целое имеет набор частей, которые могут быть частями других целых.
5. От восприятия к функции: существуют ли отношения между восприятием и внешним видом целого, с одной стороны, и поведением, и функцией – с другой?

Перейдём к ответам на поставленные вопросы:

1. Целое: как целые различимы на фоне?

Размышления о восприятии действительности приводят нас к первому вопросу об объектах, вечному вопросу, который продолжает волновать исследователей не одно поколение: как объекты отделяются от сцены, то есть, так же как фигуры от фона? Другими словами, что делает объект гармоничным целым? Чтобы ответить на этот вопрос, гештальт-психологи предложили принципы организации восприятия, согласно которым цельные объекты чаще всего имеют замкнутые, сплошные, выпуклые границы; эти объекты имеют такие части, которые движутся вместе [5; 6; 7]. Границы, если они имеются, являются ключом к целостности объекта: контуры, которые являются непрерывными и

замкнутые, особенно при движении, предполагают, что то, что содержится внутри этих границ имеет отдельное существование от фона. Это не значит, что существуют исчерпывающие критерии для выделения объекта на фоне; есть пограничные случаи, которые неоднозначны в контексте. Они могут быть неординарными, уникальными и затрудняющими выделение целого объекта на фоне. Несмотря на некоторые трудности, многие обычные объекты можно распознать по их границам, особенно в самом широком и простом понимании [8; 3]. Объект различим на фоне благодаря наличию границ.

2. Части: согласно каким критериям, целое делится на части?

Вычленение объектов на фоне приводит к следующему вопросу: как разделены объекты на части? Существует множество способов разделить объект на части: объект можно разделить на то, из чего он сделан; он может быть разделён пространственно: на переднюю, заднюю, верхнюю и нижнюю части; он может быть разделён на части, на которые он разбивается при падении. Есть универсальные, составные или неотъемлемые части, те виды частей, которые люди называют, когда их просят назвать части объекта, скажем, тела (голова, туловище, руки, ноги и пр.) или автомобиля (бампер, крышу, багажник, колёса и пр.). А есть части, не доступные для непосредственного восприятия, внутренние части, такие как сердце, лёгкие, пищеварительный тракт и др. у человека; карбюратор, колодки ручника, тормозной диск и др. у автомобиля.

Оригинальный подход к разделению объектов на части предлагают Бидерман с коллегами. Их теория «распознавания объектов по компонентам» состоит в том, что зрительная система тонко реагирует на многообразные свойства контуров объектов, таких как линии с различным направлением, параллельные линии, вершины, выпуклые кривые и многое другое [9; 10]. Эти и другие атрибуты имеют второстепенные свойства, поскольку они, скорее всего, обусловлены устойчивыми особенностями объектов, а не текущими случайностями. Группы таких атрибутов активируют **геоны**, обобщённые конусы, которые образуют такие формы, как цилиндры, блоки, клинья и конусы.

3. Конфигурация целого: как расположены части внутри целого?

В рамках данного раздела статьи необходимо рассмотреть вопрос перехода от перцептивных частей к функциональным. И. Бидерман описывает геоны следующим образом: особые характеристики геонов – размер и форма – зависят, больше от общих, чем от частных особенностей объектов. Части, которые различаются перцептивно, также имеют различные функции: люди держат рукоятку ножа и режут лезвием; люди дуют в мундштук кларнета, открывают и закрывают отверстия своими пальцами. Ножки стула, ноги человека или брючины брюк имеют функции отличные от функций сиденья стула, рук человека или пояса брюк. В некоторых случаях внешний вид деталей позволяет определить их функции. Например, длинные, тонкие части, скорее всего, пригодятся для того, чтобы дотягиваться, а горизонтальные части определенного размера и высоты, скорее всего, для того чтобы положить объект на поверхность или присесть самому человеку. Сами названия этих частей объектов предлагают связь восприятия и функции: сидение, колено, рука являются внешними частями, их видно, а также они выполняют определённую функцию. Однако, части, выполняющие одну и ту же функцию, могут быть не похожи друг на друга: ср. сиденье велосипеда и сиденье кресла, копыто лошади и клешня краба.

4. Состав: каждое ли целое имеет набор частей, которые могут быть частями других целых.

Сцены – это контексты для объектов, основания, на которых выделяются объекты. Они также являются контекстами для событий. Сцены обычно окружают нас, включают нас в себя. Возможно, по этой причине, проблема различения сцены и ее фона не занимала психологов. Фон должен был бы быть еще большим контекстом, охватывающим больше одной сцены. Распознавание сцены происходит мгновенно, а проблема различения череды событий волнует психологов долгие годы. В отличие от объектов, сцены не имеют формы. В таком случае как же их различать и распознавать? Как можно быстро распознать сцену?

Рассмотрим виды досуга на свежем воздухе и в помещении. Досуг на свежем воздухе можно проводить в лесу, на пляже, в городе, а досуг в помещениях – в школе, ресторане и магазине. Как же можно распознать сцену по её частям? Перечислим основные составляющие части досуга в лесу – деревья, грибы, ягоды, на пляже – песок, вода, галька, в городе – парки, здания, дороги, в помещениях: школа – парты, доска, для магазина – продукты, прилавки, тележки, для ресторана – посуда, еда, мебель. Люди взаимодействуют с этими объектами (частями) сцены: загорают на пляже, осматривают достопримечательности в городе, сидят за партами и пр. Сами сцены не имеют формы, форму имеют объекты манипуляции. Всё это приводит к пониманию, что все знания о мире хранятся в нашем сознании в категориальной форме и все входящие в картину мира объекты категоризованы, в частности языковые явления [11; 12].

5. От восприятия к функции: существуют ли отношения между восприятием и внешним видом, с одной стороны, и поведением и функцией, с другой?

Наша жизнь – это череда событий, от обыденных, например, поход в кино, до редких (например, свадьба). Один из способов рассмотрения событий – это рассматривать их как отрезки времени, аналогичные объектам как сегментам пространства. Известно, что объекты помимо пространственных характеристик имеют и временные – здания строятся, перестраиваются, разрушаются, реконструируются. Точно так же события не являются отрезками времени; они существуют во времени, а также в пространстве; события также могут изменять свои пространственно-временные позиции. Свадьба, собрание или парад могут быть проходить во многих местах и в разное время. События противопоставляются видам деятельности; бег – это деятельность, а бег наперегонки – событие. События характеризуются как достижения или свершения, они связаны и с результатами, и с процессами. В одной сцене может быть много объектов, и в одной сцене может происходить много событий. Представьте родителя, который после работы готовит ужин, одновременно следит за малышом, отвечает на те-

лефонные звонки, накрывает на стол и беседует с супругом о событиях прошедшего дня.

Есть ли у событий границы, как у предметов? Или события похожи на сцены без чётких форм? Для описания объектов контуром служит одномерное описание, оно является границей между объектом и окружающим миром, но для наблюдателей эта граница существует только с определенной точки зрения. Событие – это изменение интенсивности физической активности с течением времени. По аналогии с объектом «контур» деятельности можно рассматривать как «границу» между активностью интересующего события и фоновой активностью. Переход от одного вида деятельности к другому служит сигналом воспринимать каждый вид деятельности как объект. Почему это может произойти? Сегменты событий соответствуют выполнению целей и подцелей [13].

В данном контексте рассуждений необходимо упомянуть феноменологию, эвристическая ценность которой при исследовании телесных феноменов центральное место в системе человеческого опыта отводит *живому* телу [14, с. 87]. Живое тело, в противоположность «мыслимому бытию» [14, с. 87], не постигается посредством рефлексии; оно не познаётся, а переживается [15, с. 344]. Такой подход позволяет объяснить и легитимировать индивидуальные различия в осмыслении и вербализации сенсорного опыта. Существует вид деятельности, где не нужно никакое движение тела – медитация. Медитация – это состояние расслабленной сосредоточенности, то есть, ни физические движения, ни манипуляции с объектами недостаточны для сегментации времени.

В таком случае рассмотрения вот такого действия без действия необходимо ответить на вопрос: для чего совершается то или иное действие с объектами конкретно в конкретно этой обстановке? Ответ: для выполнения определенной задачи: на пляже – загорать, в школе – учиться, в городе – осмотреть достопримечательности. Даже медитация – это тоже вид деятельности, направленный на достижение духовного прозрения. Почти на каждом этапе есть определенная цель и достижение этой цели. Именно это является ещё одним крите-

рием для вычленения события или череда событий – как последовательности достижений. Цель – важнейшая категория в жизни человека. Еще древние говорили: «Для корабля без цели не бывает попутного ветра». «На самом деле все, что делает человек (даже бесцельно бродя по улице), является следствием поставленной цели» [16, с. 8]. Для выполнения всех видов деятельности необходимо целеполагание, движение тела человека и объекты для выполнения деятельности [17; 18; 19; 20; 21; 22]. Все эти действия необходимы человеку для совершенствования видов деятельности и для предсказания последующих действий. «Человек обладает способностью к аналогии, поиску сходства, а значит, к объединению индивидуальных черт и феноменов в классы, что даёт возможность построения гипотез об устройстве мира» [1, с. 79].

Список литературы

1. Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: мозг, язык и сознание. Москва: Издательство АСТ; 2022. 496 с.
2. Болдырев Н. Н. *Язык и система знаний. Когнитивная теория языка*. М.: Издательский дом ЯСК; 2018. 480 с.
3. Rosch E. Principles of categorization. In E. Rosch & B. Lloyd (Eds.). *Cognition and categorization*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates; 1978. pp. 27–48.
4. Tversky B., & Hemenway K. Objects, parts, and categories. *Journal of Experimental Psychology*. General. 1984;113:169–193.
5. Hochberg J. *Perception*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall; 1978. 256 p.
6. Peterson M. A. Shape recognition can and does occur before figureground organization. *Current Directions in Psychological Science*. 1994;3:105–111.
7. Spelke E. S., Gutheil G., & Van der Valde G. *The development of object perception*. In D. Osherson (Ed.). *An invitation to cognitive science*. Cambridge, MA: MIT Press; 1995. 2:297–330.
8. Newtson D., & Engquist G. The perceptual organization of ongoing behavior. *Journal of Experimental Social Psychology*. 1976;12:436–450.
9. Biederman I. Recognition-by-components: A theory of human image understanding. *Psychological Review*. 1987;94:115–117.
10. Hummel J. E., & Biederman I. Binding in a neural network for shape recognition. *Psychological Review*. 1992;99:480–517.
11. Фаткуллина Ф.Г. О категориальном значении имени существительного. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(3):394–404.
12. Панченко Н.Н., Уваров А.А. Категория авторитетности как идентификатор эгоцентризма. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(2):252–261.
13. Zacks J., Tversky B., & Iyer G. Perceiving, remembering, and communicating structure in events. *Journal of Experimental Psychology*: General. 2001;130:29–58.
14. Мерло-Понти М. *Феноменология восприятия*. СПб.: Ювента: Наука; 1999. 606 с.
15. Сартр Ж.П. *Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии*. М.: Изд-во АСТ: Астрель; 2011. 925 с.
16. Качала В.В. *Теория систем и системный анализ: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования*. М.: Издательский центр «Академия»; 2013. 272 с.

17. Epstein R., & Kanwisher N. *A cortical representation of the local visual environment*. *Nature*; 1998. pp. 599–601.
18. Henderson J. M., & Hollingworth A. High-level scene perception. *Annual Review of Psychology*. 1999;50:243–327.
19. Newton D. Attribution and the unit of perception of ongoing behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973;28:28–38.
20. Zacks J. M., & Tversky B. Event structure in perception and conception. *Psychological Bulletin*. 2001;127:3–21.
21. Tversky B., Zacks J. M., & Hard B. Understanding events. *The Structure of Experience*. 2008;436–464.

References

1. Chernigovskaya T.V. *Cheshire Smile of Schrödinger's Cat: Brain, Language and Consciousness*. Moscow: AST Publishing House; 2022. 496 p. (In Russ.)
2. Boldyrev N. N. *Language and the system of knowledge. Cognitive theory of language*. Moscow: YASK Publishing House; 2018. 480 p. (In Russ.)
3. Rosch E. Principles of categorization. In E. Rosch & B. Lloyd (Eds.). *Cognition and categorization*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates; 1978. pp. 27–48.
4. Tversky B., & Hemenway K. Objects, parts, and categories. *Journal of Experimental Psychology. General*. 1984;113:169–193.
5. Hochberg J. *Perception*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall; 1978. 256 p.
6. Peterson M. A. Shape recognition can and does occur before figureground organization. *Current Directions in Psychological Science*. 1994;3:105–111.
7. Spelke E. S., Gutheil G., & Van der Valle G. The development of object perception. In D. Osherson (Ed.). *An invitation to cognitive science*. Cambridge, MA: MIT Press; 1995. 2:297–330.
8. Newton D., & Engquist G. The perceptual organization of ongoing behavior. *Journal of Experimental Social Psychology*. 1976;12:436–450.
9. Biederman I. Recognition-by-components: A theory of human image understanding. *Psychological Review*. 1987;94:115–117.
10. Hummel J. E., & Biederman I. Binding in a neural network for shape recognition. *Psychological Review*. 1992;99:480–517.
11. Fatkullina F.G. On the Categorical Meaning of the Noun. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(3):394–404
12. Panchenko N.N., Uvarov A.A. The Category of Authority as an Identifier of Egocentrism. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(2):252–261
13. Zacks J., Tversky B., & Iyer G. Perceiving, remembering, and communicating structure in events. *Journal of Experimental Psychology: General*. 2001;130:29–58.
14. Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception*. SPb.: Juventa: Nauka; 1999. 606 p. (In Russ.)
15. Sartre J.P. *Being and Nothingness: Experience of Phenomenological Ontology*. Moscow: AST: Astrel; 2011. 925 p. (In Russ.)
16. Kachala V. V. *Systems theory and systems analysis: textbook for students of institutions of higher vocational education*. Moscow: Publishing Centre 'Academy'; 2013. 272 p. (In Russ.)
17. Epstein R., & Kanwisher N. *A cortical representation of the local visual environment*. *Nature*; 1998. pp. 599–601.
18. Henderson J. M., & Hollingworth A. High-level scene perception. *Annual Review of Psychology*. 1999;50:243–327.
19. Newton D. Attribution and the unit of perception of ongoing behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973;28:28–38.

20. Zacks J. M., & Tversky B. Event structure in perception and conception. *Psychological Bulletin*. 2001;127:3–21.
21. Tversky B., Zacks J. M., & Hard B. Understanding events. *The Structure of Experience*. 2008;436–464.

Автор публикации

Дедюхина Анна Сергеевна –
Кандидат филологических наук, доцент
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
Email: a.s.dediukhina@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0353-377X>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13.01.2025
Одобрена после рецензирования: 20.02.2025
Принята к публикации: 25.02.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Dediukhina Anna Sergeevna –
Candidate of Philology, Associate professor
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia
Email: a.s.dediukhina@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0353-377X>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 13.01.2025
Approved after peer reviewing: 20.02.2025
Accepted for publication: 25.02.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**КОГНИТИВНО-ПРОПОЗИЦИОННАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА
WAR В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ**

С.М. Магомедова

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия
saidat.m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3284-1771>

Аннотация. Данная статья посвящена изучению концепта WAR в англоязычном художественном дискурсе, в частности в романе Халед Хоссейни *The Kite Runner*, в основе которого лежат мотивы реальных событий, происходящих во время гражданской войны в Афганистане. Данный концепт представляется в виде поля, имеющего сложную структуру: ядерная лексема *war* вместе с соответствующими синонимами (*battle, fighting, struggle, combat*) представляют ядерные и околоядерные зоны концепта; периферийные зоны концепта, репрезентированы следующими единицами: ближняя периферия – *soldiers, armed men, army, warrior, warlord, destroy, rocket, damage, bomb, rubble, ruins, persecute, quel, oppress*; дальняя периферия (национально-специфические лексеммы) – *Afghans, Taliban, Talib, Mujahedin, Soviet, Alliance, Hazara(s), Shi'a, Sunni, Pashtun, kite fighting*. Понятийное содержание концепта WAR в анализируемом романе также представлено большим количеством именных, глагольных и адъективных сочетаний: *a cloud of dust, a haze of dust, Mujahedin forces, the roar of the cannon, refugee camps, a relic of two wars, the wires in one's jaws, be half-buried in rubble, to make one's eyes water* и т.д.

Ключевые слова: концепт; ядро концепта; периферия концепта; национальная специфика мышления; английский язык

Для цитирования: Магомедова С.М. Когнитивно-пропозиционная структура концепта WAR в англоязычном художественном дискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 78–87. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.78-87>
Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.78-87>

**THE COGNITIVE-PROPOSITIONAL STRUCTURE OF
THE CONCEPT OF WAR IN ENGLISH ARTISTIC DISCOURSE**

S.M. Magomedova

Dagestan State University, Makhachkala, Russia
saidat.m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3284-1771>

Abstract. This article is devoted to the study of the concept of WAR in English-language artistic discourse, in particular in Khaled Hosseini's novel *The Kite Runner*, which is based on the motives of real events taking place during the civil war in Afghanistan. This concept is presented in the form of a field with a complex structure: the nuclear lexeme *war*, together with the corresponding synonyms (*battle, fighting, struggle, combat*) represent the nuclear and near-nuclear zones of the concept; the peripheral zones of the concept are represented by the following units: the near periphery – *soldiers, armed men, army, warrior, warlord, destroy, rocket, damage, bomb, rubble, ruins, pursue, quel, oppress*; the far periphery (nationally specific tokens) – *Afghans, Taliban, Talib, Mujahedin, Soviet, Alliance, Hazara(s), Shi'a, Sunni, Pashtun, kite fighting*. The conceptual content

of the concept of WAR in the analyzed novel is also represented by a large number of nominal, verbal and adjectival combinations: *a cloud of dust, a haze of dust, Mujahedin forces, the roar of the cannon, refugee camps, a relic of two wars, the wires in one's jaws, be half-buried in rubble, to make one's eyes water*, etc.

Keywords: concept; core of the concept; periphery of the concept; national specifics of thinking; English

For citation: Magomedova S.M. The Cognitive-propositional Structure of the Concept of WAR in English-language Artistic Discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(1): 78–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.78-87>

Война представляет собой базовый концепт универсальной картины мира, так как тема конфликтов и противостояний занимает важное место в жизни общества, отражая историю человечества как историю войн. Феномен «война» является объектом исследований разных наук, таких как социология, политология, философия, история и т.д. Однако, именно лингвистические исследования концепта ВОЙНА позволяют раскрыть все многообразие языковых репрезентаций данного явления в культурно детерминированном аспекте.

Концепт WAR не раз привлекал внимание лингвистов [1; 2; 3 и др.], которые раскрывали его репрезентации как в одноязычном материале исследования, так и в сопоставительном аспекте, выявляя существенные для той или иной лингвокультурной общности дифференциальные признаки [4, с. 84].

В данной статье мы придерживаемся определения лингвокультурного подхода к определению концепта как единицы коллективного сознания, отраженной в языке и обладающей этнокультурной спецификой [5, с. 115]. Что касается изучения концепта в художественном тексте, то в этой связи универсальные и национальные концепты преломляются через мировоззрение писателя и его восприятие окружающих реалий. Соответственно, важность исследования концептов не вызывает сомнения в связи, так как в них отражаются релевантные для той или иной культуры единицы этноментальности [6, 7].

Основными методами исследования в статье послужили описательный метод, компонентный метод, метод концептуального анализа, интерпретационный метод, а также прием сплошной выборки.

В работе предпринята попытка рассмотреть художественный концепта

WAR в романе Х. Хоссейни *The Kite Runner* [8], который чаще всего представлен абстрактным именем *war*.

Проанализируем словарные дефиниции ключевой единицы-репрезентатора концепта *war*, данные в лексикографических словарях: *Merriam-Webster Dictionary*, *Oxford Advanced Learner's English Dictionary*, *Collins English Dictionary*, *Roget's Thesaurus of English words and phrases*.

В толковом словаре “Merriam-Webster Dictionary” находим следующие определения прототипичной лексемы ***war***:

- 1) a state of usually open and declared armed conflict between states or nations (межгосударственный и межэтнический вооруженный конфликт);
- 2) a period of such armed conflict (временной отрезок, в течение которого проходит конфликт);
- 3) the art or science of warfare (искусство военного дела);
- 4) weapons and equipment (оружие войны);
- 5) soldiers (вооруженные солдаты);
- 6) a state of hostility (состояние вражды) и др. [9].

Схожие определения отражены в “Cambridge Online Dictionary”, который помимо вышеперечисленных дефиниций *war* дает следующие:

- 1) ситуация, в которой две или более группы пытаются добиться большего успеха, чем друг у друга;
- 2) ситуация, в которой предприятия, страны и т.д. сильно конкурируют друг с другом;
- 3) попытка остановить что-то плохое [10].

Словарь “Oxford Advanced Learner's English Dictionary” демонстрирует схожие определения, связанные с конфликтом, противостоянием и агрессивной борьбой между странами и людьми, но тем не менее вслед за «Cambridge Online Dictionary» раскрывает также ее и в позитивном ключе, как кампания против нежелательных и губительных преступных действий (*a fight or an effort over a long period of time to get rid of or stop something unpleasant (as fighting the war on*

terrorism, a war against drug abuse, etc.) [11].

Значение *war*, не связанное с открытыми враждебными столкновениями, также находим в “Collins English Dictionary”: *intense economic competition between countries or organizations* [12].

В лексико-семантическое поле концепта *WAR* включаются также следующие синонимы: *armed conflict battle, bloodshed, cold war, combat, conflict, contention, contest, enmity, fighting, hostilities, hostility, police action, strife, strike, struggle, warfare* [13; 9].

Следовательно, в понятие *war* входят признаки «вооруженный конфликт», «противостояние», «конкуренция», «социальное движение», «враждебность», «гонка вооружений» и т.д.

Рассмотрим художественный концепт *WAR* в романе Х. Хоссейни *The Kite Runner* и выявим его понятийное составляющее.

В ходе работы нами были проанализированы 207 микроконтекстов, отобранные приемом сплошной выборки из англоязычного романа Халеда Хоссейни *The Kite Runner*. При рассмотрении концепта *WAR* мы выяснили, что самой прототипичной лексемой в данном концепте является ядерная лексема *war*, которая в свою очередь, оказалась и самой частотной – 20 словоупотреблений:

Twenty years earlier, I had seen some of the first war with my own eyes (p. 231).

В ядерную зону концепта вошли помимо лексемы *war* также существительные, в значениях которых вербализуется общая с именем концепта сема «противостояние/ борьба»: *battle* (11), *fighting* (15), *struggle* (6), *combat* (1):

I felt like a soldier trying to sleep in the trenches the night before a major battle (p. 54).

В романе можно выделить такие темы, как терроризм, национализм, а также особую роль играет и священная война мусульман против неверных – джихад (*the jihad*). Стоит подчеркнуть, что в романе повествуется о гражданской войне в Афганистане, во время которой Кабул был поделен на части, управляемые разными силовыми структурами (*different factions claimed different*

parts of Kabul), не позволяющими мирным жителям свободный доступ из одной части города в другую без риска для жизни. В этой связи джихад, направленный на терроризирование ничем не повинных местных жителей, не оправдан и подвергается критике самим же автором Х. Хосейни.

Примечателен тот факт, что лексема *fighting* с дифференцирующим признаком «вооруженное столкновение» в романе встречалось лишь в четырех случаях из 15 словоупотреблений, в то время как большая часть примеров с данной лексической единицей репрезентировала сему «игра/соревнование», отраженная в самом названии романа:

The kite-fighting tournament was an old winter tradition in Afghanistan (p. 22).

Запуск воздушных змеев, популярный во многих странах, в Афганистане превратился в жаркое соревнование, порой беспощадное к участникам, сравниваемое с войной:

In Kabul, fighting kites was a little like going to war (p. 24).

Следовательно, понятие *kite fighting* не входит в ядерную зону изучаемого концепта, а представляет периферию.

В периферии концепта можно выделить также лексемы с дифференцирующим признаком «участник конфликта/ войны», которые репрезентируют:

- не только универсальные понятия, как *soldiers* (28 словоупотреблений), *armed men* (5 словоупотреблений), *army* (5 словоупотреблений), *warrior* (6 словоупотреблений), *warlord* (1 словоупотребление):

But his favorite story, and mine, was the tale of the great warrior Rostam (p. 25).

- но и национально-специфические лексемы, отражающие афганскую историческую картину мира: *Afghans* (36), *Taliban* (34), *Talib* (31), *Mujahedin* (3), *Soviet* (5), *Alliance* (4):

The Alliance did more damage to Kabul than the Shorawi (p. 38).

В структуру периферийного поля концепта WAR также входит лексика, относящаяся к разрушительным последствиям войны: *destroy* (9), *rocket* (5), *damage* (4), *bomb* (3), *ruins* (2) и др.:

A rocket destroyed a whole section of that wall in the middle of the night early that fall (p. 54).

В рамках концепта WAR также реализуется сема «национализм» и «терроризм», представленная в следующих лексемах: *persecute, quel, oppress, Hazara(s), Shi'a, Sunni, Pashtun* и др.:

*...the Pashtuns had “**quelled** them with unspeakable violence”* (p. 34).

Пренебрежительное отношение к лицам хазарейской национальности, как объясняется в романе, существовало испокон веков, что отражалось в учебниках по афганской истории:

*In it (Hazara history), I read that my people, the Pashtuns, had **persecuted** and **oppressed** the Hazaras* (p. 43).

Угнетение и геноцид хазарейцев достигал невиданной жестокости, совершаемой отчасти на почве религиозных различий между суннитами и шиитами:

*I had read about **the Hazara massacre** in Mazar-i-Sharif in the papers.*

Тему национализма Х. Хоссейни затрагивает в романе с целью подчеркнуть сильное влияние бытующих в афганском обществе предвзятых стереотипов о национальности хазарейцев, существующих и в современность автора, вопреки чему сам главный герой Амир, несмотря на его «высокий социальный статус пуштуна», дружил с хазарейцем:

*In the end, I was **a Pashtun** and he was **a Hazara**, I was **Sunni** and he was **Shi'a**, and nothing was ever going to change that.*

Однако, влияние общественного мнения ощущал и сам Амир, который не мог противостоять сложившимся в обществе предрассудкам:

*What does he know, that **illiterate Hazara**? He'll never be anything **but a cook**. How dare he criticize you?* (p. 49).

Сема «терроризм» и «экстремизм» ярче всего проявляется в романе при описании прихода к власти талибов, которых вначале мирные афганцы встретили как героев, принесших мир и покой в их страну:

*So when the **Taliban came** ... ” “They were **heroes**,” Rahim Khan said. “Peace*

at last.”

Но безоблачное счастье длилось недолго, так как талибы показали свое истинное лицо, начиная с запретов, жестоких наказаний и даже убийств:

*A few weeks later, the Taliban **banned kite fighting**. And two years later, in 1998, they **massacred** the Hazaras in Mazar-i-Sharif.*

В рамках концепта WAR также были выявлены лексические единицы, представляющие категорию «средства войны», которые отражают национальную специфику афганской военной кампании: *Kalashnikov, helicopter gunfire, the land mine, machine gun, stainless-steel brass knuckles* и т.д.

*Suddenly ... he walked up to me and struck me on the forehead with the butt of his **Kalashnikov*** (p. 78).

Внезапный и неожиданный характер войны в романе отражается следующими лексическими единицами: *to break out, suddenly, overnight, sudden* и т.д. Например:

*Fights **broke out*** (p. 62).

Таким образом, в когнитивно-пропозиционную структуру художественного концепта WAR в романе Х. Хоссейни *The Kite Runner* включаются как ядерная зона, вербализованная ключевой лексемой *war*, окооядерная зона, представленная синонимическим рядом *battle, fighting, struggle, combat*, так и периферийные зоны, репрезентированные следующими единицами: ближняя периферия – *soldiers, armed men, army, warrior, warlord, destroy, rocket, damage, bomb, rubble, ruins, persecute, quel, oppress*; дальняя периферия – *Afghans, Taliban, Talib, Mujahedin, Soviet, Alliance,, Hazara (s), Shi'a, Sunni, Pashtun, kite fighting*.

В ядерную и окооядерную зоны мы включили лексические единицы, представляющие наиболее прототипичные признаки концепта, наиболее универсальные для всех культур, а в ближнюю периферию отнесли лексемы, обозначающие не столько войну в ее словарном значении, сколько сопутствующие обстоятельства, связанные с ней. А дальняя периферия включала слова, отра-

жающие национально-культурную специфику афганской картины мира.

Понятийное содержание концепта WAR в анализируемом романе также представлено большим количеством именных и глагольных сочетаний. Все отобранные приемом сплошной/выборки словосочетания были разделены на три группы:

1) **существительное + существительное:** *a cloud of dust, a haze of dust, Mujahedin forces, the roar of the cannon, refugee camps, a relic of two wars, a charity home for children, barefoot children, the street fights, the wires in one's jaws* и др.

2) **глагольные сочетания:** глагол+существительное, **фразовый глагол**, глагол+прилагательное: *be half-buried in rubble, to make one's eyes water, to turn into a giant sand castle, pierce with, to shower smth with rockets, to shuttle people, to be gone to rust, to plunge over the mountainside, to lose one's father in the war, to die of exposure, to lose one's childhood, to feed one's kids, to join the jihad, to eat locust to survive, to be stranded without food, to give a flogging* и т.д.;

3) **прилагательное+существительное:** *a windowless building, shelled buildings, abandoned homes, the cratered streets, barracks-style building, a bullet-scarred building, random violence, unadulterated, naked fear, a ramshackle building, bullet-pocked sign, a stupefied expression, a mangled hand, mud-hut villages, a tortured soul, true redemption, the military barracks* и т.д.

Самой многочисленной группой словосочетаний выступают глагольные сочетания, выражающие действия и состояния, в то время как именные сочетания используются автором для характеристики последствий и жертв военных конфликтов.

Таким образом, концепт WAR представляется в виде сложной и многогранной структуры, которая представлена понятиями, непосредственно ассоциируемыми с войной: конфликт, борьба, противостояние; военные действия; война и ее виды; вооружение; участники войны; последствия войны и т.д.

Список литературы

1. Венедиктова Л.Н. *Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков)*: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень; 2004.

2. Грачев С.И. *Контртерроризм: базовые концепты, механизмы, технологии*: дисс. ... докт. полит. наук. Нижний Новгород; 2008.
3. Каратаева Л.В. Ответственность как отличительный компонент концепта «война» в немецкой языковой картине мира (на материале произведений В. Борхерта). *Вестник АГУ*. 2015;2(153):47–53.
4. Болотов В.И. А.А. Потебня и когнитивная лингвистика. *Вопросы языкознания*. 2008;2:82–96.
5. Воркачев С.Г. *Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография*. Волгоград: ВолГУ; 2014.
6. Маслова В.А. *Лингвокультурология: учебное пособие*. М.: Академия; 2001.
7. Заглядкина Т.Я., Пархоменко П.А. Репрезентация концепта «музыка» / “Musik” в русской и немецкой лингвокультурах. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 4(4):550–564.
8. Hosseini Kh. *The Kite Runner*. URL: <https://booksdrive.org/wp-content/uploads/2022/03/The-Kite-Runner-by-Khaled-Hosseini-pdf-free-download.pdf> [дата обращения: 15.05.2024].
9. *Merriam-Webster Thesaurus*. URL: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus/war> [дата обращения: 15.05.2024].
10. *Cambridge Online Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/war> [дата обращения: 15.05.2024].
11. *Oxford Advanced Learner's English Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/war?q=war> [дата обращения: 15.05.2024].
12. *Collins English Dictionary*. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/war> [дата обращения: 15.05.2024].
13. *Roget's Thesaurus of English words and phrases*. URL: https://vk.com/doc59476950_596709512?hash=G94XpAJ8ZBd1FnBPgXYPCPEfqCo5aYf5yWbJwyBWsls [дата обращения: 15.05.2024].

References

1. Venediktova L.N. *The concept of “war” in the linguistic picture of the world (comparative study based on the material of English and Russian languages): the abstract*. diss. ... Candidate of Philological Sciences. Tyumen; 2004. (In Russ.)
2. Grachev S.I. *Counterterrorism: basic concepts, mechanisms, technologies*: diss. ... Doctor of Political Sciences. sciences'. Nizhny Novgorod; 2008. (In Russ.)
3. Karataeva L.V. Responsibility as a distinctive component of a concept «war» in the German linguistic worldview (based on the works of V. Borchert). *Bulletin of ASU*. 2015;2(153):47–53. (In Russ.)
4. Bolotov V.I. A.A. Potebnia and cognitive linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*. 2008;2:82–96. (In Russ.)
5. Vorkachev S.G. *Linguocultural concept: typology and areas of existence*: monograph. Volgograd: Volga State University; 2014. (In Russ.)
6. Maslova V.A. *Linguoculturology: a textbook*. Moscow: Akademiya; 2001. (In Russ.)
7. Zaglyadkina T.Y., Parkhomenko P.A. Representation of the Concept «музыка» / “Musik” in Russian and German Linguocultures. *Kazan Linguistic Journal*. 2021;4(4):550–564. (In Russ.)
8. Hosseini Kh. *The Kite Runner*. Available from: <https://booksdrive.org/wp-content/uploads/2022/03/The-Kite-Runner-by-Khaled-Hosseini-pdf-free-download.pdf> [accessed 15.05.2024] (In Eng.).
9. *Merriam-Webster Thesaurus*. Available from: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus/war> [accessed 15.05.2024] (In Eng.).

10. Cambridge Online Dictionary. Available from:
<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/war> [accessed 15.05.2024] (In Eng.).

11. Oxford Advanced Learner's English Dictionary. Available from:
<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/war?q=war> [accessed 15.05.2024] (In Eng.).

12. Collins English Dictionary. Available from:
<https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/war> [accessed 15.05.2024] (In Eng.).

13. Roget's Thesaurus of English words and phrases. Available from:
https://vk.com/doc59476950_596709512?hash=G94XpAJ8ZBd1FnBPgXYPCPEfqCo5aYf5yWbJwyBWs1s [accessed 15.05.2024] (In Eng.).

Автор публикации

Магомедова Саидат Магомедовна –
доцент кафедры английской филологии
Факультета иностранных языков
Дагестанский государственный университет
Махачкала, Россия
Email: saidat.m@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3284-1771>

Author of the publication

Magomedova Saidat Magomedovna –
Associate Professor of English Philology Department
of Faculty of Foreign Languages
Dagestan State University,
Makhachkala, Russia
Email: saidat.m@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3284-1771>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.08.2024
Одобрена после рецензирования: 20.09.2024
Принята к публикации: 25.12.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.

Article info

Submitted: 16.08.2024
Approved after peer reviewing: 20.09.2024
Accepted for publication: 25.12.2024

The author has read and approved the final
manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН PHILOLOGY. LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Научная статья
УДК 811

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.88-99>

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭБОНИКСА (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО РЭПА)

Т.И. Рагимханова

Дагестанский Государственный университет, г. Махачкала, Россия
rtamilla@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9872-4390>

Аннотация. В последние годы наблюдается растущий интерес к изучению эбоникса и его роли в современном обществе, особенно в музыке, литературе, искусстве и массовой культуре. В статье проводится анализ лингвистических особенностей эбоникса на материале 200 рэп-композиций афроамериканских исполнителей различных эпох. В результате исследования авторы приходят к выводам: а) афроамериканский диалект английского языка обладает рядом уникальных фонетических и фонологических особенностей, являющихся отличительной чертой речи его носителей и выделяющих его на фоне языкового разнообразия диалектов США; б) грамматические особенности афроамериканского английского являются важным элементом языкового и культурного наследия всего чернокожего сообщества; в) слова и выражения, созданные членами афроамериканского общества и проникшие в повседневную речь американцев, распространились за пределы материка, через хип-хоп композиции исполнителей афроамериканского происхождения; г) синтаксические особенности эбоникса помогают уложиться в ритм, создавая более динамичный, близкий к разговорному, стиль.

Ключевые слова: эбоникс; рэп-композиции; афроамериканские исполнители; фонетические; грамматические; лексические; синтаксические особенности

Для цитирования: Рагимханова Т.И. Лингвистические особенности эбоникса (на материале американского рэпа). *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 88–99. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.88-99>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.88-99>

LINGUISTIC FEATURES OF EBONICS (BASED ON AMERICAN RAP)

T.I. Ragimkhanova

Dagestan State University, Makhachkala, Russia
rtamilla@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9872-4390>

Abstract. In recent years, there has been a growing interest in the study of Ebonics and its role in modern society, especially in music, literature, art and popular culture. The article analyzes the linguistic features of Ebonics based on the material of 200 rap compositions by African-American performers of various eras. As a result of the study, the authors come to the following conclusions: a) the African-American dialect of English has a number of unique phonetic and phonological features that are a distinctive feature of the speech of its native speakers and distinguish it from the linguistic diversity of the dialects of the United States; b) grammatical features of African-American English are an important element of the linguistic and cultural heritage of the entire black community; c) words and expressions created by members of African-American society and pene-

trated into the everyday speech of Americans, spread beyond the mainland, through hip-hop compositions by performers of African-American origin; d) the syntactic features of ebonix help to keep in rhythm, creating a more dynamic, close to conversational style.

Keywords: ebonics; rap compositions; African-American performers; phonetic; grammatical; lexical syntactic features

For citation: Ragimkhanova T.I. Linguistic Features of Ebonics (based on the Material of American Rap). *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(1): 88–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.88-99>

Вопросы происхождения эбоникса, его статуса в языковом пространстве США и социальной роли являются предметом дискуссий не только для зарубежных, но и для отечественных ученых-лингвистов. Несмотря на интерес к афроамериканскому английскому языку, этот диалект все еще мало изучен.

С момента своего возникновения и до сегодняшних дней «черный английский» претерпел множество изменений, которые коснулись всех уровней языка, а также отражали процессы, происходящие в американском обществе. Изменения коснулись и названия диалекта, для обозначения которого в различные периоды использовались термины: *Nonstandard Negro English*, *Black English Vernacular*, *Spoken Soul*, *Ebonics*, *Negro Dialect*, *Black Street Speech*, *American Negro Speech*, *Black Communications*, *Black Dialect*, *African-American English*, *African-American Vernacular English* (далее AAVE), *Ebonics* [1, с. 137].

На современном этапе развития последний вариант *Ebonics* является наиболее распространенным, а потому узнаваемым, названием диалекта. Согласно *Online Etymology Dictionary*, данный термин образован сочетанием двух слов: *ebony* – черное дерево и *phonics* – правила фонетики [2].

Афроамериканские реалии встречаются во всех сферах жизни. Особенно часто элементы эбоникса проникают в речь современной молодежи. Они используются в кино, на телевидении, в музыке. Эбоникс, история которого начинается в США, является одним из главных компонентов хип-хоп культуры, к которой относится и рэп-музыка.

Первыми отличительными особенностями афроамериканского английского заинтересовались такие западные ученые, как Джордж Крапп, Ганс Курат, Баррингтон Бейли. Список отечественных лингвистов, отличившихся в во-

просах исследования эбоникса, включает в себя С. Ю. Максимова, А. В. Богданова, В. В. Жапова [3, с. 107].

Дж. Бау принадлежит разработка концепции «лингвистического профилирования», которая относится к дискриминации, с которой сталкиваются люди на основе языка, на котором они говорят, а конкретно на основе особенностей их речи (акцента или диалекта). Он провел исследования, выявив негативные стереотипы по отношению к носителям эбоникса [4, с. 48].

Актуальной проблемой выступает и внутреннее устройство языка. Здесь возникает ряд вопросов о том, какова структура языка, как взаимодействуют языковые элементы, какова их правильная последовательность, как они взаимосвязаны и в чем их различие [5, с. 537].

Рассмотрим особенности эбоникса на разных языковых уровнях.

Фонетическая структура эбоникса характеризуется существенными различиями, выделяющими речь его носителей от речи на других диалектах США [6, с. 109].

На основе анализа текстов рэп-исполнителей нами были выявлены следующие фонетические особенности эбоникса:

1. **Отсутствие ротичности**, опущение согласного /r/. Частота явления ротичности (сохранения *r*) зависит от принадлежности говорящего к тому или иному социальному классу и от стиля его речи: чем выше класс, тем сильнее /r/ и наоборот [7, URL]. Опущение /r/ чаще встречается в безударных слогах:

Brother – brotha:

*You will not be able to stay home, **brotha** (King Green & Eminem “Caterpillar”)*

Over – ova:

*Bend on **ova** and hit a split... (D4L “Laffy Taffy”)*

2. **Редукция звука /l/**. Чаще всего /l/ заменяется гласной, подобной *o*, или согласной *w*: *feel* может произноситься как /*fio*/. Это явление распростра-

нено как в речи европейцев, так и в речи афроамериканцев. Аналогичный вариант, называемый «вокализацией в *schwa*», приводит к произношению *feel* как /fiuh/ – этот вариант чаще других ассоциируется с афроамериканским языком [8, URL]. Звук /l/ может быть опущен, например, в слове *pull*:

*Run with the brothers that love me, the ones that **pu**' for me... (2Pac "Immortal")*

3. Редукция **t** и **d** в конце слов, если это не окончание прошедшего времени у правильных глаголов:

***Whar** up, blood? (What?) **Whar** up, gangsta? (50 Cent "What Up Gangsta")*

4. Замена **"th"**. Звук, передаваемый сочетанием букв *th* в *think* (представленный символом [θ]), обычно заменяется в эбониксе звуками /t/, /tθ/ или /f/. Замены /f/v/ происходят только в конце слова, а не в начале:

***Nothing** – **nufin**':*

*Ticky don't listen to **nufin** like that... (Uncle Ticky "Tip Toe")*

Звонкий [ð] заменен в афроамериканском английском звуками /d/ или /v/.

Замены [ð] на /t/d/ могут встречаться в любой части слова:

***Mother** – **muddah**, **father** – **fadda**, **sister** – **sista**, **brother** – **brudda**:*

*All you **muddaskunks** get buried in the trunk (Jay-Z "All I Need")*

***That** – **dat**:*

*We are from the Nawf, yeah, **dat** way... (Migos "Bad and Boujee")*

***They** – **dey**:*

*Every warrior, **dey** conquer... (Shatta Wale & Major Lazer "Already")*

5. Редукция безударных гласных в начальном слоге: *about* может произноситься как 'bout, а *ahead* как 'head:

Go 'head and ash it on the floor now... (Future "Low Life")

Иногда редукции подлежат целые слоги, как 'spect вместо expect или respect:

Check it out and give me my 'spect... (A Tribe Called Quest "Verses from the Abstract");

6. Окончание -ing произносится и пишется как -in':

*Who that nigga **thinkin'** that he **frontin'** on Man-Man? (Kendrick Lamar "Humble");*

Среди **грамматических особенностей** афроамериканского английского языка, интерес представляет категория аспектуальности и оппозиция динамичных и статичных глаголов. Некоторые временные и аспектные формы в эбониксе образуются иначе, нежели в стандартном английском. Эти формы являются уникальной отличительной чертой эбоникса, выделяя его на фоне других диалектов английского языка [9, с. 2].

В следующей таблице сравниваются парадигмы глаголов прогрессивного и совершенного аспектов в афроамериканском (AAVE) и стандартном (SE) английском:

№	<i>Tense/Aspect</i>	<i>SE</i>	<i>AAVE</i>
1	<i>present</i>	<i>He walks</i>	<i>He walk</i>
2	<i>past</i>	<i>He walked</i>	<i>He walk(ed)</i>
3	<i>perfect</i>	<i>He has walked</i>	<i>He done walked</i>
4	<i>past perfect</i>	<i>He had walked</i>	<i>He had done walked</i>

Из таблицы мы видим, что в *SE* и *AAVE* существуют одни и те же временные и аспектные формы, но способы выражения этих форм заметно отличаются.

Носители эбоникса игнорируют грамматические категории времени, числа и лица у глаголов настоящего времени. Так, у глаголов 3-го лица времени *Present Simple* отсутствует характерное окончание -s:

*If young Metro **don't** trust you, I'm gon' shoot you! (21 Savage, Offset, And Metro Boomin feat. Quavo "Rap Saved Me")*

При образовании форм глаголов длительного аспекта во временах *Present/Past Continuous* вспомогательный глагол *to be* опускается:

1. Niggas **telling** women how they bodies supposed to be, but... (Tyler, *The Creator* “Dogtooth”);

В эбониксе форма причастия II *done* используется в качестве вспомогательного глагола для выражения совершенного действия, при этом не проводится никаких различий между формами *Present Perfect* и *Past Perfect*. Завершенность действия как в настоящем, так и в прошлом обозначается формой: *done* + глагол в третьей форме [10, с. 48]:

I done fell in love with dead people... (21 Savage “Dead People”).

В стандартном английском, в некоторых контекстах, при образовании формы *Present Perfect have* может быть сокращено до /v/: “*I have been*” → “*I’ve been*”. В афроамериканском английском соответствующая форма сокращается до “*I been*”, происходит слияние настоящего и прошедшего перфектного аспектов, что значительно усложняет понимание текста [9, с. 4]:

I been up straight for nine days, I need a spa day... (Kanye West “Clique”)

При анализе текстов композиций американских рэп-исполнителей были выделены и другие случаи употребления глаголов в формах, не характерных для *SE*. Эти особенности, а также примеры из текстов рэп-композиций были отражены в следующей таблице:

Отсутствие различий между формами <i>was/were</i> и <i>is/are</i>	<i>These niggas is scared.</i> (Travis Scott “3500”)
Опущение глагола-связки <i>to be</i>	<i>Big weight, we straight...</i> (Migos “Vaccine”)
Инвариантное значение глагола <i>to be</i> , который иногда употребляется для обозначения события или действия в настоящем времени или события, распределенного с перерывами во времени	<i>I be Puerto Rican day parade float-in’...</i> (Kanye West “Clique”)

Употребление формы <i>ain't</i> вместо глагола <i>to be</i> в отрицательной форме	<i>And I ain't seen my friends in a minute...</i> (Tyler, <i>The Creator</i> "Foreword")
Использование двух глаголов с отрицательным значением или двух других отрицательных слов в одном предложении – двойное отрицание	<i>I don't want nothing in return...</i> (Tyler, <i>The Creator</i> "Dogtooth")

Грамматические особенности афроамериканского английского являются важным элементом языкового и культурного наследия всего чернокожего сообщества.

Одной из ключевых характеристик афроамериканского диалекта английского языка являются его лексические особенности, которые отражают культурные, исторические и социальные аспекты жизни афроамериканского сообщества, проживающего на территории США.

Среди основных характеристик можно выделить следующие особенности эбоникса, отличающие его от других диалектов:

1. *Nigger/nigga* как средство обращения к представителям своей культуры:
 1. *Still tote your vest man, **niggas** be trippin'...* (The Notorious B.I.G. feat. Diana King "Respect").
2. Употребление слов с отрицательной коннотацией в положительном значении:

*I'm the **shit**, least that what my neck say...* (Kanye West "Clique");
3. Обилие сокращенных форм, как *dunno*, *hafta*, *doncha*, *prolly*, *outta*, *gonna*, *wanna*:

*Ауу, ауу, now she actin' **outta** pocket...* (Post Malone feat. 21 Savage "Rockstar").

К лексике, отражающей реалии преступного мира, относится сленг, созданный участниками афроамериканского сообщества. Примеры таких слов по категориям в контексте рэп-композиций афроамериканских исполнителей представлены в следующей таблице:

Наркотические вещества	<i>Base head</i> – человек, употребляющий наркотические вещества: <i>Laughin' at base-heads, tryna sell some</i>
------------------------	--

	<i>broken amps... (Nas "N.Y. State of Mind")</i>
Криминал	<i>Banger</i> – тот, кто связан с бандами и убийствами: <i>You aim it 'fore you bang it let that banger leave you brainless... (A\$AP Rocky "Goldie")</i>
Денежные средства	<i>But all that mean nothing when I saw my dough... (Post Malone "Congratulations")</i>
Полиция	<i>Heard the feds takin' photos... (O.T. Genasis "CoCo")</i> <i>Brutalists blue boys movin', they shootin'... (Billy Woods "Heavy Water")</i>

К сленгу, получившему распространение через хип-хоп композиции исполнителей афроамериканского происхождения, относятся следующие слова и выражения:

Homie – термин, который обозначает близкие, дружеские отношения между членами одной социальной или территориальной группы [11]:

*When my **homies** pull up on your block... (Post Malone "Rockstar").*

OG/O.G. – термин, используемый для обозначения человека, обладающего властью и пользующегося большим уважением [11]:

*Y'all know me, still the same **OG**... (Dr. Dre "Forgot About Dre")*

В ходе анализа более 200 различных рэп-композиций на эбониксе, было выявлено множество лексических элементов, не характерных для стандартного английского языка, но с течением времени проникших в речь носителей за пределами афроамериканского сообщества.

По сравнению с количеством явлений, формирующих диалектные различия эбоникса на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях, количество явлений, наблюдаемых в области **синтаксиса**, незначительно. Были выявлены следующие синтаксические особенности эбоникса:

Отсутствие инверсии в вопросительных предложениях или использование структуры вопросительного предложения в форме повествовательного, и опущение вспомогательных глаголов:

Who you been vibin' with and why I can't make you mine? (Kaash Paige "Love Songs").

Такая структура вопросительных предложений помогает создать эффект живого диалога, так как рэп-исполнители часто используют композиции в качестве обращений. К тому же, отсутствие инверсии и вспомогательных глаголов (*do, does, did* и др.) помогает уложить текст в ритм.

Самым распространенным синтаксическим явлением в композициях афроамериканских рэперов являются повторы различных видов:

Анафора – повторение одних и тех же элементов в начале каждого параллельного ряда, строки, строфы или фразы [12]:

What's Gucci, my nigga? What's Louis, my killer? What's drugs, my dealer? What's that jacket, Margiela? (JAY-Z & Kanye West "Niggas in Paris").

Эпифора – повторение конечных частей смежных отрезков речи (строк, фраз) [13]:

*You think the Bay gon' let you disrespect Pac, **nigga**?*

*I think that Oakland show gon' be your last stop, **nigga**... (Kendrick Lamar "Not Like Us").*

Параллельные конструкции – конструкции, близкие по значению, но выраженные различными синтаксическими единицами [13]:

All she want is some heel money,

All she need is some bill money... (Kanye West feat. Big Sean, Pusha T "Mercy").

Используя синтаксические повторы, рэп-исполнители выделяют нужную часть композиции, акцентируя внимание на определенных куплетах, адресованных чаще всего определённому человеку: девушке, другу или неприятелю.

Асиндетон – намеренное опущение союзов – используется чернокожими рэп-исполнителями для создания эффекта стремительности, акцентируя внимание на явлениях или объектах в перечислении:

Y'all non-snorters, non-smokers, non-sippers... (Three 6 Mafia "Sippin' on Some Syrup");

Еще одним приемом, используемым афроамериканскими рэперами для воздействия на слушателя, являются **риторические вопросы** или **вопросы-обращения**:

How many brothers fell victim to the streets? (Tupac "Life goes on");

Полисиндетон, напротив, основан на намеренном повторении союзов, что придает тексту плавность, замедляет темп, подчеркивая многогранность и масштабность описываемого:

And I appreciate how you raised me,

And all the extra love that you gave me (2Pac "Dear Mama").

Таким образом, синтаксические особенности, используемые афроамериканскими рэп-исполнителями в композициях, помогают уложиться в ритм.

В ходе данного исследования нами были проанализированы тексты более 200 рэп-композиций около 50 различных хип-хоп исполнителей афроамериканского сообщества. Результатами данного исследования являются выявленные лингвистические особенности эбоникса на трех уровнях языка: фонетическом, грамматическом и лексическом.

На фонетическом уровне нами было выявлено более 5 фонологических особенностей эбоникса, выделяющих его на фоне других диалектов английского языка.

На грамматическом уровне нами было выявлено 9 языковых особенностей, на основе мы сделали вывод о том, что одной из главных языковых особенностей речи чернокожего населения США является грамматически некорректное употребление глагольных форм.

Среди лексических особенностей эбоникса было выявлено большое количество сленговых единиц. Наиболее значимым для становления эбоникса как самостоятельного диалекта английского языка является сленг, используемый для обозначения реалий преступного мира.

На уровне синтаксиса были выявлены следующие особенности эбоникса: отсутствие инверсии в вопросительных предложениях, синтаксические повторы

и намеренное опущение либо, наоборот, повторение союзов. Наиболее употребительными синтаксическими приемами в текстах рэп-композиций являются повторы: анафора, эпифора, параллельные конструкции, направленные на привлечение внимания слушателя к определенным явлениям или объектам.

Таким образом, эбоникс как самостоятельный диалект английского языка обладает рядом фонетических, грамматических и лексических особенностей, выделяющих его среди разнообразия других диалектов английского языка.

Список литературы

1. Романова Е. Ю. Афроамериканский английский: британское наследие или креольское образование? *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2018;9(137):136–145.
2. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> [дата обращения: 23.09.2023].
3. Заграевская Т.Б. Генезис афроамериканских этноформ английского языка: оригинальные и заимствованные идеи в отечественной лингвистике. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2012;3(107):104–108.
4. Baugh J. *Out of the mouths of slaves: African American language and educational malpractice*. Austin: University of Texas Press; 2002.
5. Марковский А.В. Актуальные проблемы языкознания и культуры общения. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(4):535–546.
6. Djumaboyeva M. Linguistic features of African American English and its impact on English perception. *Экономика и социум*. 2022;4(95):109–112.
7. Thomas E. R. Phonological and phonetic characteristics of African American English. *Language and Linguistics Compass*. 2007;1(5):450–475. URL: <https://repository.lib.ncsu.edu/items/8ec01621-bb5e-463b-aa05-171629e51eed> [accessed: 03.02.2024].
8. Renwick M. *African American Language*.: University of Georgia; 2021. URL: https://mrenwick.franklinresearch.uga.edu/southern_speech/AAL [accessed: 15.11.2023].
9. Sidnell J. *Outline of AAVE grammar*. Academia.edu. URL: https://www.academia.edu/34124467/Outline_of_AAVE_grammar [accessed: 15.11.2023].
10. Green L. *African American English*: Cambridge University Press; 2004. 12:76–91.
11. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> [accessed: 23.03.2024].
12. Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/> [дата обращения: 22.04.2024].
13. Словарь лингвистических терминов. URL: <https://rus-lingvistic-term.slovaronline.com/> [дата обращения: 22.04.24].

References

1. Romanova E.Y. African American English: British Heritage or Creole education? *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2018;9(137):136–145. (In Russ.)
2. Online Etymology Dictionary. Available from: <https://www.etymonline.com/> [accessed: 23.09.2023].
3. Zagrayevskaya T.B. The genesis of the African-American Ethnoforum of the English language: original and borrowed ideas in Russian linguistics. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012;3(107):104–108. (In Russ.)

4. Baugh J. *Out of the mouths of slaves: African American language and educational malpractice*. Austin: University of Texas Press; 2002.
5. Markovsky A.V. Current Problems of Linguistics and Culture of Communication. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(4):535–546 (In Russ.)
6. Djumaboyeva M. Linguistic features of African American English and its impact on English perception. *Ekonomika i sotsium*. 2022;4(95):109–112.
7. Thomas E. R. Phonological and phonetic characteristics of African American English. *Language and Linguistics Compass*. 2007;1(5):450–475. Available from: <https://repository.lib.ncsu.edu/items/8ec01621-bb5e-463b-aa05-171629e51eed> [accessed: 03.02.2024].
8. Renwick M. *African American Language*.: University of Georgia; 2021. Available from: https://mrenwick.franklinresearch.uga.edu/southern_speech/AAL [accessed: 15.11.2023].
9. Sidnell J. *Outline of AAVE grammar*. Academia.edu. Available from: https://www.academia.edu/34124467/Outline_of_AAVE_grammar [accessed: 15.11.2023].
10. Green L. *African American English*: Cambridge University Press; 2004. 12:76–91.
11. Urban Dictionary. Available from: <https://www.urbandictionary.com/> [accessed: 23.03.2024].
12. The Great Russian Encyclopedia. Available from: <https://old.bigenc.ru/> [accessed: 22.04.2024]. (In Russ.)
13. Slovar lingvisticheskikh terminov. Available from: <https://rus-lingvistic-term.slovaronline.com/> [accessed: 22.04.24]. (In Russ.)

Автор публикации

Рәгимханова Тамилла Ибрагимовна –
старший преподаватель кафедры английской
филологии
Факультет иностранных языков
Дагестанский государственный университет
Махачкала, Россия
Email: rtamilla@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0006-9872-4390>

Author of the publication

Ragimkhanova Tamilla Ibragimovna –
senior teacher of English Philology Department
Faculty of Foreign Languages
Dagestan State University
Makhachkala, Russia
Email: rtamilla@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0006-9872-4390>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.08.2024
Одобрена после рецензирования: 20.09.2024
Принята к публикации: 25.12.2024
Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.

Article info

Submitted: 16.08.2024
Approved after peer reviewing: 20.09.2024
Accepted for publication: 25.12.2024
The author has read and approved the final
manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благода-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anony-
mous reviewer(s) for their contribution to the peer
review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81'23

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.100-110>

**ПАЛИТРА ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ И ЕЁ ВЫРАЖЕНИЕ
В ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ**

О.В. Киришинова

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
ilse8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1217-6033>

Аннотация. В статье рассматриваются различные классификации базовых эмоций и средства выражения эмоциональных состояний в звучащей речи. Также обозначается проблема исследования эмоциональности на междисциплинарном уровне. Понятие «эмоция» рассматривается в узком и более широком значении с разных позиций научного познания. Многообразие определений понятия «эмоция» отражающее многообразие подходов к проблеме эмоциональности, свидетельствует о том, что в настоящее время нет однозначного толкования этого термина. В качестве основы для системного взгляда на явление эмоциональности и на комплекс языковых средств для её передачи избрана нейролингвистическая концепция эмоций Е.Н. Винарской.

Целью исследования является попытка объединить положительные эмоции в некий комплекс для создания механизма исследования положительных эмоциональных состояний. Теоретическая значимость данной работы заключается в разработке механизма исследования группы положительных эмоций. Кроме того, проанализированы классификации эмоциональных состояний, представленные разными учёными по степени интенсивности положительных эмоций и даны их оттенки/палитра.

Важным является представление, согласно которому палитра эмоций на уровне звучащей речи создается интенсивностью «порций» реализуемых средств, относящихся к базовым эмоциям. Обосновывается тезис, согласно которому инвентарь экспрессивных средств звучащей речи значительно меньше по объёму, чем обозначений эмоций.

Ключевые слова: эмоции, звучащая речь, палитра эмоций, инвентарь экспрессивных средств, междисциплинарный подход, языковые средства

Для цитирования: Киришинова О.В. Палитра положительных эмоций и ее выражение в звучащей речи. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 100–110. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.100-110>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.100-110>

**THE PALETTE OF POSITIVE EMOTIONS AND ITS
EXPRESSION IN ORAL SPEECH**

O.V. Kirshinova

Voronezh State University, Voronezh, Russia
ilse8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1217-6033>

Abstract. The article discusses various classifications of basic emotions and means of expressing emotional states in oral speech. The problem of emotionality research at the interdisciplinary level is also identified. The concept of «emotion» is considered in a narrow and broader sense

from different positions of scientific knowledge. The variety of definitions of the concept of "emotion" reflecting the variety of approaches to the problem of emotionality, indicates that there is currently no unambiguous interpretation of this term. The neuro-linguistic concept of emotions by E.N. Vinarskaya was chosen as the basis for a systematic view of the phenomenon of emotionality and the complex of linguistic means for its transmission.

The purpose of the study is an attempt to combine positive emotions into a certain complex to create a mechanism for studying positive emotional states.

The theoretical significance of this work lies in the development of a mechanism for the study of a group of positive emotions. In addition, the classifications of emotional states presented by different scientists according to the degree of intensity of positive emotions are analyzed and their shades/palette are given.

An important idea is that the palette of emotions at the level of oral speech is created by the intensity of "portions" of realized means related to basic emotions. The thesis is substantiated, according to which the inventory of expressive means of oral speech is significantly smaller in volume than the notation of emotions.

Keywords: emotions; oral speech; palette of emotions; inventory of expressive means; interdisciplinary approach; language tools

For citation: Kirshinova O.V. The Palette of Positive Emotions and its Expression in Oral Speech. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 100–110. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.100-110>

Учитывая значимость получения знаний о эмоциональной области человека, сейчас все большую ценность получает психолингвистический подход, при котором слово выступает как компонент речевой (языковой) способности индивида. Это тем более уместно потому, что эмоциональные состояния и эмоциональное влияние относятся, преимущественно, к психике человека, а языковые средства лишь в той или иной мере показывают эти состояния. Выход за рамки лингвистики нужен и потому, что требуется применение иных методов анализа, которые предоставили бы возможность многогранно и логично описать эмоциональные признаки значения слова. Относительно вопроса, в каком соотношении стоят друг к другу язык и эмоция, в качестве ответа получается первоначально простая корреляция: с помощью языка мы выражаем наши чувства и ощущения. С помощью языковых средств мы сообщаем другим в общении о своём состоянии, об испытываемых нами ощущениях и чувствах. Язык действует здесь в качестве коммуникативного средства, в качестве инструмента, служащего для кодификации субъективных эмоциональных состояний в интерсубъективных единицах.

Значимой формой выражения эмоций у индивида является речь, которая всегда эмоциональна. С позиции говорящего и с позиции слушающего речь всегда воспринимается эмоционально. В восприятии и порождении речи эмоциональность обладает разным характером. Эмоциональные состояния могут выражаться лексикой как с помощью коротких восклицаний, например, «Ах!», «Ого!», так и более развернутых фраз, например, «Вот это красота!».

Согласно А.М. Пешковскому, ведущую роль признаков звучащей речи при выражении эмоциональных состояний играет интонационное высказывание, особенно тембровое (тембр – часть интонации). Наши чувства мы выражаем в большей мере интонацией, чем словами [1, с. 81].

Проблематичным при исследовании и объяснении эмоций является то, что речь идёт о внутренних и при этом абсолютно субъективных качествах человека, доступных наблюдению не на прямую, а через теорию выражения сообщения [2, S. 44] (Перевод наш – О.К.).

Такие эмоции как любовь, страх, радость, ненависть и сочувствие так же твердо зафиксированы в мире ощущений человека, как его познавательные способности. Они влияют и сопровождают действия людей так же интенсивно и продолжительно, как принятие решений и процессы мышления.

Существуют классификации, учитывающие мотивационную обусловленность эмоций, где они делятся на врожденные чувства и эмоции, простые и сложные эмоции, ведущие и производные. Многообразие дефиниций понятия «эмоция» отображающее множество взглядов к проблеме эмоциональности, доказывает то, что в настоящий момент нет точной формулировки этого понятия.

«Эмоция» – это кратковременное, естественное переживание более постоянного чувства. В точном переводе на русский язык «эмоция» означает душевное движение, волнение [3, с. 322].

В узком смысле слова эмоции рассматриваются как реакция на более характерные обстоятельства, такие как конфликтные ситуации, непредсказуемое развитие событий, невозможность адекватного восприятия, безысходность по-

требностей. Убедительность эмпирических данных и примеров, приводимых в подтверждение различных мнений, свидетельствует о многообразии эмоций в отношении условий их возникновения [4, с.7].

При широкой интерпретации эмоций их формирование взаимодействует с устойчивыми, естественными условиями существования, такими как отражение воздействия или предмета (эмоции отражают их субъективную важность), усиление потребностей и т.д.

По мнению Дж. Уотсона, эмоции представляют собой специальный тип реакций, которые проявляются в трех основных формах: любви, ярости и страха.

Рассматривая эмоциональные состояния, Додонов Б.И. выделяет:

- 1) Стенические и астенические
- 2) Эмоциональные процессы (реакции) и эмоциональные состояния
- 3) Низшие и высшие
- 4) Эмоции положительные и отрицательные [5, с.9-34]

Аффекты – это эмоциональные переживания, которые возникают у человека быстро и мгновенно овладевают им. Они характеризуются кратковременностью. Если эмоция – это состояние душевного волнения, то аффект можно сравнить с бурей [3, с. 322].

Пользуясь методом научного синтеза, Е.Н. Винарская предлагает нейролингвистическую концепцию эмоций человека со следующими принципиальными чертами. «Во-первых, биологический подход к проблеме дополняется в ней знаковым подходом, адекватным для наук общественных. Во-вторых, оценочная функция эмоций рассматривается как орудие распределения энергетических ресурсов организма и, следовательно, как отправная точка активности личности, в том числе творческой. В-третьих, эти эмоциональные единицы в предлагаемой концепции оказываются опосредованными познавательным опытом, т.е. они формируют некие биологические и личностные смыслы. Они подвергаются, в-четвертых, двойному упорядочиванию: с одной стороны, в зависимости от объективного содержания соответствующих биологических и лич-

ностных смыслов, с другой – в зависимости от их зонной субъективной ценности - подпороговой, положительной, отрицательной, а также – низкой, высокой, прогрессивной и регрессивной. В-пятых, эмоции получают в этой концепции иерархическую структуру с основанием в виде универсальных, наследуемых по генетическим законам непрерывных эмоционально-активационных состояний и их знаковыми производными в виде дискретных комплексов 12 чувств и волеизъявлений личности, имеющих социально обусловленные форму и содержание» [6, с. 8–23].

Лингвистами доказано, что все высказывания окрашиваются эмоциями, что все лексиконы языков содержат специальные эмотивы и что вся остальная лексика потенциально тоже эмотивна. В связи с этим в современной этимологии довольно актуально стоит вопрос о средствах номинации, экспрессии и дескрипции эмоций, а также о средствах их эвокации с помощью вербального кода эмоций. Не менее важна для адекватного эмоционального общения и компетенция языковых личностей в области владения вербальным кодом эмоций [7, с. 64]. О подходах к изучению выражения положительных и отрицательных эмоций в тексте см. [8].

Эмоциональность проявляется через средства различных уровней. Несомненно, лексический запас каждого языка состоит из эмоционально маркированной лексики. Изучению этой лексики посвящается целый ряд работ. Синтаксические структуры также реагируют на задачу выражения эмоциональности в речи. Характерными чертами эмоционального синтаксиса являются восклицательные предложения; эллипсис – пропуск элемента высказывания; повторение структурно – синтаксических моделей, т.е. синтаксический параллелизм; парцелляция – расчленение синтаксической структуры предложения на две или более интонационно обособленные части; сверхфразовые единства.

Передача эмоций с помощью языка может принимать две разные формы. Она может быть выражена через эмоционально окрашенные высказывания. В этом случае высказывания наполняются фразами, словосочетаниям и выраже-

ниями с эмоциональной нагрузкой [7, с.159]. Эмоциональная нагрузка относится к тем характеристикам языка, которые порождают и передают эмоции. Эти слова могут быть высказаны как под воздействием переживаемых эмоций, так и с целью породить эмоции у себя или у других. Преобладание вербального проявления эмоций у человека связано с особым значением членораздельного языка как средства знаковой репрезентации мира.

Язык – средство обмена мыслей (т.е. средство передать свою мысль другим и воспринимать чужую), наиболее совершенное по сравнению с гораздо менее совершенным – жестами. При этом обмене слова нашей речи являются символами или знаками для выражения понятий и мыслей [9, с.1–2].

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена востребованностью разработки механизма определения разнообразных эмоций в отношении к базовым, что позволит использовать единый способ к изучению средств выражения этих эмоций в звучащей речи.

Проблемой исследования эмоций является расхождение в подходах к их изучению между лингвистикой, психологией и физиологией. Проблема заключается в том, что только при объединении разработок в области лингвистики, физиологии и психологии можно раскрыть природу и функции эмоций.

Цель данного исследования – попытаться объединить положительные эмоции в некий комплекс, чтобы построить четкий механизм изучения положительных эмоциональных состояний.

Задачей данного рассмотрения является обозначение набора положительных эмоций в русских и немецких текстах исследователей благодаря междисциплинарному подходу. Дальнейшим шагом предполагается определение центра и периферии этой группы эмоций, что позволит выявить их соотношение по проявлению интенсивности в группе положительных эмоций. Это позволит далее системно исследовать свойства звучащей речи для воплощения каждого из эмоциональных состояний в речи. Обращение к физиологии и показателям нейролингвистического рассмотрения эмоциональной области человека позво-

ляют выделять функционирование отдельных эмоций в данной отрасли, определить те, которые ближе к центральным, базовым эмоциям. В нашей работе мы рассматриваем «радость» как ведущую эмоцию в «палитре» положительных эмоций.

В современном толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой «Палитра» – это набор каких-либо признаков, качеств, характеризующих что-либо [10].

Радость «украшает человека» (Т.И. Ланге), делает его жизнерадостнее, увереннее, красивее. Однако, каждая попытка классифицировать эмоции после определенных признаков и делить к тому же на группы, наталкивается сначала неизбежно на общую проблему категоризации сущностей. Существуют попытки выделения базовых эмоций. Значительное число эмоциональных состояний один другого дублируют. На основании этого сложно определить какие именно эмоции можно считать базовыми.

К положительным базовым эмоциям «радость»/ «счастье» возможно присоединить такие похожие категории как удовольствие, удовлетворение, блаженство, эйфория, восхищение, развлечение, юмор и шутка [2, S. 67] (Перевод наш – О.К.).

Радость – эмоция положительная, обладающая ощущением личной важности, уверенности и удовлетворенности. Поскольку чувство радости активизирует состояние человека, обеспечивая его удовлетворенностью окружающим его миром, самоудовлетворенностью и мирозиданием в общем, эмоция эта, из-за ряда обстоятельств, является сравнительно недолгой, подвластной смене другими эмоциональными состояниями [11, с. 210]. Переживаемая человеком, эмоция «Радость» скрашивает повседневную жизнь, повторяясь, радость вызывает способность справляться с трудностями, достигать целей, благоприятствует уверенности и, что не менее важно, успокаивает человека, уменьшая его напряженные состояния [11, с. 240]. В речи мы трактуем эту эмоцию как высокую степень выражения положительной базовой эмоции.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в разработке механизмов изучения положительных эмоций в русском и немецком языках.

По преобладанию только положительных эмоций нами были проанализированы классификации эмоциональных состояний следующих ученых: Галунов В.И., Рейковский Я., Лук А.Н., Изард К.Е., Додонов Б.И., У. Джемс, Симонов П. В. и Васильев И.А., Богословский В.В., Крутецкий В.А., Симонов П.В. В результате нами рассмотрено 11 классификаций, в суммарном количестве – 81 наименование положительных эмоций. В итоге мы получили следующие **результаты**:

Чаще всего в выбранных нами классификациях встречаются: «Радость», «Удовольствие», «Восторг», «Любовь». Мы гораздо реже наблюдаем эмоции, такие как «Нежность», «Торжество», «Ликование» и «Воодушевление».

Экспериментальная база нашего исследования включала в себя фрагменты из 8 русских и 5 немецких художественных фильмов в видеозаписи. Всего экспериментальный материал составил 62 русских и 60 немецких звучащих диалогов. Исследование проводилось с людьми разных возрастных категорий (23-55 лет).

Данные, полученные в результате эксперимента, позволяют выявить соотношение лингвистических и паралингвистических средств при выражении положительных эмоций, например, «радость». По нашим данным, в выражении эмоциональных состояний особенно важную роль представляет соотношение речевых средств с лексическими средствами языка.

Например, положительная эмоция «радость» в экспериментальном материале в большей степени выражена эмоционально окрашенной лексикой (отдельными фразами) и паралингвистическими средствами (смех, мимика, жесты) и в меньшей степени – только паралингвистическими средствами. Ввиду сложности выделения эмоционально окрашенной лексики мы относили к эмоционально окрашенной: 1) «оценочные» лексемы (например: *шутим, это хорошо; Schatz*) 2) лексемы, выражающие состояние радости (например: *я всегда буду*

рада тебе помочь; freue mich). Также были обозначены нейтральные лексемы (окрашены экспрессивными средствами звучащей речи), которые не представлены ни лексемами, выражающими состояние радости (например: *Мамочка; Meine Herren*) ни «оценочной» лексикой. Отчётливо обозначается тенденция в немецком экспериментальном материале к частому употреблению лексем с глаголом «sich freuen» («радоваться») или существительным «Freude» («радость»).

Экспериментальный анализ проявления положительной базовой эмоции в русском и немецком языках даёт возможность сделать **вывод** о том, что по отношению к базовой эмоции «радость» прочие эмоции (*восторг, ликование* и некоторые другие) являются периферийными.

В восприятии экспертов – носителей русского языка «радость» (21,2%) и «наслаждение» (21%) составили почти половину эмоциональной палитры немецкого экспериментального материала. В русских диалогах эксперты, носители немецкого языка, воспринимали доминирующие эмоции несколько иначе. Наибольшую долю в списке/палитре эмоций русского экспериментального материала составила «радость» (32 %).

Наименьшая доля в палитре эмоций русскоязычного экспериментального материала: «наслаждение» (18,3%). Эта эмоция считается близкой по восприятию к эмоции «радость». На эти две эмоции приходится половина всего объема палитры эмоций [12].

Сравнительные исследования, в которых формально воспринимаются отдельные оттенки эмоциональных состояний не представляются перспективными. Задачей является изучение выразительных средств речи, которые, по нашим представлениям, имеют системную организацию в том плане, что они соотносимы с базовыми эмоциями. Ключевыми в любом языке могут служить разнообразные параметры этих средств, как таковые имеющие физиологически и акустически универсальную природу.

С нашей точки зрения важным является понимание того, что палитра эмоций в звучащей речи формируется интенсивностью использования основ-

ных средств, связанных с базовыми эмоциями. Таким образом, количество экспрессивных средств в звучащей речи значительно меньше, чем обозначений эмоциональных состояний [13, с. 11].

Список литературы

1. Пешковский А.М. *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: Учпедгиз; 1956. 81 с.
2. Schwarz – Friesel M. *Sprache und Emotion*. Tübingen: Francke; 2007. S. 44. (На нем. яз.)
3. Петровский А.В., М.Г. Ярошевский. *Психология*. Москва; 2001. 322 с.
4. Вилюнас В.К. *Психология эмоциональных явлений*. Москва: МГУ; 1976. С. 5–33.
5. Додонов Б.И. *В мире эмоций*. Киев.: Политиздат. Украины; 1987. С. 9–34.
6. Винарская Е.Н. *Выразительные средства текста (на материале русской поэзии)*. 2-е изд., Воронеж: ВГУ; 2003. С. 8–23.
7. Шаховский В.И. *Эмоции. Долингвистика. Лингвистика. Лингвокультурология*: [монография]. Москва: ЛИБРОКОМ; 2010. С. 118–124.
8. Яхин М. А., Сакаева Л. Р. Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики в трудах отечественных и зарубежных языковедов. *Казанский лингвистический журнал*. 2019;2(4):38–47.
9. Богородицкий В.А. *Лекции по общему языковедению. Лингвистическое наследие XX века*. Москва: Либроком; 2019. 312 с.
10. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: около 1900 словообразовательных единиц. 2-е изд., испр. Москва: Астрель; 2005. 638 с.
11. Изард К. *Эмоции человека*. Москва: МГУ; 1980:439.
12. Киршинова О.В. *Экспрессивные средства звучащей речи для выражения эмоции «радость»*: дис. канд. филол. наук; науч. рук. Л. В. Величкова. Воронеж: ВГУ; 2010. 196 с.
13. Величкова Л.В., О.В. Абакумова. *Путь к языку: Данные речевого онтогенеза. Билингвизм. Пособие к курсу психолингвистики*. Воронеж: Издательско – полиграфический центр ВГУ. 2010;(1):11.

References

1. Peshkovskij A.M. *Russian syntax in scientific coverage*. Moskva: Uchpedgiz; 1956. 81 p. (In Russ.)
2. Schwarz – Friesel M. *Language and emotion*. Tübingen: Francke; 2007. S. 44. (In Ger.)
3. Petrovskij A.V., M.G. Yaroshevskij. *Psychology*. Moskva; 2001. 322 p. (In Russ.)
4. Vilyunas V.K. *Psychology of emotional phenomena*. Moskva: MGU; 1976. Pp. 5–33. (In Russ.)
5. Dodonov B.I. *In the world of emotions*. Kiev.: Politizdat. Ukrainy; 1987. Pp. 9–34.
6. Vinarskaya E.N. *Expressive means of the text (based on the material of Russian poetry)*. 2-е изд., Voronezh: VGU; 2003. Pp. 8–23. (In Russ.)
7. Shahovskij V.I. *Emotions. Pre-linguistics. Linguistics. Linguoculturology*: [monograph]. Moskva: LIBROKOM; 2010. Pp. 118–124. (In Russ.)
8. Yakhin M.A., Sakaeva L.R. Concept as a basic concept of cognitive linguistics in the works of Russian and foreign linguists. *Kazan Linguistic Journal* 2019;2(4):38–47. (In Russ.)
9. Bogoroditsky V.A. *Lectures on general linguistics. The linguistic heritage of the XX century*. Moskva: Librokom; 2019. 312 p. (In Russ.)
10. Explanatory dictionary of word-formation units of the Russian language: about 1900 word-formation units. 2nd ed., ispr. Moskva: Astrel; 2005. 439 p. (In Russ.)
11. Izard K. *Human emotions*. Moskva: MGU; 1980. Pp. 9–34. (In Russ.)
12. Kirshinova O.V. *Expressive means of oral speech to express the emotion of «joy»*: dis. kand. filol. nauk; nauch. ruk. L.V. Velichkova. Voronez; 2010. 196 p. (In Russ.)

13. Velichkova L.V., O.V. Abakumova. *The path to language: The data of speech ontogenesis. Bilingualism. Posobie k kursu psiholingvistiki.* Voronezh: Izdatel'sko – poligraficheskij centr VGU. 2010;(1):11. (In Russ.)

Автор публикации

Киришинова Олеся Валерьевна –

кандидат филологических наук, доцент

Воронежский государственный университет

Воронеж, Россия

Email: ilse8@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1217-6033>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14.02.2025

Одобрена после рецензирования: 20.02.2025

Принята к публикации: 28.02.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Kirshinova Olesya Valeryevna –

Candidate of Philology, Associate Professor

Voronezh State University

Voronezh, Russia

Email: ilse8@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1217-6033>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 14.02.2025

Approved after peer reviewing: 20.02.2025

Accepted for publication: 28.02.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.1

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.111-122>

**САРКАЗМ В СЕРИАЛЕ “FRIENDS” И ЕГО ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ И
НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ**

И.М. Рахимбирдиева¹, Е.А. Стерлядева²

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Республика Татарстан, Россия,
Казань*

¹*ilmira-rim@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9915-0065>*

²*sterlyadeva.evgenya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5154-1363>*

Аннотация. Данная работа посвящена анализу способов выражения сарказма в американском сериале “Friends” и его переводу на русский и немецкий языки. Авторами представлены результаты литературного обзора с целью уточнения понятий «ирония», «сарказм», а также «способ перевода» и «стратегия перевода». Цель исследования заключалась в сопоставительном анализе переводов сарказма на русский и немецкий языки и выявлении основных стратегий перевода. Материалом для исследования послужили 288 единиц кинотекста (включая переводы), в ходе анализа которых было установлено, что основными средствами выражения сарказма в сериале “Friends” являются гипербола, риторический вопрос, явное противоречие, полисемия, реже каламбур, полисемия, повтор слов, сравнение и алогизм, в использовании которых наблюдались небольшие отличия в анализируемых языках. При адаптации кинотекстов на русский и немецкий языки были установлены такие стратегии перевода, как повторение, замена, опущение. Был выявлен ряд трудностей при передаче сарказма на другой язык, что подчеркивает важность правильного подбора стратегии передачи сарказма на язык перевода. Однако, исходя из результатов исследования, авторы пришли к общему выводу, что в большинстве случаев явление сарказма не вызывает трудностей в его распознавании и подборе адекватной замены в переводе на другой язык. Как правило, переводчику удастся сохранить комичность высказывания.

Ключевые слова: сарказм; кинотекст; перевод; передача; повторение; замена; опущение

Для цитирования: Рахимбирдиева И.М., Стерлядева Е.А. Сарказм в сериале “Friends” и его перевод на русский и немецкий языки. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 111–122. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.111-122>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.111-122>

SARCASM IN THE TV-SERIES “FRIENDS” AND ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN AND GERMAN

I.M. Rakhimbirdieva¹, E.A. Sterlyadeva²

Kazan (Volga region) federal university, Russia, Kazan

¹*ilmira-rim@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9915-0065>*

²*sterlyadeva.evgenya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5154-1363>*

Abstract. The paper describes the analyzing of types of sarcasm expression in the American TV-series “Friends” and its translation into Russian and German. The authors present the results of literature review to specify the terms “irony”, “sarcasm” as well as “translation method” and “trans-

lation strategy”. The aim of the paper was to conduct a comparative analysis of sarcasm translation into Russian and German, and to identify main translation strategies. The material for the study was 288 unities of film text (including translations), analysis of which established that hyperbole, rethorical questions, explicit contradictions, less frequently – word-play, polysemy, word repetition, comparisons and alogisms are the primary means of expressing sarcasm in “Friends” series. Minor differences were found in analyzed languages. By adapting film texts into Russian and German, strategies such as repetition, substitution and omission were identified. A number of challenges were found when conveying sarcasm into another language, which highlights the importance of choosing an appropriate strategy for translating sarcasm. However, based on research results, the authors concluded that generally sarcastic phenomena do not pose difficulties in recognition and finding suitable replacement in translation. As a rule, translators manage to preserve comic expressions effectively.

Keywords: sarcasm; film text; translation; conveying; repetition; substitution; omission

For citation: Rakhimbirdieva I.M., Sterlyadeva E.A. Sarcasm in the TV-series “Friends” and its translation into Russian and German. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 111–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.111-122>

Чувство юмора – это способ восприятия окружающей нас реальности, оно помогает нам давать оценку каким-либо явлениям, находить несоответствия и противоречия и выражать их в шуточной форме. Одновременно с этим юмор заключает в себе образ мышления народа и имеет специфические особенности в каждой стране. В юморе отражается культура и история страны, образ жизни людей и их традиции, что играет большую роль в их самоидентификации.

Сарказм занимает особое место среди прочих проявлений чувства юмора. Данный феномен содержит эффект противоречивости сказанного по отношению к реальности, а также несет язвительный характер.

Сарказм как комическое высказывание применяется не только в устной речи и художественной литературе, но и в кинематографе. Особенно часто такой прием встречается в комедийных фильмах и сериалах.

Необходимо отметить, что в настоящее время благодаря активному развитию и обмену кинематографического контента между странами индустрия телесериалов стремительно расширяется и вместе с этим необходимо обеспечение качественного перевода для адекватного восприятия такого контента зрителем.

Актуальность работы обуславливается широким распространением сарказма в англоязычных кинопроизведениях комедийного жанра. Однако в современные переводческие исследования не дают системного описания того, ка-

кие приемы и стратегии используются для передачи сарказма на русский и немецкий языки. В данной работе анализируются особенности сарказма в аудиовизуальном тексте и способы его передачи с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов.

На данный момент у лингвистов нет единого мнения о подходе к явлению сарказма. Одни отмечают схожесть сарказма с иронией, часто используя эти понятия как взаимозаменяемые. Для других – сарказм является одним из видов иронии [1, с. 147].

Чтобы понять разницу между этими явлениями, обратимся к определениям этих понятий. Слово *ирония* происходит от греческого слова *eirōneia*, что означает притворство, увертка, насмешка. Ю.Б. Боров традиционно рассматривает иронию как притворство, желание в шутку сказать что-то противоположное по смыслу, но таким образом, чтобы выявить настоящий характер ситуации [2, с. 59].

Понятие *сарказм* восходит к греческому *sarkasmos*, что дословно переводится как «разрывать плоть». «Толковый словарь Ушакова» приводит следующее определение сарказма: «Язвительная насмешка, едкая ирония» [3]. В «Большой российской энциклопедии» мы можем найти такое толкование: «Сарказм – вид комического: суждение, содержащее едкую, язвительную насмешку над изображаемым; высшая степень иронии» [4]. Похожее определение дает А.Н. Чудинов в своем словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка: «Сарказм - колкая, язвительная насмешка, едкая, оскорбительная шутка» [5].

Таким образом, из приведенных нами определений становится ясно, что как ирония, так и сарказм обладают общим внутренним механизмом: оба средства выразительности основаны на противопоставлении сказанного тому, что имелось в виду. Основное различие между ними заключается в контексте использования. Ирония чаще всего используется, чтобы показать чувство юмора и высмеять какую-либо ситуацию. К саркастическим высказываниям мы прибе-

гаем в тех случаях, когда хотим выразить насмешку, уколоть, иногда оскорбить и задеть человека за живое. Такой прием часто используется для высмеивания социальных пороков и злободневных ситуаций.

Некоторые исследователи отмечают, что сарказм в отличие от иронии всегда направлен на кого-то [6, с. 1483]. Они понимают сарказм, как форму иронии, целью которой является выражение критики, но скорее косвенно, чем прямо. Сарказм также представляет собой более острую форму критики, чем ее прямое выражение, но в это же время, по словам М. Топлак и А. Каца намерением говорящего остается показать чувство юмора.

Рассмотрим подробнее, какие языковые средства участвуют в создании саркастического высказывания. Как было замечено ранее, сарказм – это особая форма иронии, а значит оба явления выражаются с помощью одинаковых способов.

А.В. Розсоха заостряет наше внимание на многочисленности и разнообразии языковых средств, задействованных в создании иронии. Тем не менее она выделяет следующие наиболее известные языковые средства: *антифразис, омонимия, полисемия, паронимия, переосмысление стереотипных сочетаний, грубое преувеличение, явное противоречие, повторение слов собеседника, парадфраз* [7, с. 128–130].

К вышеперечисленным языковым средствам можно также добавить *метафору* [8, с. 41], *постоянные эпитеты, неологизмы и архаизмы, смешение стилей* [9, с. 72–73].

Обращаясь к передаче комического в кинотекстах переводчики сталкиваются с рядом трудностей, поэтому в данном случае важен выбор переводческой стратегии [10]. В.Н. Комиссаров обращает наше внимание на то, что стратегия перевода заключается в мышлении самого переводчика [11, с. 249]. В формулировке Х.П. Крингса стратегия перевода определяется планом действий переводчика для решения конкретной проблемы, в рамках конкретной задачи [12, с. 145].

Вместе с тем, необходимо обозначить различия понятий «стратегия перевода» и «прием перевода». Под приемами перевода понимаются конкретные действия для решения определенных переводческих проблем. Их целью является устранение возникающих непосредственно в процессе перевода трудностей [11, с. 249].

Таким образом, под переводческой стратегией понимается общий план действий переводчика, тогда как переводческие приемы подразумевают определенные операции, применяемые в ходе перевода.

Как правило, когда переводчик обращается к той или иной стратегии, перед ним встает выбор между передачей формы и передачей содержания. При переводе комического сохранить сразу оба аспекта удастся лишь в крайне редких случаях. В.Н. Комиссаров обуславливал такое явление различиями в грамматической структуре и лексическом составе двух языков, задействованных в процессе перевода [11, с. 283]. Немаловажным также является отличия в культурных особенностях.

Переводчики сходятся во мнении о том, что проблема передачи комического в аудиовизуальном переводе одной из наиболее непростых задач [13, с. 108].

Рассмотрим, какие стратегии перевода комического предлагают нам исследователи. Так, лингвист Дирк Делабастита представляет следующие стратегии перевода:

1. Замена
2. Повторение
3. Опускание
4. Добавление
5. Компенсация [14, с. 14].

Рассмотрев основные понятия, составляющие теоретическую базу нашего исследования, хотелось бы перейти к описанию результатов, полученных нами в ходе практического исследования. Основной целью нашей работы мы видели

анализ перевода английского сарказма в сериале «Friends» на русский и немецкий языки.

Одним из самых культовых сериалов жанра ситком принято считать американский сериал “Friends” (в переводе на русский язык «Друзья») телеканала NBC. В России премьера сериала состоялась в конце 90-х годов. В этой работе мы рассматриваем перевод, выполненный студией «Нота» по заказу телеканалов «РТР» и «СТС». В Германии сериал был переведен компанией “Arena Synchron” и в 1996 году появился в эфире телеканала “ProSieben”.

Общий объем отобранного нами материала составили кинотексты ситуационной комедии «Friends» и их переводы на русский и немецкий языки. Методом сплошной выборки было выделено 288 единиц (включая переводы).

При написании диалогов, а также формировании образов персонажей авторы ситкома “Friends” обращались к широкому спектру самых разнообразных способов создания сарказма. В рамках данной работы нам удалось проанализировать то, как сарказм выражается в разных языках на том или ином языковом уровне. В процессе проведенного анализа нами были установлены различия между оригинальным кинотекстом и его переводами, а также некоторые соответствия.

Исследование показало, что распространенным способом создания саркастического высказывания в английском языке является гипербола (21 языковая иллюстрация из 96). Так, проанализируем следующий диалог между Джоуи и Чандлером, когда один из них собирается к портному:

Joey: Hey, Chandler, when you see Frankie tell him Joey Tribbiani says hello. He'll know what it means.

*Chandler: You sure he's going to **crack that code**?*

В данном фрагменте сарказм ситуации придает противопоставление слов “hello” и “code”, которое и создает эффект преувеличения сложности сообщения, которое хочет передать Джоуи.

Вторым по частотности способов среди проанализированных примеров является риторический вопрос (10 языковых иллюстраций из 96). Например, обратимся к ситуации, когда Рейчел находит в своей почте бесплатный образец кофе:

Rachel: Oh cool. A free sample of coffee.

*Monica: Oh good, because **where else would we get any?***

Еще одним наиболее широко представленным средством является явное противоречие (8 из 96). Например, в одном из эпизодов герои обсуждали то, как они провели предыдущий день. Обратимся к реплике Рейчел:

*Rachel: Well, you ladies are not the only ones **living the dream**. I get to go **pour coffee for people I don't know**. Don't wait up.*

Другие языковые средства создания сарказма встречаются реже, тем не менее они также являются яркими примерами саркастичного характера выражения. К таким средствам мы можем отнести полисемию (7 из 96). Также весьма интересен каламбур, как способ создания сарказма (6 из 96). Реже встречаются случаи, когда сарказм образуется при помощи сравнения (4 из 96) и алогизмов (4 из 96). Самым редким средством создания саркастического эффекта является повторение слов собеседника (2 из 96).

При переводе на русский язык для достижения саркастического эффекта использовались такие средства, как гипербола (26 языковых иллюстраций), риторический вопрос (8), явное противоречие (5), алогизм (6), сравнение (4), полисемия (3), повторение слов и использование антонимов (по 2 языковые единицы).

В немецком переводе сериала были установлены следующие языковые средства выражения сарказма: гипербола (20 языковых иллюстраций), риторический вопрос (8), противоречие и алогизм (по 6), каламбур (4), сравнение (4), полисемия (3).

Как можно заметить, сарказм как в оригинальном тексте, так и в его переводах, в своем большинстве был выражен одинаковыми языковыми средствами: при помощи гиперболы, риторического вопроса и противоречия. Чуть реже встречаются полисемия, алогизм и повторение слов. Наибольшую вариатив-

ность средств выразительности мы можем наблюдать в русском языке: в этом переводе могут также встречаться перифразы, паронимы, олицетворения. При этом, в отличие от английского и немецкого кинотекстов, для русского дубляжа не характерно использование каламбуров. По итогу небольшого исследования на материале одного сериала с его переводами мы можем прийти к заключению, что построение сарказма в разных языках превалирующе основывается на одинаковых средствах выразительности, а значит и в понимании данного явления не будут прослеживаться серьезные отличия.

Следующая задача, которую мы ставили перед собой в нашем исследовании, заключалась в том, чтобы проанализировать, какие стратегии перевода использовались для передачи сарказма с английского на русский и немецкий языки. В ходе сопоставительного анализа мы выяснили, что большая часть всех саркастических контекстов была переведена на русский язык путем повторения (72%). То есть как в оригинале, так и в переводе на русский язык используется одно и то же средство создания сарказма.

Рассмотрим следующую языковую иллюстрацию:

Ross: Anyway, if you don't feel like being alone tonight, Joey and Chandler are coming over to put together my new furniture.

*Chandler: Yes, and we're **very excited** about it.*

Перевод на русский язык выглядит следующим образом:

Росс: Знаешь, если не хочется быть одной, поехали ко мне. Джо и Чандлер тоже приедут – хотят помочь мне собрать новую мебель.

*Чандлер: **Просто мечтаем.***

В данном случае сарказм выражается в простом преувеличении и при переводе не возникло трудностей в подборе аналогичного средства в русском языке.

Мы можем увидеть, что в переводе были соблюдены все лексические и грамматические особенности высказывания. Понять, что эта реплика произносится с сарказмом, можно только услышав интонацию героя.

Гораздо менее распространенным способом является замена (22%), то есть подбор в переводе равноценного элемента. Вместе с этим нам не удалось выявить закономерности используемых эквивалентов в переводе относительно оригинала.

Так, например, в уже знакомом нам примере такое средство, как риторический вопрос, заменяется в переводе сравнением:

Coworker: How is it going?

Chandler: Dehydrated Japanese noodles under fluorescent lights. Does it get any better than this?

Перевод на русский язык выглядит следующим образом:

Коллега: Как дела?

Чандлер: Как у льда на сковородке. Проще говоря, хотелось бы, чтобы было намного лучше.

Самой интересной группой стал прием опущения, когда перевод полностью утрачивает саркастический характер высказывания (5%).

При адаптации на немецкий язык переводчикам также удалось сохранить основную часть всех саркастических контекстов, при этом избежав потери самой формы высказывания (79%). Обратимся к примеру, который иллюстрирует способ перевода с помощью повторения:

*Chandler: Now, remember, no trading. You get **the pretty one**, I get **the mess**.*

Перевод на немецкий язык выглядит следующим образом:

*Chandler: Ok, und merk dir bitte, kein Tauschhandel. Du kriegst **die Hübsche** und ich krieg **den Zombie**.*

В этой ситуации Чандлер иронизирует над предстоящим двойным свиданием. Мы можем наблюдать четкое противопоставление антонимов как в английском, так и в немецком языке. Переводчику удалось подобрать адекватные эквиваленты и сохранить структуру предложения.

Следующий группой перевода являются замены, которые также встречаются значительно реже (17%). Анализируя перевод на немецкий язык, нам тоже

не удалось выявить конкретных закономерностей в подборе эквивалентов. Можно предположить, что переводчик выбирал наиболее удачные варианты перевода, восполняющие комический эффект. Рассмотрим такой пример:

Phoebe: You guys, you know what I just realized? “Joker” is “poker” with a “J”. Coincidence?

Chandler: Hey, that’s “jo-incidence” with a “C”.

Перевод на немецкий язык выглядит следующим образом:

Phoebe: Hey, wisst ihr denn, was mir aufgefallen ist? „Joker“ ist „Poker“ mit einem „J“. Einfach stark, nicht?

Chandler: Hey, das ist stark mit einem „Qu“.

В данном случае в переводе вместо алогизма был использован каламбур. Структура шутки была выдержана, однако полное сохранение формы передачи сарказма могло вызвать недоумение у зрителя. Поэтому каламбур в этом контексте стал отличным решением.

Последнюю группу составляют диалоги с полным опущением саркастического эффекта (3%). В сравнении с русской адаптацией в немецком языке таких случаев было выявлено несколько меньше.

Проанализировав приведенные языковые иллюстрации в переводе как на русский, так и на немецкий языки, мы можем прийти к выводу, что в большинстве случаев явление сарказма не вызывает трудностей в его распознавании и подборе адекватной замены в переводе на другой язык. Как правило переводчику удастся сохранить содержание, то есть комичность высказывания, при этом не изменив его формы. Следует отметить, что в немецком языке при переводе с английского удастся более точно передать лексико-грамматическую форму высказывания ввиду того, что оба языка принадлежат одной языковой группе.

В ходе исследования были также выявлены немногочисленные случаи частичных замен, а также добавления.

Таким образом, подводя итоги нашего исследования, отметим, что перевод сарказма все же сопровождается рядом трудностей, в том числе если в репликах фигурируют реалии. В этой связи безусловно важен выбор правильных переводческих приемов и стратегий. Несмотря на некоторые несоответствия, мы можем заметить, что сарказм в разных лингвокультурах очень похож, поэтому чаще всего в переводе все же удастся одновременно сохранить как форму, так и содержание высказывания.

Список литературы

1. Вавилова Т.В. О понятии сарказма. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2010;17(596):147–155.
2. Боров Ю.Б. *Эстетика*. М.: Высш. Шк.; 2002. 511 с.
3. Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=67883> (дата обращения: 20.12.2024).
4. Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/sarkazm-95da69> (дата обращения: 20.12.2024).
5. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 19.12.2024).
6. Toplak M., Katz A. On the Uses of Sarcastic Irony. *Journal of Pragmatics*. 2000;32(10):1467–1488.
7. Розсоха А.В. Ирония: история изучения и способы текстовой реализации. Коммуникация в современном мире. *Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка*. 2010;2(189):125–132.
8. Шилихина К.М. Метафора и ирония. *Вестник ВГУ. серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2009;2:39–42.
9. Пивоев В.М. *Ирония как феномен культуры*: монография. Изд. 2-ое. М.; Берлин: Директ Медиа; 2017. 112 с.
10. Iusupova L., Kuzmina O. Übersetzung von Realia aus englischen und deutschen Medientexten ins Russische. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(3):405–414.
11. Комиссаров В.Н. *Современное переводоведение*. М.: ЭТС; 1999. 424 с.
12. Krings H.P. *Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht: Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern*. Tübingen: Narr; 1986. 570 S.
13. Арнольд И.В. *Стилистика. Современный английский язык*. 13-е изд. стер. М.: ФЛИНТА; 2016. 384 с.
14. Delabastita D. Cross-language comedy in Shakespeare. *Humor – International Journal of Humor Research*. 2005;18(2):161–184.

References

1. Vavilova T.V. About the notion of sarcasm. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 2010;17(596):147–155. (in Russ).
2. Borev Yu.B. *Aesthetics*. M.: Vyssh. Shk.; 2002. 511 p. (in Russ).
3. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Available from: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=67883> (accessed: 20.12.2024). (in Russ).
4. Great Russian Encyclopedia. Available from: <https://bigenc.ru/c/sarkazm-95da69> (accessed: 20.12.2024). (in Russian).
5. Dictionary of foreign words included in the Russian language. Available from: <http://dic.academic.ru> (accessed: 19.12.2024). (in Russian).

6. Toplak M., Katz A. On the Uses of Sarcastic Irony. *Journal of Pragmatics*. 2000;32(10):1467–1488. (in Eng).
7. Rozsokha A.V. Irony: the history of learning and ways of textual implementation. Communication in the modern world. *Bulletin of LNU named after Taras Shevchenko*. 2010;2(189):125–132. (in Russ).
8. Shilikhina K.M. Metaphor and irony. *Proceedings of Voronezh state university*. Series: Linguistics and intercultural communication. 2009;2:39–42. (in Russ).
9. Pivoev V.M. *Irony as a cultural phenomenon*: monografiya. Izd. 2-oe. M.; Berlin: Direkt Media; 2017. 112 p. (in Russ).
10. Iusupova L., Kuzmina O. Übersetzung von Realia aus englischen und deutschen Medientexten ins Russische. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(3):405–414. (in German).
11. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie*. M.: ETS.; 1999. 424 p. (in Russ).
12. Krings H.P. *Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht: Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern*. Tübingen: Narr; 1986. 570 p. (in German).
13. Arnol'd I.V. *Stylistics. Modern English*. 13-e izd. ster. M.: FLINTA; 2016. 384 p. (in Russ).
14. Delabastita D. Cross-language comedy in Shakespeare. *Humor – International Journal of Humor Research*. 2005;18(2):161–184. (in Eng).

Авторы публикации

Рахимбирдиева Ильмира Мухарямовна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: ilmira-rim@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-9915-0065>

Стерляева Евгения Александровна –
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: sterlyadeva.evgenya@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-5154-1363>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.02.2025
Одобрена после рецензирования: 20.02.2025
Принята к публикации: 28.02.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Rakhimbirdieva Ilmira Moukharyamovna –
Phd. Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: ilmira-rim@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-9915-0065>

Sterlyadeva Evgenia Aleksandrovna –
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: sterlyadeva.evgenya@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-5154-1363>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 10.02.2025
Approved after peer reviewing: 20.02.2025
Accepted for publication: 28.02.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.11

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.123-132>

**ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ СФЕРЫ
НОЗОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Л.Р. Сакаева¹, Л.В. Базарова², С.С. Тахтарова³

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан,
Россия*

¹*liliyasakaeva@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9624-8937>*

²*bazarova_lv@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1029-0673>*

³*SSTahtarova@kpfu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9268-6892>*

Аннотация. Статья посвящена особенностям функционирования метафорических терминов области «Нозология» в английском языке. Задачи исследования включают в себя выявление метафорических терминов нозологии в современном английском языке, анализ их семантики с указанием сфер-источников метафорического переноса и групп заболеваний, которые они обозначают. Гипотеза статьи – метафорические термины сферы нозологии связаны с общим контекстом медицинской терминологии, опираются на номинации органов человеческого тела и т.д. Рассматриваются принципы осуществления метафорического переноса для создания терминов, характеризуются сферы-источники формирования метафорических терминов. Методология исследования подразумевает изучение особенностей формирования метафорических терминов сферы нозологии на материале современного английского языка. В рамках статьи выявлены и проанализированы 55 примеров метафорических терминов сферы нозологии, которые обозначают инфекционные болезни, болезни эндокринной системы, психические заболевания, болезни нервной системы, болезни органов зрения, болезни органов дыхания, аномалии развития тела, оториноларингологические болезни, болезни сердца, болезни дыхательной системы. Для проведения анализа метафорические термины разделены по сферам-источникам, с указанием тематической принадлежности каждой рассмотренной единицы, что позволяет показать, как именно осуществлялся метафорический перенос.

Ключевые слова: термин; метафорический термин; нозология; сфера-источник; медицинская терминология

Для цитирования: Сакаева Л.Р., Базарова Л.В., Тахтарова С.С. Особенности метафорических терминов сферы нозологии в современном английском языке. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 123–132. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.123-132>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.123-132>

METAPHORICAL TERMS IN ENGLISH IN THE LANGUAGE OF NOSOLOGY

L.R. Sakaeva¹, L.V. Bazarova², S.S. Tahtarova³

Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹*liliyasakaeva@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9624-8937>*

²*bazarova_lv@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1029-0673>*

³*SSTahtarova@kpfu.ru <http://orcid.org/0000-0002-9268-6892>*

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the functioning of metaphorical terms in the sphere of nosology in the English language. The objectives of the study include the identification of metaphorical terms of nosology in modern English, analysis of their semantics with the indication of spheres-sources of metaphorical transfer and groups of diseases they denote. The hypothesis of the article is that metaphorical terms of nosology sphere are connected with the general context of medical terminology, rely on nominations of human body organs, etc. The principles of implementing metaphorical transfer for creating terms are considered, and the source spheres of the metaphorical terms' formation are characterized. The methodology of the research implies the study of the peculiarities of the formation of metaphorical terms of the sphere of nosology on the material of modern English. The article identifies and analyzes 55 examples of metaphorical terms of the sphere of nosology, which denote infectious diseases, diseases of the endocrine system, mental diseases, diseases of the nervous system, diseases of the visual organs, diseases of the respiratory system, anomalies of body development, otorhinolaryngological diseases, diseases of the heart, diseases of the respiratory system. In order to analyze the metaphorical terms, they are divided by source spheres, indicating the thematic affiliation of each unit considered, which allows us to show how exactly the metaphorical transfer was carried out.

Keywords: term; metaphorical term; nosology; source sphere; medical terminology

For citation: Sakaeva L.R., Bazarova L.V., Tahtarova S.S. Metaphorical Terms in English in the Language of Nosology. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 123–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.123-132>

Термины как компоненты лексической системы языка характеризуются непосредственными связями с предметными областями, феномены которых они называют. По этой причине, выделяются, например, медицинские термины, которые применяются для обозначения различных феноменов, процессов, особенностей, связанных с медициной, диагностикой и лечением болезней.

При изучении терминологического состава той или иной области особого внимания заслуживают метафорические термины, так как они являются результатом когнитивных процессов, происходящих в человеческом сознании. В основе формирования метафорических терминов лежит метафорический перенос:

при назывании человек опирается на возникающие в его сознании ассоциации, которые строятся на принципе подобия феноменов различных областей [1, с. 380].

Метафорические термины как номинативный феномен представляют собой результат вторичной номинации, так как при их создании не формируются новые лексические единицы, но используются уже существующие, с добавлением нового значения, напрямую связанного с конкретной предметной областью. При этом, именно построенные на ассоциативном восприятии реальности и ее интерпретации термины могут быть наиболее эффективны и точны в номинации тех или иных феноменов [2, с. 41]. Не являются исключением и термины нозологии, которые опираются на контекст и структуру медицинского дискурса.

При формировании метафорических терминов наибольшую продуктивность показывают две стратегии. Первая из них представляет собой процесс перехода терминов из одной предметной области в другую, в рамках чего они приобретают дополнительные компоненты значения, в границах конкретных профессиональных сфер. Этот процесс носит название «ретерминологизация», в рамках чего под влиянием предметной области осуществляется переосмысление значения термина [3, с. 69]. Вторая стратегия формирования метафорических терминов подразумевает терминологизацию значений общеупотребительных единиц в качестве отдельно взятых слов либо в качестве компонентов метафорических терминов-словосочетаний [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 115].

При этом, метафорические термины обладают рядом отличительных признаков и свойств. Как и терминам в целом, метафорическим терминам присуща однозначность и смысловая точность. В отличие от метафоры, которая также формируется посредством метафорического переноса, метафорические термины отличаются нейтральностью значения и контекстуальной независимостью. Однако, метафорический перенос и прослеживаемые в нем ассоциации подразумевают более простую интерпретацию значения, заложенного в термины этого типа, что делает более прозрачной мотивацию их значений [5, с. 24]. При

этом, при интерпретации метафорических терминов устанавливаются сферы-источники, компоненты которых были применены в терминодеривации и метафорическом переносе. Реципиентной сферой при этом является та предметная область, состав которой изучается [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 75]. В проводимом исследовании реципиентной сферой является медицинская терминология и терминосистема нозологии.

Актуальность статьи состоит в том, что интерес к особенностям номинации, к терминодеривации сохраняется в лингвистике, и изучение роли метафорических терминов в сфере нозологии представляет исследовательский интерес. Цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать особенности метафорических терминов сферы нозологии в современном английском языке. Задачи исследования включают в себя выявление метафорических терминов нозологии в современном английском языке, анализ их семантики с указанием сфер-источников метафорического переноса и групп заболеваний, которые они обозначают. Гипотеза статьи – метафорические термины сферы нозологии связаны с общим контекстом медицинской терминологии, опираются на номинации органов человеческого тела и т.д.

Методология исследования подразумевает изучение особенностей формирования метафорических терминов сферы нозологии на материале современного английского языка. Для проведения исследования изучены материалы МКБ-11 на английском языке [6].

В ходе исследования выявлены 55 примеров метафорических терминов сферы нозологии, которые обозначают инфекционные болезни, болезни эндокринной системы, психические заболевания, болезни нервной системы, болезни органов зрения, болезни органов дыхания, аномалии развития тела, оториноларингологические болезни, болезни сердца, болезни дыхательной системы. Для проведения анализа метафорические термины разделены по сферам-источникам, с указанием тематической принадлежности каждой рассмотренной

единицы, что позволяет показать, как именно осуществлялся метафорический перенос.

В ходе изучения значений метафорических терминов сферы нозологии и моделей их формирования установлено, что они образованы посредством использования различных сфер-источников.

Сфера-источник «бытовые предметы»

Acute rheumatic fever (острая ревматическая лихорадка). В этом термине метафорическим компонентом является первый компонент – определение «acute». При создании этого термина было терминологизировано общеупотребительное прилагательное «acute», которое в прямом значении обозначает остроту предмета, в медицинском дискурсе – ярко выраженное болезненное состояние человека.

Accessory rib (дополнительное ребро). В основе значения этого термина лежит терминологизация общеупотребительного существительного «accessory». В медицинской терминологии оно указывает на аномалию формирования организма человека, так как обозначает дополнительный элемент костного состава.

Сфера-источник «природа»

Carbuncle (бородавка, язва). Этот метафорический термин является результатом метафоризации общеупотребительного существительного «carbuncle», связанного с природой. В сфере-источнике он обозначает драгоценный камень. В медицинской терминологии – наросты на коже, бородавки, язвы.

Cat-scratch disease (болезнь кошачьих царапин, феллиноз). В структуре данного термина напрямую указывается, что является источником заболевания. Он построен на терминологизации существительного «cat scratch».

Cauliflower ear (деформированная ушная раковина). Источником формирования этого метафорического термина является природа, на что указывает значение первого компонента термина-словосочетания. В своем изначальном значении он используется для обозначения цветной капусты. В медицинской

терминологии он указывает на факт деформации ушной раковины, то есть, метафорический перенос построен по принципу сходства формы.

Сфера-источник «действия человека»

Whooping cough (коклюш). Метафорическая природа термина проявляется в значении его первого компонента. Причастие «whooping» в своем прямом значении связано с действиями человека, обозначает шумные возгласы, ликования, крики. В структуре нозологического термина этот компонент указывает на громкий сложно купируемый кашель, свойственный обозначаемому заболеванию.

Сфера-источник «техника»

Impaired glucose tolerance (нарушение толерантности к глюкозе). В структуре этого термина-словосочетания метафорическим является компонент «tolerance». В сфере техники он обозначает стойкость, допустимый предел воздействия, что указывает на ретерминологизацию данной единицы: в сфере медицины она обозначает способность организма сопротивляться воздействию вещества и находить нужный для здоровья баланс.

Fluid overload (перегрузка жидкостью, гиперволемия). Данный термин также является результатом ретерминологизации, компонент «overload» связан с терминологической сферой техники, где обозначает перегруженность. В медицинской терминологии он указывает на избыточное присутствие жидкости в человеческом теле.

Mitral valve rupture (перфорация митрального клапана). Метафорическим компонентом в этом термине-словосочетании является существительное «rupture». В сфере техники оно обозначает разрыв, в сфере медицины в результате ретерминологизации оно получает значение «перфорация», что также подразумевает деформацию ткани и ее разрушение.

Сфера-источник «физика»

Disorders of lipid absorption (нарушения липидной абсорбции). Метафорическим компонентом в этом словосочетании является «absorption». Он является результатом ретерминологизации из сферы физики, где обозначает поглощение.

В контексте медицины этот термин используется для обозначения расщепления химического вещества в организме человека.

Nerve root and plexus compressions (компрессия нервных корешков и сплетений). При формировании этого метафорического термина-словосочетания также используется ретерминологизация: компонент «compression» был перенесен в медицинскую терминологию из сферы физики, где обозначает сжатие. В области медицины он обозначает сдавливание, которое негативно сказывается на работе внутренних органов.

Orbital inflammatory syndrome (орбитальный воспалительный синдром). В структуре этого метафорического термина-словосочетания следует отметить компонент «inflammatory». Он является результатом ретерминологизации из области физики, где обозначает воспламенение. В медицинской сфере он используется для описания воспалительного процесса.

Сфера-источник «анатомия человека»

Restless legs syndrome (синдром беспокойных ног). Этот термин содержит в себе метафорический компонент «restless legs», который семантически связан с предметной областью анатомии человека, что свидетельствует о применении ретерминологизации при создании этого термина. При этом, в структуре данного термина также напрямую раскрывается, в чем именно состоят проявления обозначаемого заболевания.

В Таблице 1 представлено распределение метафорических терминов сферы нозологии по реципиентным сферам.

Таблица 1 – Распределение англоязычных метафорических терминов сферы нозологии по реципиентным сферам

Наименование реципиентной сферы	Количество метафорических терминов
Инфекционные заболевания	10
Болезни эндокринной системы	8
Психические заболевания	4
Болезни нервной системы	4
Болезни органов зрения	2

Аномалии развития организма	4
Болезни оториноларингологии	9
Болезни сердца	7
Болезни дыхательной системы	7

В Таблице 2 представлено распределение метафорических терминов сферы нозологии по сферам-источникам.

Таблица 2 – Распределение англоязычных метафорических терминов сферы нозологии по сферам-источникам

Наименование сферы-источника	Количество метафорических терминов
Бытовые предметы	5
Природа	8
Действия человека	4
Техника	18
Физика	17
Анатомия	3

Выводы

Проведенное исследование показало, что метафорические термины играют важную роль в построении нозологической терминологии в современном английском языке [8,9,10,11]. Они позволяют более четко, с опорой на ассоциации, построить терминологические номинации различных болезней и патологических состояний человека. Установлено, что метафорические термины распространены в различных нозологических сферах, наиболее часто они представлены в номинации болезней оториноларингологических органов, болезней сердца и дыхательной системы. Сферы-источники метафорических нозологических терминов также многочисленны. Однако преобладающую роль играют такие сферы как «техника» и «физика». Тем самым, гипотеза статьи нашла свое подтверждение при проведении анализа: метафорические термины – важный компонент нозологической терминологии в английском языке, в то время как источники метафорического переноса при их формировании –многочисленны.

Список литературы

1. МакКормак Э. *Когнитивная теория метафоры*. М.: Прогресс; 1990. С. 358–386.
2. Знаменская Т.А. Явление ретерминологизации в формировании терминов политологии. *Молодой ученый*. 2015;10-5(90):40–41.
3. Алейникова Т.В. Ретерминологизация лексических единиц (на примере англоязычных терминов нефтегазового дискурса). *Казанская наука*. 2022;1:69–71.
4. Козловская Н.В. Транстерминологизация в сфере искусственного интеллекта: к постановке вопроса о субтерминологии. *Art Logos*. 2023;3(24):98–118.
5. Жерденовская А.В. Автомобильные метафорические термины в английском и русском языках. *Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности*. Донецк: Донецкий национальный университет; 2024. С. 22–24.
6. Матвеева Л.А. Области-доноры для метафорических англоязычных экономических терминов. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2016;3(25):71–76.
7. Международная классификация болезней, версия 11. URL: <https://icd.who.int/en> (дата обращения: 18.02.2025).
8. Sakaeva L. R., Yahin M. A., Mensah D., Fatkullina F.G. The peculiarities of translation of official business plans from English into Russian. *Opcion*. 2019;3(23):433–447.
9. Sakaeva L.R., Yalalova R.R. Structural-grammatical peculiarities of phraseological units characterizing disease - Health in the English, German and Russian languages. *Life Science Journal*. 2014;11(5):547–550.
10. Sakaeva L.R., Yahin M.A., Ermolenko A.Yu., Bazarova L.V. Translation features of author neologisms on the example of modern English prose. *Revista San Gregorio*. 2018;23:108.
11. Фаткуллина Ф. Г. О категориальном значении имени существительного. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(3):394–404.

References

1. MacKormak E.A. Cognitive theory of metaphor. M.Progress; 1990. Pp. 358–386. (In Russ.)
2. Znamenskaya T.A. The phenomenon of reterminologization in the formation of political science terms. *Molodoi ucheniy*. 2015;10-5(90):40–41. (In Russ.)
3. Aleinikova T.V. Re-terminologization of lexical units (on the example of English-language terms of oil and gas discourse). *Kazanskaya nauka*. 2022;1:69–71. (In Russ.)
4. Kozlovskaya N.V. Transterminologization in the field of artificial intelligence: raising the question of subterminology. *Art Logos*. 2023;3(24):98–118.
5. Zerdenovskaya A.V. Automobile metaphorical terms in English and Russian languages. *Donezkie chteniya 2024: obrazovanie, nauka, innovacii, kultura I vizovi sovremennosti*. Doneck; 2024. Pp. 22–24. (In Russ.)
6. Matveeva L.A. Donor domains for metaphorical English-language economic terms. *Nauka o cheloveke*. 2016;3(25):71–76. (In Russ.)
7. International Classification of Diseases, version 11. Available from: <https://icd.who.int/en> (accessed: 18.02.2025). (In Russ.)
8. Sakaeva L. R., Yahin M. A., Mensah D., Fatkullina F.G. The peculiarities of translation of official business plans from English into Russian. *Opcion*. 2019;3(23):433–447.
9. Sakaeva L.R., Yalalova R.R. Structural-grammatical peculiarities of phraseological units characterizing disease - Health in the English, German and Russian languages. *Life Science Journal*. 2014;11(5):547–550.
10. Sakaeva L.R., Yahin M.A., Ermolenko A.Yu., Bazarova L.V. Translation features of author neologisms on the example of modern English prose. *Revista San Gregorio*. 2018;23:108.
11. Fatkullina F.G. On the Categorical Meaning of the Noun. *Kazan Linguistic Journal*. 2024; 7(3):394–404. (In Russ.)

Сакаева Лилия Радиковна –

доктор филологических наук, профессор
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: liliyasakaeva@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9624-8937>

Базарова Лилия Вязировна –

кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: bazarova_lv@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1029-0673>

Тахтарова Светлана Салаватовна –

доктор филологических наук, профессор
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: SSTahtarova@kpfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20.02.2025
Одобрена после рецензирования: 25.02.2025
Принята к публикации: 28.02.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Sakaeva Liliya Radikovna –

Doctor of philology, Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: liliyasakaeva@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9624-8937>

Bazarova Liliya Vyazirovna –

PhD, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: bazarova_lv@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1029-0673>

Tahtarova Svetlana Salavatovna –

Doctor of Science, professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: SSTahtarova@kpfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 20.02.2025
Approved after peer reviewing: 25.02.2025
Accepted for publication: 28.02.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81'255.2

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.133-145>

**ПЕРЕДАЧА ЭКСПРЕССИВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ СКАЗОК Б. КЛАВЕЛЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК:
СИНТАКСИЧЕСКИЙ И ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Е.А. Хорошева¹, Е.В. Савина²

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Саранск, Россия

¹*Katerina-Skoptsova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4898-0605>*

²*Elena-Savina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5935-3538>*

Аннотация. Значимость данной статьи обусловлена возникающими трудностями при передаче средств образности и средств художественной выразительности в особом жанре – современной литературной сказке. Эмпирической базой послужили литературные сказки «Le hibou qui avait avalé la Lune» (1981), «Odile et le vent du large» (1981), «Le voyage de la boule de neige» (1987), «Le roi des poissons» (1987) современного французского писателя Б. Клавеля (1923–2010) и их переводы, выполненные Н. Бродских, И. Волевич, Ю. Стефанова. В статье выявлены и проанализированы основные особенности репрезентации эмоционального компонента в двух ипостасях – на синтаксическом и фонетическом уровнях – при переводе французских литературных сказок Б. Клавеля. Анализ передачи экспрессивности фигур речи представлен через призму трансформаций – стилистическое соответствие, стилистическое усиление, стилистическая индивидуализация, стилистическая замена-инверсия, стилистическое ослабление. Методология изучения индивидуального авторского стиля писателя позволила выявить наиболее продуктивные стилистические трансформации при передаче эмоциональной составляющей. Таким образом, был намечен вектор переводческих исследований современной литературной французской сказки в ракурсе репрезентации эмоционального компонента на русский язык.

Ключевые слова: современная литературная сказка; передача экспрессивности; стилистическое соответствие; стилистическое усиление; стилистическая индивидуализация; стилистическая замена-инверсия; стилистическое ослабление

Для цитирования: Хорошева Е.А., Савина Е.В. Передача экспрессивности современных литературных сказок Б. Клавеля на русский язык: синтаксический и фонетический аспекты. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 133–145. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.133-145>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.133-145>

**REPRESENTATION OF EXPRESSIVENESS OF BERNARD
CLAVEL'S MODERN LITERARY FAIRY TALES IN RUSSIAN
LANGUAGE: SYNTACTIC AND PHONETIC ASPECTS**

E.A. Khorosheva¹, E.V. Savina²

National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

¹*Katerina-Skoptsova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4898-0605>*

²*Elena-Savina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5935-3538>*

Abstract. The significance of this article is due to the difficulties encountered in conveying the means of imagery and the means of artistic expression in a special genre - the modern literary

fairy tale. The empirical base for this study was the literary fairy tales “Le hibou qui avait avalé la Lune” (1981), “Odile et le vent du large” (1981), “Le voyage de la boule de la neige” (1987), “Le roi des poissons” (1987) by the contemporary French writer Bernard Clavel (1923–2010) and their translations by N. Brodskikh, I. Volevich, Y. Stefanov. The article identifies and analyzes the main features of the representation of the emotional component in two aspects – at the syntactic and phonetic levels – in the translation of Bernard Clavel’s literary French fairy tales. The analysis of the transfer of expressiveness of figures of speech is presented through the prism of transformations: stylistic correspondence, stylistic reinforcement, stylistic individualization, stylistic substitution-inversion and stylistic weakening. The methodology of studying the individual authorial style of the writer has made it possible to identify the most productive stylistic transformations in conveying the emotional component. Thus, the vector of translation studies of modern literary French fairy tales in the perspective of representation of the emotional component in Russian has been outlined.

Keywords: modern literary fairy tale; transfer of expressiveness; stylistic correspondence; stylistic reinforcement; stylistic individualization; stylistic substitution-inversion; stylistic weakening

For citation: Khorosheva E.A., Savina E.V. Representation of Expressiveness of Bernard Clavel’s Modern Literary Fairy Tales in Russian Language: Syntactic and Phonetic Aspects. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 133–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.133-145>

Сказка – жемчужина мудрости веков. Она транслирует умения, навыки, передает представление о действительности, бытие и индивидууме. Благодаря эмоциональному воздействию сказка фиксируется в памяти и закладывает знания и опыт.

Сказка являлась предметом анализа многих ученых. В частности, Ю.М. Брауде [1, с. 1–10], Е.Н. Ковтун [2], Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий [3] рассматривают сказку как литературный дискурс, что в границах исторического контекста выполняет прагматическую функцию речевого воздействия на социальное и языковое поведение личности в обществе. Г.В. Порческу изучает различные подходы к переводу данного литературного жанра, выделяя две стратегии перевода. Первая стратегия стремится к точности в передаче смысла и формы оригинала, вторая же допускает отступления в деталях при сохранении основной сюжетной линии, решая развлекательно-познавательную и воспитательные функции [4, с. 183]. Э.Ю. Новикова анализирует проблематику перевода сказочной литературы с точки зрения лингвокультурной вариативности, адаптации, локализации [5] Итак, литератур-

ная сказка рассматривалась в основном лишь с позиций литературоведения и в ракурсе констатации общих тенденций переводоведения.

Актуальным является анализ литературных сказок Б. Клавеля, с выявлением уникальных черт идиостиля писателя, в статье К.В. Старинновой, Е.А. Хорошевой [6, с. 255–260]. Детальной представлена репрезентация на русский язык экспрессивности французских сказок Б. Клавеля на лексическом уровне в статье Е.В. Савиной [7, с. 258–270].

Следовательно, ранее проводимые исследования в данной области отражают недостаточность в рассмотрении французской литературной сказки в переводческом ракурсе.

В статье нами предпринята попытка анализа перевода современных литературных сказок Б. Клавеля («Le hibou qui avait avalé la Lune», 1981; «Odile et le vent du large», 1981; «Le voyage de la boule de neige», 1987; «Le roi des poissons», 1987) в аспекте передачи экспрессивности на синтаксическом и фонетическом уровнях.

Мы придерживаемся точки зрения А. Поповича («Проблемы художественного перевода», 1980) о классификации стилистических изменений в переводе. По мнению ученого, она представлена следующим образом: стилистическое соответствие, стилистическая субституция, стилистическая замена-инверсия, стилистическое усиление, стилистическая типизация, стилистическая индивидуализация, стилистическое ослабление, стилистическая нивелировка, стилистическая утрата [8].

Передача экспрессивности на синтаксическом уровне

Проанализируем передачу эмоционального компонента на переводящем языке в выявленных нами художественных приемах.

Анафора

“C'est toi qui m'as amenée ici, c'est toi qui m'as pris mon bateau, et voilà que tu effaces mon dessin” [9, с. 24]. – «Мало того, что заманил меня сюда, мало того, что угнал мою лодочку, – теперь ты еще взялся стирать мой рисунок!»

(Перевод Ю. Стефанова) [9, с. 24]. В рассматриваемом случае оригинал предложения звучит менее экспрессивно, нежели перевод Ю. Стефанова *Мало того, что заманил меня сюда, мало того, что угнал мою лодочку*, за счет приема стилистического усиления. Переводчик нарочито накаляет атмосферу, добавляя вводные слова *Мало того*, и таким образом акцентирует внимание на субъективности выражения, подчеркивает недовольство, раздражение и гнев главной героини. Художественный прием позволяет раскрыть полноту картины, приблизиться к сказочной действительности, ощутить приближающийся конфликт, услышать разногласия персонажей и извлечь мудрость сказания. Ю. Стефанов успешно усилил эффект выражения, увеличил образность высказывания, изменив наполняемость предложения, но не утрачивая семантическую ценность оригинала Б. Клавеля.

“Eh bien, les hommes qui ne pensait qu’à manger, les hommes qui sont plus gourmands que les ours, ont compris que les ours aiment manger les enfants” [9, с. 37]. – «Ну и вот, люди, которые только о еде и думают и гораздо большие лакомки, чем медведи, решили, что медведи любят есть детей» (Перевод Н. Бродских) [9, с. 37]. Оригиналу данного предложения содержит в себе анафору *les hommes qui ne pensait qu’à manger, les hommes qui sont plus gourmands que les ours*, однако Н. Бродских принимает важное решение об исключении словосочетания *les hommes*, не заменяя менее сильным или даже нейтральным аналогом. Переводчик использует стилистическое ослабление, которое стирает выразительность оригинала, затушевывая подчеркнутую броскость выражения и приглушая действие художественного приема. Таким образом, фраза главного героя, описывающая его негодование, звучит менее конфликтно и критично. Перевод Н. Бродских представляется нам удачным, поскольку переводчику удалось сохранить основные черты оригинала и остаться в рамках коннотации, не нарушив сущность исходного текста.

“Odile promet. Elle promettait toujours tout ce qu'on voulait” [9, с. 18]. – «Одиль пообещала. Она всегда обещала все, что от нее требовали» (Перевод

Ю. Стефанова) [9, с. 18]. В данном случае Ю. Стефанов использует прием стилистического соответствия и без особых усилий переводит анафору *Одиль пообещала. Она всегда обещала* равно эквивалентно исходному тексту. Переводчик не нарушает структуру предложения, наполняемость и семантику оригинала. Следовательно, перевод точно воспроизводит мнение о главной героине и осторожно, не искажая эмоциональной окраски, погружает в семантическое ядро высказывания.

Итак, эмоциональный компонент, заложенный в оригинальных выражениях, содержащих анафору, передается переводчиком через стилистическое усиление и стилистическое ослабление.

Эпифора

“*Quelle question stupide! Bien entendu que je le connais, puisque je connais tout*” [9, с. 11]. – «*Что за глупый вопрос! Конечно же, я его знаю, потому что я знаю все*» (Перевод Н. Бродских) [9, с. 11]. В рассматриваемом случае переводчик раскрывает художественный прием *je le connais, puisque je connais tout* благодаря стилистическому соответствию, которое позволяет предложению продемонстрировать эмоциональность и импульсивность происходящей действительности. Н. Бродских как нельзя более четко описывает хвастовство главного героя, его напыщенность, претенциозность и неестественность, при этом не изменяя полноту предложения и смысл исходного текста. Реципиент погружается в сюжетную линию, следуя за персонажами и косвенно присутствуя в закулисе, наблюдая и прислушиваясь к моментам, мгновениям происходящего.

Итак, в проанализированном примере нами было выявлено, что основным приемом при переводе эпифоры в исходном тексте является стилистическое соответствие.

Хиазм

“*Et, à mesure que la boule avance, elle grossit. Elle grossit tellement qu'elle est bientôt aussi haute vue Cécile qui n'est plus assez forte pour la pousser*” [9, с. 35–36]. – «*И чем дальше он катится, тем больше вырастает. И вскоре так*

вырастает, что становится выше самой Сесиль, и у нее уже не хватает сил сдвинуть его с места» (Перевод Н. Бродских) [9, с. 35–36]. В данном случае предложение, содержащее в себе хиазм *...elle grossit. Elle grossit...*, было переведено Н. Бордовских благодаря стилистическому соответствию, которое позволило эквивалентно воспроизвести описательную картину катившегося снежного кома, его размер, который с каждой секундой становился больше, величественнее, угрожающе громадным и внушительным. Перевод художественного приема представляется нам удачным, поскольку переводчик успешно использовал ситуацию переводимости, смог сохранить основные стилистические и структурные черты исходного текста, функционально восполнил межтекстовый инвариант в оригинале и переводе. В данном случае адекватна степень стилистических сдвигов и функционально использованы все приемы образного сходства. Таким образом, Н. Бордовских воспроизводит яркую и живописную картину снежка, превращающегося в громадный, величественный снежный ком, который в силу своего веса уже не поддается главной героине.

Итак, проанализированный пример показывает, что в качестве основного приема при переводе хиазма в оригинале выступает стилистическое соответствие.

Синтаксический параллелизм

“*Moi, Victor, je suis le plus beau. Je suis le plus fort. Je suis intelligent. Je suis le meilleur chasseur et le meilleur pecheur qu'on ait jamais connu de mémoire de hibou*” [9, с. 10]. – «Я, Виктор, самый красивый. Я самый сильный. Я самый умный. Я самый лучший охотник и рыболов в совином роду» (Перевод Н. Бродских) [9, с. 10]. В рассматриваемом случае переводчик с легкостью переводит экспрессивное предложение, содержащее синтаксический параллелизм, благодаря стилистическому соответствию. Н. Бордовских не игнорирует художественный прием *je suis le plus.../ je suis le meilleur...*, раскрывает его в полной мере относительно исходного текста. Экспрессивность выражения разворачивается при демонстрации самовлюбленного, напыщенного и лживого главного героя. Таким образом, перевод предстает для читателя в ярких, живописных

изображениях, описывающих тщеславие, самомнение, себялюбие и гордыню, подчеркивая негативный оттенок данных качеств. Н. Бордовских удалось верно передать исходный смысл оригинала, придерживаясь лексической наполняемости текста.

“C’est toi qui m’as amenée ici, c’est toi qui m’as pris mon bateau, et voilà que tu effaces mon dessin” [9, с. 24]. – «Мало того, что заманил меня сюда, мало того, что угнал мою лодочку, – теперь ты еще взялся стирать мой рисунок!» (Перевод Ю. Стефанова) [9, с. 24]. В представленном случае оригинал предложения менее экспрессивен по сравнению с переводом Ю. Стефанова *Мало того, что заманил меня сюда, мало того, что угнал мою лодочку*, который использовал прием стилистического усиления, что позволило более экспрессивно обыграть синтаксический параллелизм *c’est toi qui...* Переводчик добавил вводные слова *мало того*, которые позволили акцентировать внимание на недовольство и гнев главной героини. Синтаксический параллелизм поспособствовал более яркому и живописному описанию происходящей картины, все более приближаясь к сказочному миру и извлечению мудрости, заложенной в оригинал произведения. Переводчик успешно раскрыл художественный прием, увеличив образность высказывания и не утрачивая семантическую ценность исходного текста.

Итак, можно отметить, что анализ такого художественного приема как синтаксический параллелизм показывает, что важными эмоциональными компонентами оригинала при переводе являются стилистическое соответствие и стилистическое усиление.

Риторическое восклицание

“Tu arrives et tu me demandes d’où je viens, c’est à toi qu’il faudrait poser cette question!” [9, с. 46]. – «Сам явился неизвестно откуда и еще устраивает мне допрос, а ведь это я должна тебя расспрашивать!» (Перевод И. Волевич) [9, с. 46]. Данный пример раскрывает такой художественный прием как риторическое восклицание, которое И. Волевич переводит равно эквивалентно оригиналу за счет стилистического соответствия. В представленном случае перевод

риторического восклицания придает большую выразительность, увеличивает эмоциональную окраску, обогащая речь персонажа, который излагает свое недовольство из-за вторжения в его дом. Таким образом, переводчик транслирует момент наивысшего напряжения чувств, эмоций, символизирует возглас негодования и злости на главного героя подобно оригиналу. Данное выражение сосредотачивает внимание читателя на определенном отрезке текста, благодаря чему важная мысль откладывается и запоминается.

“Sauvez-vous, mes enfants, sauvez-vous! Il est sûrement contagieux!” [9, с. 47]. – *«Прочь от него, дети мои, скорее прочь! Он наверняка заразный!»* (Перевод И. Волевич) [9, с. 47]. В рассматриваемом случае И. Волевич принимает решение прибегнуть к приему стилистического усиления, используя слово *прочь*, вместо *спасайтесь*, которое представлено в тексте оригинала. Данное решение представляется нам удачным, поскольку переводчик сохраняет эмоциональный оттенок и накал обстановки, окружающей главного героя. И. Волевич точно передает риторическое восклицание, окраску испуга, беспокойства и тревоги, намеренно подчеркивая и выдвигая характерные черты оригинала. Таким образом, переводчик успешно довела выражение до границ пафоса и усилила его экспрессивность, сохраняя лексическую наполняемость и полностью передавая семантическую ценность предложения.

“Quelle limpidité!” [9, с. 48]. – *«Вон какие они прозрачные!»* (Перевод И. Волевич) [9, с. 48]. Данное выражение содержит в себе риторическое восклицание, которое И. Волевич переводит используя прием стилистической индивидуализации. В рассматриваемом случае проявляется указательный идиолект переводчика *Вон какие*, который демонстрирует удивление главного героя от окружающей его местности, в которую он случайно попал. Переводчик изменила строфическую организацию выражения, его наполняемость. И. Волевич успешно перевела данное предложение, при этом сохранив образность высказывания, удивление, озадаченность и недопонимание главного героя.

“*Attention! Une truite!*” [9, с. 51]. – «*Снасайтесь! Форель!*» (Перевод И. Волевич) [9, с. 51]. В данном случае перевод И. Волевич звучит равно эквивалентно оригинальному тексту. Здесь переводчик оптимально использует ситуацию переводимости, воссоздает структурные и стилистические черты оригинала, сохраняет адекватную степень стилистических сдвигов и функционально использует все приемы образного сходства и остается в рамках коннотации, не нарушая характер оригинала. Таким образом И. Волевич удается описать происходящую вокруг главного героя суету, тревогу, волнение и панику, которую создают другие персонажи, увидев хищника в своем доме. Данный перевод рисует картину в воображении читателя, он следует за героями, погружаясь в картину опасности, риска и губительной угрозы.

Итак, анализируя примеры, содержащие такой художественный прием как риторическое восклицание, можно сделать вывод, что основным компонентом при переводе исходного текста является стилистическое усиление и стилистическое соответствие.

Подводя итог, нужно отметить, что синтаксический уровень играет важную роль в создании атмосферы сказки, ее магии, повышенной эмоциональности и крайней точки экспрессивности. На синтаксическом уровне экспрессивность оригинала реализована в переводе за счет таких приемов как стилистическое соответствие, стилистическое усиление и стилистическую индивидуализацию, создающих эффект красочности, наполненности, картинности художественного произведения, выделяя доминирующую идею изложения.

Передача экспрессивности на фонетическом уровне

Рассмотрим репрезентацию эмоциональной составляющей в языке перевода в выявленных нами художественных приемах.

Аллитерация

“*Je suis rouge rouge rouge / Le ventre comme un ballon / Regardez mon nez qui bouge / Je suis le roi des poissons*” [9, с. 51]. – «*Я красный, красный, красный / С толстеньким животом / Вот я какой прекрасный / И буду я царем*» (Пере-

вод И. Волевич) [9, с. 51]. Первые стихотворные строки оригинала переведены И. Волевич дословно за счет стилистического соответствия, которое позволило сохранить описательные черты исходного текста. Вторая строка интерпретирована благодаря приему стилистической индивидуализации. Здесь переводчик меняет оригинальные строки, структуру выражения *Le ventre comme un ballon*, на язык перевода *С толстым животом*, что изменяет строфическую организацию стиха, ритм и изобразительность предложения. В данном случае переводчику удалось остаться в рамках образности выражения и воспроизвести замысел оригинала, демонстрируя грандиозные параметры главного персонажа, его масштаб и массивность. Третью строку И. Волевич передает, используя такой прием как стилистическая замена-инверсия *Вот я какой прекрасный*. Здесь переводчик тщательно подходит к задаче рифмовки и согласования первой и третьей строки, следовательно, смысловое построение текста подчиняется первостепенным по важности требованиям организации стиха. И. Волевич перемещает языковые элементы для достижения стилистического сходства, не нанося ущерба для семантики и стиля перевода. Более того, компоненты стиха были обыграны таким образом, чтобы они могли участвовать в создании нового текста и в воспроизведении стиля оригинала. Таким образом, читателю предстает картина душевного и яркого персонажа, который поддержал праздничную и насмешливую песню про него. Четвертая строка была переведена И. Волевич за счет стилистического соответствия, которое равно эквивалентно передает атмосферу веселья, восклицания и радости героев. Переводчик сохранила лексическую наполняемость и ритм оригинала. Таким образом, читатель погружается в праздник, обстановку ликования, свободы, торжественности. Перевод стихотворных строк представляется нам удачным, поскольку И. Волевич сохранила согласованность звучаний, звонкость, голосистость и ритм данного выражения.

“Elle avait des cheveux d’un beau blond de soleil et des yeux bleus comme le ciel des plus belles journées” [9, с. 18]. – «Волосы у нее были золотые, как солн-

це, а глаза – голубые, как небо в ясный денек» (Перевод Ю. Стефанова) [9, с. 18]. Оригинал данного предложения содержит повторяющиеся согласные в словах *beau, blond, bleus, belles*, однако в переводе Ю. Стефанова прием аллитерации был стерт за счет стилистического ослабления *Волосы у нее были золотые, как солнце, а глаза – голубые, как небо в ясный денек*. Переводчик приглушил характерную черту художественного приема и заменил на нейтральную. В данном случае прием аллитерации был затушеван, однако содержательность, идейное наполнение не было искажено. Следовательно, данное предложение звучит описательно ярко, эксцентрично и экспрессивно.

Итак, эмоциональный компонент, заложенный на фонетическом уровне, передается переводчиком через стилистическое соответствие, стилистическую индивидуализацию, стилистическую замену-инверсию и стилистическое ослабление. Данные приемы позволяют выделить значимые слова, акцентировать на них внимание читателя и помогают вникнуть и осознать авторское настроение, замысел всего изложения.

Таким образом, суммируя вышесказанное, с точки зрения стилистических ресурсов выразительность речи Б. Клавеля создается главным образом с помощью таких приемов как: анафора, эпифора, синтаксический параллелизм, хиазм, риторическое восклицание, к которым автор прибегает с целью усиления воздействия на читателя, внушения и создания атмосферы сказки, повышает эмоциональность, достигая крайней точки экспрессивности. Наиболее частотными фигурами в литературных сказках Б. Клавеля являются эпифора и риторическое восклицание. В исследовании мы также рассмотрели эмоциональное восприятие сказки Б. Клавеля на фонетическом уровне, где выявлена редко встречающаяся аллитерация, которая придала высказыванию красочный и торжественный вид и акцентировала внимание на важных деталях изложения.

Нами установлено, что в процессе передачи экспрессивности современных литературных сказок Б. Клавеля на русский язык на синтаксическом и фонетическом уровнях возможно использование разных переводческих транс-

формаций, таких как стилистическое соответствие, стилистическое усиление, стилистическое ослабление, стилистическая замена-инверсия и стилистическая индивидуализация.

Рассматриваемые в статье вопросы требуют привлечения более широкого материала, охватывающего разного рода подходы к переводу литературных сказок Б. Клавеля. В таком случае картина вариативных приемов для создания экспрессивности предстанет перед лингвистами гораздо конкретнее, масштабнее и объективнее. Наше исследование лишь одна из попыток в плане реализации этой актуальной проблемы.

Список литературы

1. Брауде Л.Ю. *Скандинавская литературная сказка*. М.: Наука; 1979.
2. Ковтун Е.Н. *Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа*. М.: Изд-во МГУ; 1999.
3. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. *Современная русская литература. 1950–1990-е годы*: в 2 т. М.: Academia; 2003. Т. 1. 412 с.
4. Порческу Г.В. Средства создания экспрессивности в сказке и способы их перевода. *Вестник Вятского государственного университета*. 2017;12:183–187. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-sozdaniya-ekspressivnosti-v-skazke-i-sposoby-ih-perevoda> (обращение 10.12.2024).
5. Новикова Э.Ю. Сказка Б. Гримм как объект перевода: вариативность, прагматика, адаптация. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(3):366–382. URL: <http://kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/463/339> (обращение 10.12.2024).
6. Стариннова К.В., Хорошева Е.А. Презентация экспрессивности в французской литературной сказке. *Л Огарёвские чтения: материалы научной конференции*: в 3 ч. Саранск, 06–11 декабря 2021 г. Саранск: Мордов. гос. ун-т им. Н.П. Огарёва. 2022;3:255–260.
7. Савина Е.В. Репрезентация экспрессивности современных литературных сказок Б. Клавеля на русский язык: лексический аспект. *Теория языка и межкультурная коммуникация*. Курск. 2024;2(53):258–270. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5360/ (обращение 20.12.2024).
8. Попович А. *Проблемы художественного перевода*. М.: Высш. шк.; 1980.
9. Клавель Б. *Поющее дерево: Сборник сказок*. Сост. Н.С. Бордовских. На франц. яз. с параллельным русским текстом. М.: Радуга; 1987.

References

1. Braude L.U. *Scandinavian literary tale*. Moscow: Nauka; 1979.
2. Kovtun E.N. *Poetics of the extraordinary: the artistic worlds of fantasy, fairy tale, utopia, parable, and myth*. Moscow: Moscow University Press; 1999.
3. Leiderman N.L., Lipovetsky M.N. *Modern Russian Literature: 1950–1990*: in 2 vols. Moscow: Academia, 2003. Vol. 1. 412 p.
4. Porchescu G.V. Means of making expressiveness in the tale and methods of their translation. *Herald of Vyatka State University*. 2017;12:183–187. Available from: https://vestnik.tspu.edu.ru/archive.html?year=2012&issue=1&article_id=3261 (accessed date: 10.12.2024). (In Russ.)

5. Novikova E.Yu. The Brothers Grimm Fairy Tale as an Object of Translation: Variability, Pragmatics, Adaptation. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(3):366–382. Available from: <http://kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/463/339> (accessed date: 10.12.2024). (In Russ.)
6. Starinnova K.V., Khorosheva E.A. Techniques for creating expressiveness in a modern literary fairy tale. *L Ogarev readings: Materials of the scientific conference: in 3 parts*. Saransk, 06–11 Decembre 2021. Saransk: Ogarev Mordovia State University. 2022;3:255–260.
7. Savina E.V. Representation of expressiveness of Bernard Clavel's modern literary fairy tales in russian language: lexical aspect. *Theory of language and intercultural communication*. Kursk. 2024;2(53):258–270. Available from: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5360/ (accessed date: 20.12.2024). (In Russ.)
8. Popovich A. *Problems of literary translation*. Moscow: Vysshaya shkola; 1980.
9. Clavel B. *The singing tree: Fairy tales collection*. Redactor N.S. Bordovskikh. In French with a parallel russian text. Moscow: Raduga; 1987.

Авторы публикации

Хорошева Екатерина Андреевна –
Доцент
Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарёва
Саранск, Россия
Email: Katerina-Skoptsova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4898-0605>

Савина Елена Владимировна –
Доцент
Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарёва
Саранск, Россия
Email: Elena-Savina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5935-3538>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.02.2025
Одобрена после рецензирования: 20.02.2025
Принята к публикации: 28.02.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Khorosheva Ekaterina Andreevna –
Associate Professor, Ph.D. (Curturology)
National Research Mordovia State University
Saransk, Russia
Email: Katerina-Skoptsova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4898-0605>

Savina Elena Vladimirovna –
Associate Professor, Ph.D. (Philology)
National Research Mordovia State University
Saransk, Russia
Email: Elena-Savina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5935-3538>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 02.02.2025
Approved after peer reviewing: 20.02.2025
Accepted for publication: 28.02.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал
Главный редактор – С.С. Тахтарова
Выпускающий редактор – А.Р. Лисенко
Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова
Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова
Научные редакторы:
Ф.Л. Ратнер (педагогика)
Л.Е. Бушканец (литературоведение)
Л.Р. Сакаева (лингвистика)

Kazan Linguistic Journal
International peer-reviewed journal
Chief editor – S.S. Takhtarova
Executive editor – A.R. Lisenko
Press and editorial manager – D.R. Sabirova
Responsible editor – A.A. Abdrakhmanova
Scientific editors:
F.L. Ratner (pedagogics)
L.E. Bushkanets (literary studies)
L.R. Sakaeva (linguistics)

Date of publication: 14.03.2025. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board

The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge.

Дата выхода в свет: 14.03.2025. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нужиной, 1/37, г. Казань, Республика Татарстан, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

